

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

Серия:

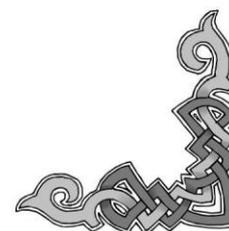
Исторические науки.

Культурология.

Политические науки.

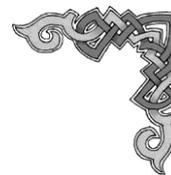

**№ 1
2021**

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:
Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2021, № 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.
www.online-science.ru)

Основан в 2019 г.

ISSN печатной версии: [2713-1742](#) ISSN электронной версии: [2686-8350](#)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: [ЭЛ № ФС 77 - 79416 от 13.11.2020](#)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования) № 453-12/2019 от 30.12.2019 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

EDITOR-IN-CHIEF:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Yulia Yu. Bugaenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

ПЕРЕВОДЧИК: *Шелкова Елена Андреевна*

FIRST: *Elena A. Shelkova*

КОРРЕКТОР: *Попов Михаил Юрьевич*

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

THE MURDERERS:

LLC «Science and Education»;
FGBOU VPO «Adygeya State University».

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Тел. (861) 226-08-65
E-mail: milena.555@mail.ru

Тел. (861) 226-08-65
E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенной академии (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Victor Zbignev – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University

Natalia V. Kiselyova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологи и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Рассказов Леонид Павлович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Узунев Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

Leonid P. Rasskazov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and glocalization, Rostov State Economic University;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Petr Ya. Citkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васьков М.А. Деятельность меньшевиков среди донского казачества	11
Жолдошев Н.Ж. Памир и памирские кыргызы в трудах А.Е. Снесарева	19
Касьянов В.В. радикализация информационного пространства Европы на основе фальсификации истории Второй мировой войны	28
Кислицын С.А. Террористическое рассказывание: причины, развертывание и последствия	34
Нуралиева М.Т. Приведение в соответствие составление словарей в Кыргызстане	44
Упоров И.В., Попов М.Ю. Социально-экономические истоки застойного периода в истории Советского государства и его характеристики (конец 1950-х – начало 1980-х годов)	48
Чапурко Т.М., Бытый Е.Э. Социально-политические и историко-правовые аспекты преступлений, совершаемых вопреки интересам военной службы в России (досоветский период)	52
Шандулин Е.А., Аганов А.А. Внутренняя политика императора Александра I в контексте его европейской политики после завершения наполеоновских войн (1814–1820 гг.)	57

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гафиатулина Н.Х. Проблемы полилингвизма в мультикультуральном пространстве современного общества	67
Липаева Д.Е. Аниме как синтетический художественный текст	71
Лугинина А.Г. Виртуальная реальность как социокультурный феномен	76
Плоских В.В., Скрипников В.А. Влияние пандемии COVID-19 на event-индустрию Кыргызской Республики	81
Пчегатлук С.К., Даниелян А.Г. Сепаратизм как феномен европейской культуры в условиях пандемии	85
Тахтамышев В.Г., Рюмина М.С. Культурные аспекты кризиса современного образования	90
Тужба Э.Н. Трансформация культурной сферы Абхазии: динамика и перспективы	96
Харсеева Н.В., Щербакова Е.Н., Дубовцева Н.В., Байстрюченко Д.А. Род Васнецовых: служение Отечеству (на примере священства и воинства). Часть 2	101

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Перова М.В., Никоненко Н.Д., Стельмах С.А. Антинаркотическая деятельность органов государственной власти: политико-правовое и организационное обеспечение	113
Васьков М.А., Ямалов А.В. Политические риски роста влияния ислама на традиционные верования современного абхазского общества	117

Воронцов С.А., Керимов О.Ю. Взаимосвязь государства и гражданского общества в политической системе современной России.....	123
Ламинина О.Г. Научно-техническая политика Российской Федерации в условиях пандемии	126
Понеделков А.В., Максимов М.В. Формы осуществления права граждан на прямое волеизъявление в системе местного самоуправления	130
Рябошапка О.Н. Политико-социальные аспекты правящей элиты в вопросах расширения прав граждан в регулировании общественно-значимых сфер.....	136
Чапурко Т.М., Исаков А.Л., Роговенко М.А. Функционально-структурный анализ процессов перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые институты	141

CONTENTS:

HISTORICAL SCIENCES

Maxim A. Vaskov Activities of the Mensheviks among the Don Cossacks	11
Nyrbek J. Joldoshev Pamir and pamir kyrgyz in the works of A.E. Snesev	19
Valery V. Kasyanov Radicalization of the information space of Europe on the basis of falsification of the history of the second world war	28
Sergey A. Kislitsyn Terrorist storytelling: causes, deployment, and consequences	34
Mimoza T. Nuraliyev Aligning dictionaries in Kyrgyzstan	44
Ivan V. Uporov, Mikhail U. Popov Socio-economic origins of the standby period in the history of the Soviet state and its characteristics (late 1950s – early 1980s)	48
Tatiana M. Chapurko, Evgeny E. Bytyy Socio-political and historical-legal aspects of crimes committed in contrast interests of the military service in Russia (pre-Soviet period)	52
Evgeny A. Shandulin, Andrey A. Aganov The internal policy of Emperor Alexander I in the context of his European policy after the end of the Napoleonic Wars (1814–1820)	57

CULTURAL SCIENCE

Natalya Kh. Gafiatulina Problems of polylinguism in the multicultural space of modern society	67
Daria E. Lipayeva Anime as a synthetic artistic text	71
Anna G. Luginina Virtual reality as a sociocultural phenomenon	76
Victoria V. Ploskikh, Valery A. Skripnikov The impact of the COVID-19 pandemic on the event industry of the Kyrgyz Republic	81
Svetlana K. Pchegatluk, Andrei G. Danielyan Separatism as a phenomenon of European culture in pandemic conditions	85
Vladimir G. Takhtamyshev, Marina S. Ryumina Cultural aspects of the crisis of modern education	90
Emir N. Tuzhba Transformation of the cultural sphere of Abkhazia: dynamics and prospects	96
Natalia V. Harseeva, Elena N. Shcherbakova, Nina V. Dubovtseva, Dmitry A. Baystrichenko The Vasnetsov family: service to the Fatherland (in the example of the priesthood and military). Part 2	101

POLITICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Natalia D. Nikonenko, Marina V. Perova, Sergey A. Stelmax Anti-drug activities of state authorities: political-legal and organizational support	113
Maxim A. Vaskov, Alis V. Yamalov Political risks of increasing the influence of Islam on the traditional beliefs of modern Abkhazian society	117

Sergey A. Vorontsov, Oleg U. Kerimov The relationship between the state and civil society in the political system of modern Russia	123
Olga G. Laminina Scientific and technical policy of the Russian Federation in the conditions of the pandemic	126
Aleksandr V. Ponedelkov, Maksim V. Maximov Forms of exercise of the right of citizens to express will in the system of local government	130
Olesya N. Ryabosapko Political and social aspects of the ruling elite in the issues of expanding the rights of citizens in the regulation of public spheres	136
Tatiana M. Chapurko, Artur L. Isakov, Mikhail A. Rogovenko Functional-structural analysis of the processes of transition of civic activity from real socio-political institutions to network institutions	141

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Васьков Максим Александрович
 доктор социологических наук,
 кандидат исторических наук,
 профессор кафедры
 образования и педагогических наук,
 Академия психологии и педагогики,
 Южный федеральный университет
 vaskovmaxim@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕНШЕВИКОВ СРЕДИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена актуальной для постсоветской исторической науки теме деятельности меньшевиков среди донского казачества в силу того обстоятельства, что в советской историографии, в силу идеологических причин, этой или не уделялось внимания, или же, деятельности как меньшевиков, так и казачеству, в целом, давалась крайне негативная оценка.

Автором публикации, благодаря использованию архивных источников и воспоминаний представителей зарубежной эмиграции, была предпринята, в целом, удачная попытка провести исторический анализ революционной деятельности как меньшевиков, так и представителей казачьего крыла социал-демократии на Дону в период с начала 1900-х гг. и до 1917 г.

Ключевые слова: революционное движение на Дону, казачье социал-демократическое движение, меньшевики, Государственная Дума, Донской комитет РСДРП.

История попыток революционно настроенной части казачьей интеллигенции наладить сотрудничество с донскими социал-демократическими организациями серьёзно не рассматривалась ни в советской, ни в эмигрантской историографии. Согласно принятой в советское время интерпретации истории организаций «Вторая казачья воля» и «Донская казачья организация», им было отказано даже в праве называться социал-демократическими и революционными.

Негативная оценка деятельности, в частности, организации «Вторая казачья воля» была дана представителем большевиков, а затем воспроизводилась в исторических исследованиях, написанных историками советского периода. С 1903 года проводила свою работу организация «Казачья воля». В жандармских донесениях она представлялась социал-демократической, но на самом деле была далека от того [1, с. 135]. Также, в 1904 году в корреспонденции, направленной в большевистский ЦК, говорилось: «Если ранее в организацию «Казачья воля» («Вторая казачья воля» М.В.) входили люди хоть скольнибудь причастные к социал- демократии, то

Maxim A. Waskov
 Doctor of Sociological Sciences,
 Candidate of Historical Sciences,
 Professor of the Department
 Education and Pedagogical Sciences,
 Academy of Psychology and Pedagogy,
 Southern Federal University
 vaskovmaxim@mail.ru

ACTIVITIES OF THE MENSHEVIKS AMONG THE DON COSSACKS

Annotation. The article is devoted to the topic of the activities of Mensheviks among the Don Cossacks, the topic of the activities of Mensheviks, for the fact that in Soviet historiography, due to the ideological reasons, this or did not pay attention, or the activities of both Mensheviks and the Cossacks, in general, was extremely Negative assessment.

The author of the publication, thanks to the use of archival sources and memories of representatives of foreign emigration, was undertaken, in general, a successful attempt to conduct a historical analysis of the revolutionary activities of both Mensheviks and representatives of the Cossack Wing of Social Democracy on the Don from the beginning of the 1900s. and until 1917.

Keywords: revolutionary movement on Don, Cossack Social Democratic Movement, Mensheviks, State Duma, Don Committee of the RSDLP.

заподозрить их существование в группе в настоящее время значило бы нанести кровное оскорбление не только марксизму, но и даже простому здравому смыслу». Судя по листовке «Письмо казака к казакам», выпущенной «Казачьей волей», в которой излагались требования казаков, в том числе и по аграрному вопросу, программа группы ближе всего подходила к программе новочеркасских кадетов.

В историографии 1920-х годов также практически не уделялось внимания работе самостоятельных казачьих организаций, ставивших своей целью ведение систематической пропаганды социал-демократических идей среди донского казачества и крестьянства. В статье П. Ратенера [2], посвященной истории социал-демократической агитации среди донского казачества в 1902–1903 годах, изложение материала фактически сводится к критике агитации, имевшей место со стороны Донского комитета РСДРП. Донком обвиняется в недостаточной четкой постановке вопроса о ликвидации традиционной сословной обособленности казачества, сильной переоценке революционных традиций донского казачества [2, с. 144]. В целом, П. Ратенер сосредото-

точил своё внимание на критическом описании хода работы среди казачества партийных организаций, подчинявшихся Донскому комитету, и самого Донкома. Попытки части казачьей интеллигенции самостоятельно проводить пропаганду социал-демократических идей в его работе не рассматривались. Другим основным источником, на который ссылаются указанные исследования, является письмо, которое было написано неизвестным членом новочеркасской группы РСДРП, большевиком, содержащее негативную оценку деятельности организации «Казачья воля» и, вообще, попыток представителей казачьей интеллигенции самостоятельно заниматься социал-демократической пропагандой. Письмо было адресовано Надежде Константиновне Крупской и опубликовано в качестве корреспонденции в газете «Пролетарий». В нем автор оценил организацию «Казачья воля» как кадетскую [3, с. 3].

Не менее категоричным был в своих оценках работы Донского комитета РСДРП среди казачества С.Г. Сватиков, известный эмигрантский историк и общественный деятель, принимавший активное участие в общественно-политической жизни Области войска донского(далее, ОВД). Он отмечал, что, отказавшись от активной пропаганды социал-демократических идей среди казачества, социал-демократы допустили серьёзную политическую ошибку. Организацию «Казачья воля» С.Г. Сватиков ортодоксально социал-демократической не считал. С.Г. Сватиков сделал свой анализ на основе части печатных прокламаций, выпущенных организацией «Казачья воля», не имея доступа к собранным полицией документам, в которых отражалась деятельность казачьих социал-демократических организаций.

Основываясь на комплексном изучении документов Донского охранного отделения, Донского жандармского управления, печатных изданий самих казачьих организаций, пытавшихся проводить пропаганду социал-демократических идей, можно проследить их историю, специфику взаимоотношений с Донским Комитетом РСДРП и идейную эволюцию.

В среде казачьей интеллигенции, разделявшей социал-демократические идеи, существовало стремление самостоятельно проводить их пропаганду с учетом специфики интересов массы казачьей и крестьянской бедноты, особенностей её мировоззрения и быта. Это являлось отличительной особенностью деятельности этих организаций. Социал-демократическая идеология пропагандировалась на фоне чисто казачьих и крестьянских, а не рабочих требований. Уже само стремление действовать в рамках жестко ориентированной на интересы пролетариата социал-демократической идеологии одновременно среди нескольких социальных групп, имевших практически диаметрально противоположные взгляды и интересы, делало невозможным проводить подобную работу долгое время. Стремление развернуть среди казачества социал-демократическую пропаганду появилось у части революционно настроенной казачьей интеллигенции практически с того самого времени,

как начали распространяться сами социал-демократические идеи и работы их теоретиков. Одним из энтузиастов этого процесса стал известный донской общественный деятель С.Г. Сватиков. Он поддерживал контакт с Донским комитетом РСДРП, одновременно ведя переписку с ленинской «Искрой», находясь за границей [4, с. 16]. В направленном в газету «Искра» письме от 27 мая 1903 года С.Г. Сватиков предлагал свою помощь в установлении непосредственного контакта между «Искрой» и группой казаков-интеллигентов, желавших организовать кружок для ведения пропаганды социал-демократических идей среди казачества. Информация, содержащаяся в письме С.Г. Сватикова, недостаточна для того, чтобы как-то идентифицировать эту группу, однако она свидетельствует о том, что в начале 1900-х годов подобные стремления уже были непреложным фактом.

Появление самостоятельных казачьих социал-демократических организаций, состоявших в подавляющем большинстве из представителей казачьей интеллигенции, относится к началу 1903 года. Первой социал- демократической казачьей организацией, начавшей активно работать на территории ОВД, стала социал-демократическая группа, образовавшаяся в станице Каменской и присвоившая себе название «Вторая казачья воля».

Второй организацией, ставившей своей целью вести социал- демократическую пропаганду среди казачества, стала действовавшая в городе Новочеркасске и близлежащих к нему станицах социал- демократическая группа «Донцы» – «Донская казачья организация». Необходимо отметить, что эта группа неоднократно изменяла своё название. В документах Донского жандармского управления она была известна так же под наименованиями «Казачья воля», «Донские казаки», «Донцы». После ряда переименований её члены остановили свой выбор на названии «Донцы», однако в полицейских документах она часто продолжала упоминаться как «Донская казачья организация».

Как показывают материалы Донского жандармского управления, состав общества «Донцы» был чисто интеллигентским. Члены этой организации в основном были учащимися высших учебных заведений, сотрудниками газет, народными учителями [5]. Фактическим руководителем этой организации первоначально был Н.И. Еланин, однако, практически сразу, после начала её активной деятельности на первый план в её руководстве вышел мировой судья Н.А. Захарьев. Видными членами организации «Донцы», занимавшимися систематической революционной работой, были: заведующий новочеркасским отделением газеты «Приазовский край» В.А. Луизов, его сестра Е.А. Луизова, сотрудник газеты «Приазовский край» П.А. Киреев, бывшие студенты высших учебных заведений, исключенные из них как политически неблагонадежные: Борисов, Картушин, Нефёдов, студенты, продолжавшие своё образование, Волнов, Стойкий [5].

Членами Донской казачьей организации был создан интересный программный документ, заслуживающий детального анализа: «Казачьи нужды (проект казачьей программы)». В его преамбуле говорилось о революционных традициях казачества, восходящих ко временам С. Разина и К. Булавина, и что из-за действий правительства казаки из борцов за правду и народ превратились в опору самодержавия и тем самым противопоставили себя многомиллионной массе угнетенных. Сразу бросается в глаза отсутствие какого-либо упоминания о связях, выпустившей прокламацию организации, с РСДРП. Простые казаки, на которых собственно и была рассчитана прокламация, не разбирались в политических партиях, к тому же, позиции РСДРП были в отношении их достаточно уязвимы. Социал-демократическая программа была рассчитана, прежде всего, на работу с пролетариатом, и в отношении такой специфической среды, как казачество, не разрабатывалось отдельной программы.

По большому счёту, представителям действовавших на Дону организаций РСДРП было нечего предложить казакам, кроме призывов не участвовать в подавлении народных выступлений и обещаний, что после победы революции они смогут установить справедливый общественный строй. В этих условиях члены социал-демократических казачьих организаций, сами принадлежавшие к казачьему сословию, были вынуждены самостоятельно формулировать программные положения и пытаться примирить интересы казачества с марксистской идеологией.

В прокламации казаков призывают бороться с правительством вместе с рабочими и крестьянами и обосновывают для них необходимость перейти на сторону антиправительственных сил, прежде всего, тем, что, только свергнув самодержавие, можно будет удовлетворить их экономические требования и разрядить напряжённую социальную обстановку. По мнению представителей Донской казачьей организации, у казаков было четыре привилегии, которые были отняты у них самодержавием: полноценный войсковой круг, демократически избранные, а не назначенные властями войсковые атаманы, земля в распоряжении простых казаков-труженников и войсковая казна [5]. Авторы программы обращались к существовавшему у простых казаков идеализированному образу жизни до установления на Дону жесткой центральной власти русского государства, которое начало допускать ущемление интересов рядового казачества.

Что касается программной части воззвания, то она делится на четыре основных блока, касающиеся создания демократической системы местного самоуправления и центральной власти ОВД, земельного вопроса, организации казачьей службы и войскового капитала. Фактически, в анализируемом документе можно выделить три составные части: это собственно казачьи требования, четко сформулированные членами Донской казачьей организации, а также элементы программ радикальных либералов и социал-

демократов. По вопросу об организации казачьего самоуправления требовалось вернуть полноценный, демократический войсковой круг, в выборах депутатов которого должно было участвовать все казачье население ОВД начиная с 20-летнего возраста. Выборы депутатов войскового круга должны осуществляться посредством всеобщего прямого равного и тайного голосования. Войсковой атаман без согласия Круга не имеет никакой власти, он должен избираться сроком на один год. Также, демократично должны избираться станичные атаманы [6]. В отношении земельного вопроса констатировался факт постепенного разорения хозяйств простых казаков. Причины этого виделась, прежде всего, в том, что наиболее пригодные для обработки земли незаконно перешли в руки помещиков, чиновников и казне. В свете этого выдвигались следующие требования: конфисковать все земли монастырей и церквей, каждому казаку предоставляется право свободного выхода из общины с выделением земельного надела, конфисковать частновладельческие (помещичьи – М.В.) земли без какого-либо выкупа и передать крестьянам (получение этих земель считалось неотъемлемым правом крестьян, издавна проживающих в Донской области). Также, в программе Донской казачьей организации выдвигалось требование прекратить скупку правительством земель у крупных частных владельцев, так как, благодаря этим сделкам, происходит незаконное обогащение чиновников, а простые казаки и крестьяне не получают ничего. В вопросе, касавшемся организации казачьей службы, четко прослеживается влияние социал-демократической идеологии.

«Содержание постоянных армий, численный состав которых увеличивается с каждым годом, тяжелым бременем ложится на народ. Между тем, необходимость в этих армиях для народа с каждым годом уменьшается. В существовании постоянных армий заинтересованы только правители, помещики и фабриканты, которым армия нужна для борьбы с народом. Поэтому мы требуем замены постоянной армии народной милицией, то есть, вооружения всех граждан, обучаемых для этого военному искусству, и, притом, на местах их жительства. Для войны с внешним врагом милиция составит страшную силу, а внутри государства вырвет из рук правителей и угнетателей возможность расстреливать мирных граждан за их справедливые требования» [6]. Войсковой капитал должен быть передан в собственность Войскового круга, и при его использовании должны учитываться культурно просветительские цели: строительство школ, библиотек-читален, проведение дорог [6].

Наиболее четко социалистическая программа нашла отражение в части, касавшейся организации казачьей службы. Фактически уже в этом программном документе видны несоответствия между социал-демократической идеологией и казачьим укладом жизни, которые в последствии привели к неудачной попытке создать самостоятельные казачьи социал-демократические организации.

Организация «Вторая казачья воля» была создана и бессменно возглавлялась агрономом

В.П. Грековым. В ней активно работали бывшие студенты высших учебных заведений, исключенная из них за активное участие в деятельности социал-демократических кружков: Я.П. Прощаков, В.Д. Лыткин, его жена Е.И. Лыткина и выпускник Атаманского технического училища Марченков [5].

Из двух указанных выше казачьих организаций социал-демократического толка наиболее тесную связь с официальными партийными ячейками РСДРП имела, действовавшая в Новочеркасске, «Донская казачья организация». К середине мая 1907 года «Донская казачья организация» (Донцы) и новочеркасская группа РСДРП действовали совместно [7]. К моменту своей ликвидации «Донская казачья организация» практически слилась в одно целое с меньшевистской новочеркасской группой РСДРП, сохранив, однако, видимость самостоятельной организационной структуры.

За время своей работы «Вторая казачья воля» и «Донская казачья организация» выпустили следующие печатные издания: «Письмо казака к казакам», «Ещё мобилизация», а также воззвания под заголовками: «Революционная волна с каждым днём ...», «Станичники, Тихий Дон...» (о выпуске двух последних воззваний известно только из документов Донского жандармского управления, их текст, судя по всему, не сохранился) [8]. Из-за малочисленности собственных изданий казачьи социал-демократические организации в своей работе опирались на издания, получаемые от Донского комитета РСДРП. Из них наиболее часто использовались: «Программа РСДРП», «Письмо рабочего казакам», «Крестьяне бунтуют», «Долой мобилизацию», «К солдатам», «Солдатская памятка», «Опять мобилизация», «Всеобщее равное прямое и тайное избирательное право», «Ко всем лишенным прав», «Резолюция, принятая на собрании рабочих Ростова и Нахичевани-на-Дону». Также, есть указания на то, что в 1907 году представители новочеркасской группы РСДРП и «Донской казачьей организации» (Донцы) начали также использовать и литературу, отражавшую узкофракционные интересы. В частности, при аресте у членов Новочеркасской группы РСДРП большевиков В.Ф. Абакумова и П.А. Карпова была изъята книга В.И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», которую они использовали как пропагандистский материал для обоснования преимуществ большевистской тактики ведения революционной Борьбы [9, с. 199].

Кроме чисто пропагандистской деятельности члены казачьих социал-демократических организаций оказывали Донскому комитету РСДРП и его новочеркасской группе поддержку в их технической и нелегальной работе. В частности, члены, действовавшей в станице Каменской организации «Вторая казачья воля», снабжали находившихся на нелегальном положении сотрудников донских социал-демократических организаций. При этом никаких различий в их фракционной принадлежности не делалось.

Члены «Второй казачьей воли» снабжали партийные организации бланками паспортов и видов на жительство, похищенными в правлении станицы Каменской [10].

Существование указанных социал-демократических казачьих организаций фактически прекратилось к концу 1907 года. Это объясняется целым рядом причин. Объективной причиной, способствовавшей прекращению деятельности социал-демократических казачьих организаций, стала активная репрессивная политика органов политической полиции. В полиции всерьёз опасались возможности того, что РСДРП сможет стать влиятельной политической силой среди недовольного своим участием в подавлении революционных выступлений и экономическим положением казачьих масс. Хотя репрессии серьёзно не коснулись интеллигентского костяка организаций («Донцы-Донская казачья организация» и «Вторая казачья воля»), однако, они серьёзно затронули поддерживавших с ними контакт членов организаций РСДРП. Как уже говорилось выше, только в одном Новочеркасске во время проведения полицейской акции было арестовано 20 членов городской группы РСДРП, которые занимались революционной пропагандой среди казачества [9, с. 199]. В результате череды постоянных арестов, проводившихся в 1906 и 1907 году, группы РСДРП, занимавшиеся социал-демократической пропагандой среди казаков, были значительно ослаблены и, как результат, снизили активность или совсем прекратили своё существование.

Аресты изолировали от участия в революционной деятельности, как правило, наиболее активных членов РСДРП. Этим самым наносился урон не только численности партии, но и её кадровому потенциалу. Другим важным последствием проводившейся властями активной репрессивной политики стал практически полный разрыв наработывавшихся годами систематической работы политических и личных связей.

Наряду с этим, важной причиной, вызвавшей провал попыток организовать весте казаков социал-демократическую пропаганду и предопределившей неудачный итог работы самостоятельных социал-демократических организаций, созданных представителями части казачьей интеллигенции, стали изменения, произошедшие в политических взглядах у представителей всех заинтересованных сторон.

Члены партийных комитетов РСДРП, не видя начала какого-либо активного революционного движения среди казачества, быстро разочаровались в его потенциале, уже окончательно определив казачество как реакционное и контрреволюционное сословие, являющееся прочной опорой самодержавного строя. Среди тех интеллигентов, которые начинали создавать самостоятельные казачьи организации, произошел фактический раскол. Часть из них отказалась от попыток организовать самостоятельную работу среди казачества и в дальнейшем действовали исключительно в рамках официальных органи-

заций РСДРП, другие вообще прекратили революционную деятельность. Главной причиной раскола стало осознание невозможности сочетать практически диаметрально противоположные интересы и требования рабочих, крестьян и казаков в рамках четко определённой и не допускающей каких-либо идейных вольностей социал-демократической доктрины. Участники казачьих социал-демократических организаций оказались в значительно большей степени казаками, чем социал-демократами. Причем, это оказалось характерным не только для большевиков с их жесткими политическими установками, но и для меньшевиков, которые были в большей степени расположены к сотрудничеству с представителями других политических групп. Лишь небольшая часть членов организаций «Вторая казачья воля» и «Донская казачья организация» (Донцы) стали членами партийных ячеек РСДРП, большинство же к рубежу 1907–1908 годов практически полностью отошло от активной политической деятельности и вообще какого-либо участия в революционном движении, свободно вступить в оппозиционные, но, всё же, более умеренные по своей тактике и программе политические партии.

Первым значительным политическим событием, в ходе которого кадетам и социал-демократам пришлось искать пути взаимодействия, стали выборы в первую Государственную Думу. Если в рядах кадетской партии по этому вопросу серьёзных разногласий не возникало, то между фракциями РСДРП разгорелась острая полемика. Большевики во главе с В.И. Лениным выступили с идеей бойкота выборов и работы Государственной Думы, меньшевики же во главе с Ю.О. Мартовым предлагали использовать новые возможности, которые открывало появление думского института для активизации революционной борьбы.

В вопросе об участии в выборах в первую Государственную Думу меньшевистский Донской комитет поддерживал позицию не Ю.О. Мартова, а В.И. Ленина. Донской комитет одновременно с большевистской организацией Таганрога, но без специального согласования, принял решение о необходимости бойкота Государственной Думы. Официальная точка зрения Донского комитета по этому вопросу была изложена в прокламации «Ко всем рабочим и работникам Ростова и Нахичевани» от 5(18) марта 1906 года. В ней говорилось, что необходимо выбрать уполномоченных, но не ради хоть какого-то участия в самих выборах в Государственную Думу, а лишь затем, чтобы они перед лицом всей России и всего мира заявили, что рабочий класс не допустит созыва Государственной Думы, что он по-прежнему готовится к продолжению вооруженной борьбы за всенародное Учредительное собрание. По этому вопросу практически идентичной была позиция и таганрогской большевистской организации РСДРП. В резолюции таганрогской организации говорилось о полном и активном бойкоте выборов в первую Государственную Думу [9, с. 292]. Можно сказать, что, несмотря на общую для представителей обеих фракций РСДРП стратегическую задачу – сорвать выборы, нали-

цо были расхождения в тактическом вопросе: как именно нужно это сделать. Уже сам факт участия (по плану меньшевиков из Донского комитета) в избрании своих уполномоченных создавал повод для проведения комбинаций с другими политическими партиями и свидетельствовал о большой гибкости меньшевиков при решении тактических вопросов. Агитация представителей кадетской партии среди рабочих за то, чтобы они поддержали Государственную Думу, приняла участие в выборах, а также, направляли телеграммы от имени заводских рабочих и сельских обществ в поддержку Государственной Думы, что создавало бы иллюзию поддержки кадетской партии и её политики среди рабочих, возмущала социал-демократов. Попытки какой-либо иной политической силы вести пропаганду своих идей среди рабочих всегда вызывали резко негативную реакцию со стороны социал-демократов, и это в значительной степени осложняло сотрудничество между РСДРП и другими политическими организациями.

Предполагая, что ещё возможен острый конфликт с правительством и роспуск Государственной Думы, и что, в этом случае, им предстоит бороться в одних рядах с представителями революционных партий, кадеты поддерживали тесный контакт с представителями РСДРП и социалистами-революционерами. Несмотря на своё негативное отношение к попыткам кадетов развернуть свою агитационную кампанию среди рабочих, руководившие донским комитетом РСДРП и связанными с ним местными партийными организациями, меньшевики не шли на полный разрыв с кадетами, сохраняя возможности для возобновления активного сотрудничества.

Здесь нужно отметить следующий интересный момент. В то время, когда руководители меньшевистских организаций вели довольно осторожную политику, не доводя до полного разрыва с либералами, рядовые члены их организаций продолжали выступать с антикадетской агитацией. В частности, в Новочеркасске такую агитацию вразрез с господствовавшей в этот момент тактической линией проводили меньшевики, издававшие «Школьный журнал для всех».

С роспуском недолговечной Государственной Думы первого созыва в политической обстановке как в стране, в целом, так и, конкретно, в Донской области произошли существенные изменения. К началу избирательной кампании во вторую Государственную Думу изменились политические установки самой РСДРП и других политических партий.

Во-первых, роспуск первой Государственной Думы и существовавшие опасения, что её нового созыва просто не будет, усилили оппозиционные настроения у представителей либеральной интеллигенции, и создали дополнительные предпосылки для активизации рос сотрудничества с социал-демократами.

Во-вторых, к этому времени изменился и сам характер РСДРП. Если в ходе прошлой избира-

тельной кампании можно было говорить только о тактике отдельных фракций, то теперь, после того, как в Стокгольме прошел объединительный съезд РСДРП, речь уже шла о единой партийной стратегии и тактике. Объединительный съезд практически совпал по времени с выборами в первую Государственную Думу, которые проходили с 26 марта по 20 апреля, а объединительный съезд РСДРП – с 10 по 25 апреля 1906 года.

В условиях, которые сложились непосредственно после роспуска первой Государственной Думы, потенциально заключалась большая возможность для политического манёвра и создания временной избирательной коалиции между РСДРП и Конституционно-демократической партией. Как известно, во время предвыборной кампании в первую Государственную Думу донские большевики и меньшевики, независимо друг от друга (документов, которые бы свидетельствовали о том, что их действия были специально согласованы, не обнаружено), придерживались тактики бойкота; теперь же они должны были, согласно установкам, полученным от высших партийных органов, принять активное участие в избирательной кампании. Такое резкое изменение партийной тактики, к тому же, шедшее вразрез с действиями донских социал-демократов, представлявших обе фракции РСДРП, вызвало у них недовольство. Особенно были недовольны представители большевистской таганрогской организации РСДРП. В меньшевистском Донском комитете недовольство новой партийной политикой, всё же, не вызвало такой резкой реакции, по крайней мере, попыток открыто отказаться от исполнения директив высших органов партии в нём не было.

К моменту выборов во вторую Государственную Думу среди партийных организаций, действовавших на территории Области Войска Донского, сложилась следующая расстановка сил:

«Союз Русского Народа» – 25,65 % «Союз 17 октября» – 33,59 % «Конституционные демократы» – 21,05 % «РСДРП» (судя по всему здесь учтены обе фракции – М.В.) – 19,29 % «Социалисты-революционеры» – 0,42 % [11, с. 160].

Как видно из приведённой таблицы, партии, так или иначе, поддерживающие правительство, имели стабильное большинство, составлявшее 60%. Ни «Союз 17 октября», ни, тем более, «Союз русского народа» практически ни при каких обстоятельствах не пошли бы на союз с социал-демократами. Такая политическая комбинация была просто нереальной. Партия социалистов-революционеров не пользовалась в Донской области значительным политическим весом, и даже если отбросить существовавшие между ней и РСДРП идеологические и тактические разногласия, она представлялась весьма малоценным союзником на выборах. Собственных сил, чтобы провести в Думу своих представителей, у социал-демократов явно не хватало. Они могли рассчитывать на 19,29 %. В такой ситуации единственным реальным союзником становилась Конституционно-демократическая партия.

Она отвечала двум необходимым для этого требованиям.

Во-первых, она была сама по себе достаточно внушительной и популярной на Дону политической силой, обладая к тому же значительными финансовыми ресурсами.

Во-вторых, Конституционно-демократическая партия продолжала находиться в оппозиции к правительству, причем донские кадеты были зачастую настроены более непримиримо, чем их партийные руководители. Сочетание двух этих факторов делало кадетскую партию в глазах социал-демократов (меньшевиков) пусть и временным, но весьма ценным политическим союзником.

После роспуска первой Государственной Думы сотрудничество донских организаций РСДРП и кадетской партии на определённое время активизировалось. Члены Донского комитета активно участвовали в печатании и распространении текста «Выборгского воззвания».

Когда началась подготовка к избирательной кампании во вторую Государственную Думу, на предложение, поступившее со стороны кадетов, начать переговоры по вопросу о распределении мест выборщиков представители Донского комитета РСДРП, Новочеркасской и Александровско-Грушевской групп (как меньшевики, так и большевики, в источниках не обнаружено указаний на какие-либо протесты большевистской части этих организаций по поводу переговоров) ответили согласием, но отметили, что для принятия окончательного решения им необходимы директивы от ЦК. В это время среди членов Донского комитета появилась даже уверенность в том, что конституционные демократы не только окажут поддержку кандидату в Государственную Думу от социал-демократов, но и окажут финансовую помощь РСДРП. К предстоящему моменту не удалось обнаружить ответа ЦК на эту информацию, изложенную в письме А. Павленко, но соглашение, касавшееся избрания выборщиков было заключено. Договор между представителями Донского комитета РСДРП и кадетской партии по распределению мест выборщиков был заключен так же и в Новочеркаске. Там кадеты и РСДРП должны были получить по три места. Существует также указание на то, что представители Конституционно-демократической партии пытались купить у таганрогских социал-демократов голоса их выборщиков [11, с. 141–142], однако, радикально настроенные большевики отказались от участия в этой сделке.

Заклученные предвыборные соглашения между социал-демократами меньшевиками и конституционными демократами на начальном этапе можно оценить как удачные для обеих сторон. Но очевидно, что после первоначального успеха меньшевики пришли к выводу о том, что в дальнейшем они могут отказаться от согласования своих действий с кадетами и поступать так, как им это будет выгодно, уже не оглядываясь ни на какие соглашения. Так что, заключенные между социал-демократами и кадетами предвыборные

соглашения, на деле оказались очень непрочными. Социал-демократы пошли на разрыв, будучи уверенными, что в таком случае они получат больше голосов, чем ожидали (т.е. оставаясь в союзе с кадетами – М.В.). Однако на самом деле многого донским меньшевикам добиться не удалось. Из-за разрыва с конституционно-демократической партией донским социал-демократам удалось провести в Государственную Думу второго созыва от ОВД только одного члена своей фракции. Им стал социал-демократ (меньшевик) А.Я. Нестеров [9, с. 186]. В свою очередь, эта неудача вызвала критику со стороны большевиков, которые именно в соглашении с кадетами видели причину неудачи РСДРП на выборах.

Черту под сотрудничеством донских социал-демократов с представителями Конституционно-демократической партии подвели в своём выступлении члены Донского комитета РСДРП меньшевик А.И. Лиманов и П.И. Тищенко. В своей речи, произнесённой на состоявшемся 04 февраля 1907 года собрании выборщиков, А.И. Лиманов подчеркнул, что на этапе избрания выборщиков члены Донского комитета РСДРП и его новочеркасской группы действовали согласованно с кадетами, однако на конкретное предложение В.Ф. Зеелера продолжить политическое сотрудничество и поддержать голосами рабочих кандидатуру члена кадетской партии, ими был дан решительный отказ. Пришедшие на собрание выборщиков, члены Донского комитета решительно заявили, что при окончательном голосовании они будут поддерживать только кандидата от своей партии.

Оценивая значение действий меньшевистского Донского комитета РСДРП во время предвыборной кампании во вторую Государственную Думу, можно отметить, что заключенное между ними и кадетами соглашение ни в коем случае не может считаться полноценным союзом, потому что шло в разрез с решениями руководства центральных органов партии. Если оценивать ситуацию, связанную с заключением избирательного соглашения, то необходимо признать, что донские меньшевики, заключая временный союз с кадетами, стремились только к тому, чтобы с максимальной для себя выгодой использовать политическую ситуацию. Обвинения со стороны большевиков, что они предали интересы рабочего класса и революции, не более чем полемический приём. Итог выборов во вторую Государственную Думу был для меньшевиков, в целом, неудачным. От ОВД в неё прошел только один социал-демократ меньшевик, в то время как кадетам удалось провести сразу десять своих представителей.

Роспуск второй Государственной Думы застал ослабленные массовыми арестами партийные организации социал-демократов практически врасплох. Несмотря на четко выраженное про-

тестное движение рабочих масс, партийные группы РСДРП не смогли приступить к планомерной организации антиправительственных акций непосредственно после роспуска Думы, когда антиправительственные настроения были особенно сильны. Прибывавшие на место арестованных или переехавших в другие организации РСДРП новые партийные работники, не связанные с местной рабочей средой и оппозиционерами из числа интеллигенции, не могли быстро наладить эффективную работу. Вследствие активной работы полицейских органов, были устранены от революционной деятельности наиболее подготовленные и опытные партийные работники, разрушены нарабатывавшиеся годами связи в рабочей среде и с интеллигенцией.

К моменту начала избирательной кампании в Государственную Думу третьего созыва политическая ситуация в стране, в целом, и система взаимоотношений между отдельными политическими силами в корне изменились.

Новое избирательное законодательство, значительно затруднившее прохождение кандидатов от левых партий, ослабление самих организаций РСДРП в результате действий полиции и осложнение отношений с кадетами лишило донских социал-демократов возможности провести своих кандидатов в третью Государственную Думу. Особенно сильному разгрому подвергся Донской комитет РСДРП, который считался главным революционным центром в области.

Другой фактор состоял в следующем. Под влиянием неудач, преследовавших революционные выступления, разгрома наиболее активных революционных организаций и уступок со стороны правительства в массах начала наблюдаться усталость, апатия и стремление уйти от революционных потрясений к нормальной спокойной жизни, которые сводили на нет все попытки революционных партий возобновить свою работу.

Можно констатировать, что к концу 1907 года вследствие непримиримых политических разногласий и постоянных арестов социал-демократов, из-за которых от участия в политической жизни были устранены наиболее опытные партийные работники, политические контакты между Донским комитетом РСДРП и Конституционно-демократической партией практически прекратились. Кадеты осознали, что их достаточно умеренная программа не может согласовываться с радикальной программой РСДРП, к тому же, ослабленный арестами и постоянными перемещениями видных партийных работников Донской комитет и другие местные организации РСДРП перестали быть настолько ценными политическим союзником, чтобы терпеть крайности их программы и тактики. В этих условиях донские социал-демократы, как меньшевики, так и большевики, не смогли участвовать в политических процессах.

Литература:

1. Очерки истории партийных организаций Дона. Ростов-н/Д., 1973. Ч. 1. С. 135.

Literature:

1. Essays the history of Don's party organizations. Rostov-on/D., 1973. Part 1. P. 135.

2. *Ратенер П.* Социал-демократическая агитация среди донского казачества 1902–1903 гг. / П. Ратенер // Пролетарская революция. 1929. № 6. С. 144–148.

3. Пролетарий. № 17 1 (14) сентября 1905 года.

4. *Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков* – историк и общественный деятель. Ростов-н/Д., 1999.

5. ГАРО. Ф. 829, оп. 2, д. 36. Л. 6.

6. ГАРО. Ф. 829, оп. 2, д. 36. Л. 1.

7. ГАРО. Ф. 829, оп. 2, д. 76. Л. 249-об.

8. ГАРО. Ф. 829, оп. 2, д. 36. Л. 8-об.

9. Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 1.

10. ГАРО. Ф. 829, оп. 2, д. 36. Л. 7-об.

11. *Панкова-Козочкина Т.В.* Образование и деятельность кадетской партии на Дону. Ростов-н/Д., 1992.

2. *Ratener P.* Social-democratic agitation among the Don Cossacks 1902–1903 / P. Ratener // Proletarian Revolution. 1929. № 6. P. 144–148.

3. Proletarian. № 17 1 (14) September 1905.

4. *Markedonov S.M. S.G. Swatikov* – historian and public figure. Rostov-on/D., 1999.

5. GARO. F. 829, op. 2, 36. L. 6.

6. GARO. F. 829, op. 2, 36. L. 1.

7. Garo. F. 829, op. 2, 76. L. 249th.

8. Garo. F. 829, op. 2, 36. L. 8th.

9. Essays of the history of Don's party organizations. Part 1.

10. Garo. F. 829, op. 2, 36. L. 7th.

11. *Pankova-Kozochkina T.V.* Education and the activities of the cadet party on the Don. Rostov-on/D., 1992.

Жолдошев Нурбек Жакыпбекович
кандидат исторических наук,
доцент,
Кыргызский государственный
университет имени И. Арабаева
ainura_koch@mail.ru

ПАМИР И ПАМИРСКИЕ КЫРГЫЗЫ В ТРУДАХ А.Е. СНЕСАРЕВА

Аннотация. В статье представлен анализ трудов А.Е. Снесарева, связанных с Памиром. Рассматривается понятие «Памир» и границы Памира по определению местных жителей и древнейших путешественников. Представлены: историко-географический обзор Памира, краткая характеристика Западного и Восточного Памира, численность, характеристика кочевого быта и хозяйства, пища, физический тип, верования, родовые деления и расселение, административное устройство кыргызов Восточного Памира.

Ключевые слова: А.Е. Снесарев, Памир, Аличур, Мургаб, Ранкуль, памирские кыргызы, теит, найман.

Выдающийся географ, этнограф, один из основоположников и теоретиков школы русского военного востоковедения, генерал-лейтенант Андрей Евгеньевич Снесарев внес большой вклад в изучение таких вопросов, как памироведение, афганистика, индология.

Вопросам изучения Памира А.Е. Снесарев посвятил три самостоятельные работы – «Записка «О Памирах», «Краткий очерк Памира по сведениям к 15 октября 1901 г.», «Памиры. Военно-географическое описание» и две отдельные главы в первой части книги «Северо-индийский театр. Военно-географическое описание».

Труд А.Е. Снесарева «Записка «О Памирах» [14] структурно делится на две большие части – военное и административное управление Памиром. В первую часть, собственно военную, вошли две главы – «Задачи Памиров» и «Деятельность чинов Памирского отряда». Вторая часть работы относится к вопросам административного управления и состоит из двух глав – «Припамирские ханства Вахан, Шугнан и Рошан» и «Памирские киргизы». Работа имеет небольшую заключительную часть, в которой рассматривается военно-политическое значение Памира.

В вышеуказанном труде А.Е. Снесарев предлагает использовать местное население Памира – кыргызов и таджиков в разведывательной практике против сопредельных стран. И делает вывод, что «как разведывательная инстанция Памир является, чуть ли, не самым важным райо-

Nyrbek J. Joldoshev
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Kyrgyz State University
by name of I. Arabaev
ainura_koch@mail.ru

PAMIR AND PAMIR KYRGYZ IN THE WORKS OF A.E. SNESAREV

Annotation. The article analyzes the works of A.E. Snesarev related to the Pamirs. The concept of «Pamir» and the borders of the Pamirs, as defined by local residents and ancient travelers, are considered. Historical and geographical overview of the Pamirs. Brief description of the Western and Eastern Pamirs. Number, characteristics of nomadic life and economy, food, physical type, beliefs, tribal divisions and settlement, administrative structure of the Kyrgyz of the Eastern Pamir.

Keywords: A.E. Snesarev, Pamir, Alichur, Murghab, Rangkul, Pamir Kyrgyz, teit, naiman.

ном среди других». Этот вывод основывался на географических и этнографических особенностях Памира. С географической точки зрения Памир представлял собой выступ, окруженный с востока, юга и юго-запада китайскими, индийскими и афганскими владениями. С него открывались сравнительно доступные и короткие маршруты в Кашгар, Хунзу и Кабул. С другой стороны, Памир был населен киргизами и таджиками, имевшими родственников в Кашгарии и Афганском Бадахшане. Эти трансграничные связи были весьма удобны для ведения разведки на сопредельных территориях. «Вышеизложенные обстоятельства, – отмечает А.Е. Снесарев, – указывают, как легко и удобно на Памире производить разведки: таджик и киргиз всегда без труда проберется к своим заграничным родственникам или единоверцам, а через них и далее в глубины соседних стран, от него не уберется никакая тайна, и, наконец, все новости, слухи, события сами собою будут перебрасываться через те рубежи, которые являются такими лишь для карт и договоров, но не признаются таковыми в глазах прилегающего населения» [14].

В главе «Памирские киргизы» А.Е. Снесарев, применительно к киргизскому населению Памира, указывает на необходимость «приобщить киргизов к культуре» и подчинить решению общегосударственных задач. Он считал необходимым внушать киргизам дух «семьи русской» и всячески бороться с их «кочевым космополитизмом» – задачи неподъемные по тем временам и, как справедливо заметил Н.А. Иванов, выполне-

ние которых займет жизнь нескольких поколений. А.Е. Снесарев предлагает разработать такую систему мер, которая препятствовала бы перекочевкам киргизов на территории соседних Афганистана и Китая. Он придерживался в вопросе перекочек крайних взглядов и считал, что «бежавшие должны признаваться государственными преступниками». Туркестанское начальство смотрело на перекочки киргизов как на неизбежное зло, понимая, что происходили они не от желания киргизов уклониться от уплаты налогов или трудовой повинности, а больше от бескормицы, являющейся результатом суровых климатических условий Памира [14].

В труде «Краткий очерк Памира (по сведениям к 15 октября 1901 г.)» [2] описываются границы Памира, общий характер его местности, растительный и животный мир, население, войска и укрепленные пункты, пути сообщения.

А.Е. Снесарев так описывает границы Памира: «Естественными границами Памирского нагорья можно принять: Заалайский хребет на севере, Мус-Таг на востоке, Гиндикуш на юге, реку Пяндж до устья Язгулана и Ванчский хребет на западе. В этих пределах Памир занимает площадь в 55000 кв. верст с населением 13.300 человек, протягиваясь с севера на юг на 270 верст и с запада на восток на 300 верст. Означенная площадь крайне искусственно размежевана между Россией (с Бухарою), Афганистаном и Китаем... на рассматриваемом Памирском нагорье в состав Российской Империи входит район, ограниченный на востоке Сарыкольским хребтом, а на юге и западе – хребтом Императора Николая II и реками Памиром и Пянджом; при этом, часть этого района, к западу от линии, соединяющий ледник Шереметева с местом, где река Памир впадает в Пяндж, и находится в непосредственном ведении бухарской администрации, хотя и здесь содержатся русские военные посты. Китаю на Памире принадлежит целый ряд долин между Сарыкольским хребтом и Мус-Тагом, так называемый Сарыкольский округ. Владения же Афганистана вдаются клином между русским Памиром и северною границею англо-индийских владений по хребту Гиндикуш» [2, с. 3–4].

А.Е. Снесарев отмечает, что население Памира весьма редкое. На площади 55000 кв. верст насчитывается всего лишь 13360 чел., т.е., на 100 кв. верст приходится в среднем по 24 человека. Жители Памира принадлежат к двум национальностям, различающимся также по образу жизни: таджикам оседлым и киргизам – кочевникам. Киргизы занимают центральную часть Памира (1880 чел.) и долины Сарыкола, к северу и югу от Таш-Кургана (2000 чел.). Киргизы исповедуют магометанскую религию и принадлежат к суннитскому толку. Киргизы самостоятельны в своей внутренней жизни, управляясь выборными из своей среды. В административном отношении Памирское население представляет две волости: одну Таджикскую (Орошорская) и одну Киргизскую, состоящую из одного отдела и 4-х аминств. Начальник Памирского отряда по

отношению к населению пользуется властью начальника уезда [2, с. 21, 24, 25].

Киргизская волость Памира, входящая в состав Российской Империи, состоит из Аличурского, Акташского, Мургабского, Ранкульского аминств и Кокуйбельского отдела, которая исключительно населена киргизами. В Аличурском аминстве (летом по Аличуру, зимой частью по р. Памир) проживают 130 юрт киргизов, численностью 652 человек. У которых 350 лошадей, 700 крупного скота, 18000 баранов и 240 верблюдов. Акташское аминство (по Ак-Суу и Истыку), где проживают 75 юрт численностью 322 человек. У которых 200 лошадей, 400 крупного скота, 6000 баранов и 100 верблюдов. Мургабское аминство (по Мургабу, Пшарту и р. Горумду), здесь проживают 70 юрт численностью 372 человек. У которых 180 лошадей, 270 крупного скота, 2500 баранов и 70 верблюдов. Ранкульское аминство (котловина оз. Ранкуль), где проживают 60 юрт численностью 334 человек, у которых 160 лошадей, 250 крупного скота, 2100 баранов и 80 верблюдов. В Кокуй-Бельском отделе (по Кударе) проживают 40 юрт численностью 200 человек. У которых 80 лошадей, 200 крупного скота, 1500 баранов и 35 верблюдов. А.Е. Снесарев дополнительно к этому дает численность киргизов Китайского Памира. В северной части Сарыкола до Тагармы проживают 400 юрт киргизов численностью 2000 человек. У которых 1500 лошадей, 800 крупного скота, 10000 баранов и 350 верблюдов [2, с. 45–46].

В заключении своей работы А.Е. Снесарев подробно описывает все пути сообщения Памирского нагорья и разделяет их на 4 главные группы: а) пути из Ферганы к Гиндикушу; б) пути от Гиндикуша к Кашмиру; в) пути с Памира в северо-восточную часть Афганистана (Бадахшан), пути с Памира в Кашгарию [2, с. 30–40].

Крупным шагом вперед в развитии военного востоковедения стал труд А.Е. Снесарева «Северо-индийский театр. Военно-географическое описание» [7], в котором впервые системно рассмотрены вопросы военно-географического изучения малоизученного региона Центральной Азии. Структурно исследование состоит из двух частей. Первая и вторая главы первой части посвящены Памиру. В первой главе подробно дается историко-географический обзор Памира.

А.Е. Снесарев, исторически определяя границы Памира, пишет, что «Арабские географы под Памиром разумели восточную часть современного, т.е. часть, населенную каракиргизами, ибо западная часть, населенная оседлым народом, таджиками, упоминается или определено под видом трех областей Вахан, Шикинан (Шугнан) и Керран (Рошан или Дарваз), или некоторыми (ибн-Хаукаль) только под видом двух Вахан и Шугнан, но зато они к Памиру, по-видимому, присоединяли Алайскую долину. По их произношению область называлась *Фамир*. Из смутных слов Марко Поло и китайских пилигримов нельзя сделать заключение, какого размера была та область, которую первый называл словом *Памиер* (Pamier), а один из вторых – словом *По-милло*» [7, с. 2].

Анализируя границы Памира, данные исследователи конца XIX века, А.Е. Снесарев подробно останавливается на предлагаемой Д.Л. Ивановым границе Памира [7, с. 3–8]. Последний, в отличие от А.Е. Снесарева, считает восточной границей Памира Кашгарские горы и включает в состав Памира Сарыкольский округ или по выражению Д.Л. Иванова Кашгарский Памир.

Затем, А.Е. Снесарев приводит целый ряд толкований слова *Памир*. Впервые слово Памир встречается в описании путешествия китайского пилигрима буддиста, Сюань-Цзаня. Он шел через Памир летом 642 года и называет его словом *Па-ми-ло*. Киргизы, если вслушаться внимательно в их произношение или особенно подслушать их разговор, говорят *Памиль*, не Памир, сильно, делая ударение, таким образом, приближаясь к версии Сюань-Цзаня. Подобное наблюдение сделано также Ж.Г. Капюсом, А.П. Федченко, Н.А. Бендерским [7, с. 10].

У арабских историков и географов Памир называется Бамир (Якуби 891 г.) или *Фамир* (ибн-Русте 912 г., Истахри 951 г.). В 1274 году Марко Поло, пройдя через него называет страну Памиер (Pamier). Мирза Хайдар в своем труде («Тарих-и Рашиди» 1583 г.) употребляет современную форму Памир. Бенедикт Гоец, проходя через Памир 1603 году, называет его пустыней Памека. Таким образом, нет сомнений, что слово имеет за собою, по крайней мере, давность более 1200 лет [7, с. 10, 28].

К истории изучения древних путей или маршрутов через Памир и окружающие его районы А.Е. Снесарев отводит несколько страниц. Знакомя читателей с древними путями Памира и Припамирья, автор приходит к заключению, что в древние времена Большая памирская дорога, это путь Оксус – Большой Памир – Таш-Курган, или Оксус – Малый Памир – Таш-Курган, но, скорее всего, приходится склоняться к первой дороге, т.е. к пути по Большому Памиру [7, с. 14–35, 36].

Во второй главе А.Е. Снесарев детально описывает границы Памира: «...Памиром считает территорию, ограниченную с севера Заалайским хребтом, начиная от места присоединения к этому хребту Кашгарского, несколько восточнее горы Курумду, до перевала Терс-Агара; на западе: ледником Федченко, северо-восточной связью хребтов Дарвазского и Язгулемского, далее последним из этих хребтов до реки Пянджа, этой рекой и линией Ишкашим перевал Хатинза; с юга Гиндукушем до места встречи с хребтом Мус-Таг, несколько восточнее перевала Мын-Теке; с востока прямой линией от последнего пункта до перевала Беик и от этого перевала Сарыкольским хребтом до перемычки, связывающей Сарыкольский и Кашгарский хребты, откуда через перевал Улуг-Рабат граница пойдет по Кашгарскому хребту до места соединения его Заалайским восточнее горы Корумду [7, с. 49–50].

В связи с вышеуказанным, А.Е. Снесарев подразделяет Памир – на Восточный и Западный.

Первый – степное нагорье, почти без растительности, с ничтожными атмосферными осадками, не допускающее злчных посевов, с ничтожным кочевым населением каракиргизов, исповедующих ислам; и второй – страна горная, с глубокими ущельями и долинами, с древесной растительностью, с разного вида хлебами, с оседлым населением таджиков, исповедующих мусульманскую религию шиитского толка [7, с. 49–50].

Далее, он описывает физико-географические свойства страны, подробно рассматривает вопросы орографии, гидрографии и климата. Для полноты описания приводит краткие сведения о флоре и фауне.

Описывая озеро Ранг-куль, А.Е. Снесарев отмечает, что «котловина рассмотренного озера доставляет приют 83 юртам (205 муж., 217 женщ.) киргиз, и почти 12 000 голов (203 лошади, 890 кутасов, 115 верблюдов, 10128 баранов) мелкого и крупного скота. Киргизы никогда не покидают котловины, а кочуют лишь в ее пределах: в теплое время поднимаются в предгорья, зимою спускаются ближе к озерам. Дно котловины богато солонцами, еще богаче песком, довольно сыпучим, но среди тех и других встречаются пространства, покрытые травой, хотя и невысокой питательности, но вполне достаточной для существования стад ранг-кульских киргизов; только не многие из последних, в сухое время, переходят в высокие долины, прилегающие к долине Ак-Байтал [7, с. 71].

Долина р. Памир, начиная от Юль-Мазара к Зор-Кулю, долина этого озера и небольших, прилегающих к нему с востока, составляют то, что киргизы называют Большим Памиром (Зор-Памир или Катта Памир). Восточная часть долины озера Зор-Куль, да в предгорьях имеет хорошую траву, зато, часть долины от восточного конца озера – в районе мелких озер – представляет лучшие пастбища на всем Памире и оправдывает как древний отзыв Марко Поло, так и современные рассказы киргизов. Долины Зор-Куля и Памира заняты киргизами Аличурского аминства, состоящего из 110 юрт (302 муж., 260 женщ.) и 15 000 голов (245 лошадей, 1984 кутаса, 224 верблюда, 12773 барана) крупного и мелкого скота. Киргизы здесь зимуют, а с весной перекочевывают на Аличур и прилегающие к нему долины. Некоторые семьи киргизов круглый год остаются в районе упомянутых выше небольших озер [7, с. 77–78].

Долина Аличур дает приют киргизам Аличурского аминства и части киргизов Мургабского аминства. Как только в низовьях реки откроется трава, а в тяжелую для кочевника весну, как только лед обнажит остатки прошлогодней травы, киргизы перекочевывают на Аличур и кочуют на нем до закрытия перевалов. Пространство вниз по реке от Чатыр-Таша принадлежит Аличурским киргизам, а вверх от Чатыр-Таша – Мургабским [7, с. 80].

Долина Ак-Суу представляет прекрасные травяные угодья и трава, особенно в верховьях Мало-го Памира, считается по питательности второй

после травы Большого Памира, или же даже равной ей. Последние 3–5 верст перед Ак-Ташем представляют совершенно ровную без каменную площадь, пользующуюся известностью далеко в окрестностях, так как на этой площади происходят самые большие скачки, на которые приходят не только Памирские, но и Кашгарские и Алайские киргизы [7, с. 88].

Киргизы Акташского аминства представляется 87 юртами с 454 душами обоего пола и около 13000 крупного и мелкого скота. Кроме Малого Памира, эти киргизы пользуются также долинами северного склона Муз-Тагского хребта и южного склона хребта Императора Николая II, а также захватывают в свои кочевья бассейн реки Истыка. Мургабское аминство насчитывает 89 юрт, 458 душ и около 13000 голов крупного и мелкого скота. Кочуют киргизы этого аминства в долине Мургаб и в верховьях Аличура захватывая, по обыкновению, прилегающие долины впадающих ручьев [7, с. 90–91].

Остановившись на вопросе о влиянии климата Памира на человека, А.Е. Снесарев отмечает отрицательное влияние его на здоровье киргизов. Климат губительно действует на производительность населения с двух сторон: во-первых, крайне понижая и ослабляя половую деятельность людей, и, во-вторых, делая трудным и опасным для женщин деторождение, причем, родившийся ребенок часто бывает мертвым. Климат Памира губительно действует не только на человека, но и на домашних животных. Например, лошади, куры почти не дают здесь потомства [7, с. 101–102].

Из фауны Памира А.Е. Снесарев перечисляет следующих животных: медведи (*Ursus sibirica*), лисицы и волки (*Canus vilpes*, *canus melanotis*, *canus alpinus*, *canus lupus*), маленькие зайцы (*Lepus sp. Lehmanni*), сурки (*Arctomys candatus*), барс (*F. Irbis*), горный баран или архары (*Ovis Polii*), горные козлы или кийик (*Capra sibirica*). Из птиц упоминает: индийского гуся (*Anser indicus*), атайку (*Cesarca rutila*), тибетского рябчика (*Syrrhaptes thibetanus*), улара (*Megaloperdix himalayensis*) и др. В речках и озерах водится множество рыб: османы, усачи, форели [7, с. 103–104].

Описывая и перечисляя флору, А.Е. Снесарев отмечает, что Восточный Памир лишен древесных форм. Флора здесь смесь форм холодной полосы с формами степными и горными. Мелкий полу травянистый кустарник, терскен (*Eurotia*), имеющий большое значение в хозяйственном обиходе киргиза, ибо доставляет ему топливо, а ранней весной тем же терскеном питается до новой травы голодный киргизский скот [7, с. 105].

Касаясь населения Памира, А.Е. Снесарев пишет: «Народонаселение Памира, около 16000 душ обоего пола, распадается на две неравномерные части: Восточный Памир заселен каракиргизами, народом тюркского корня, кочевниками, магометанами суннитского толка, около 2000 человек... Каракиргизы называют себя просто киргизами, в литературе же получили постепен-

но указанное название в отличие от киргиз кайсаков или просто казаков [7, с. 107].

По А.Е. Снесареву, киргизы были оттеснены на Памир калмыками не ранее XVII столетия. К этому же периоду времени некоторые ученые относят первоначальное образование каракиргизов, получившихся от смеси бурутов и с пришедшими от Енисея настоящих киргизов [7, с. 107]. Затем он приводит исторические данные, отличие языка кыргызов от жителей Кундуза, их социальное устройство и религию, взаимоотношения между киргизами и соседними народами по Дж. Вуду.

Затрагивая название, родовые подразделения и расселение киргизов в пределах Памира, А.Е. Снесарев пишет: «Киргизы Памира подразделяют себя на пять подродов: *теит*, *гадырша*, *найман*, *наурис-уручи* и *кипчак*. Главная часть их сосредоточивается в долинах Северного и Южного Геза, в районе Ранг-Куля, по Ак-Суу, Мургабу, в долинах Аличура и Памира, в окрестностях Зор-Куля и озер около него. Отдельные хозяйства разбросаны по многим другим долинам» [7, с. 109].

А.Е. Снесарев дает следующую характеристику киргизу Памира: «Киргиз-памирец представляет собой чистый тип кочевника, для которого по условиям природы Памира невозможно оседание, почему он и не думает о нем; среди ужасных ветров и холодов он даже не пришел к мысли слепить себе землянку и зимует всегда в тех же жалких юртах, в которых живет лето; в самые суровые холода немногие из них обкладывают юрту камышом или пометом кутасов. Все хозяйство киргиза состоит из немногих лошадей, баранов, кутасов и верблюдов. Всего в Восточном Памире на 1896 душу обоего пола приходится 832 лошади, 6240 кутас, 714 верблюдов и 44136 баранов. Вся забота киргиза сводится к тому, чтобы в пастбищных районах, ему или его аминству принадлежащих, прокормить свой скот в течение круглого года [7, с. 109]. Чтобы выполнить цель пропитания скота, а значить и своего, киргиз ходит с места на место, кочует; летом он обыкновенно поднимается тысячи на две, на три фунтов выше, чем зимой; так что зимовка стоит у него на высоте 11–12 тыс. фунтов, а летовки доходят до 15 тыс. фунтов и выше. Киргиз в порядке пользования травой обнаруживает целую систему соображений, начиная от экономических, т.е. имеющих задачей более разумное пользование травяным покровом, и кончая метеорологическими, предусматривающими начало снега и закрытия прилегающих перевалов. Иногда, киргизы забираются летом возможно выше затем, чтобы избавить скотину от болотистой низменной местности, где ее одолевают оводы, слепни и комары, и чтобы воспользоваться питательным ковыльным кормом, который в низовье не растет» [7, с. 110].

Живет Памирский киргиз бедно в несчастной юрте на холоде и в сырости, впроголодь; пища его преимущественно молочная: молоко свежее, квашеное и смешанное с водою, сыр сушеный и растертый с водою или свежий, напоминающий

наш густой творог; сыр у них вообще в большом ходу и всегда, пускаясь в дорогу, они запасаются ломтями этого сыра. Обыкновенно пользуются молоком кутаса, но в бедных хозяйствах доят также овец, а где есть, и коз. Мясо киргизы едят очень редко, хлеба почти не знают; лишь более богатые из них покупают его в восточных кишлаках Шугнана и Вахана [7, с. 110–111]. Далее он описывает наружный вид киргиза, болезни глаз, зуб и кожи.

Касаясь административного устройства населения Памира, А.Е. Снесарев пишет: «...Все кочевое население Памира составляет так называемую Памирскую волость, под непосредственным ведением волостного, живущего на Мургабе, возле Памирского поста. Общее управление населением, куда входят и таджики Орошорской волости, принадлежит Начальнику Памирского отряда на правах уездного начальника. Вся Памирская волость (369 юрт, 1896 душ) разделяются на четыре аминства: Мургабское (89 юрт, 458 душ), кочующие по Мургабу, его притокам и верховьям Аличура; Акташское (87 юрт, 454 души) – по Ак-Суу и прилегающим долинам; Ранкульское (83 юрт, 422 души) – в Ранкульской котловине и входящих в последнюю боковых долинах; и наконец, Аличурское (110 юрт, 562 души), – кочуют по Аличуру и Большому Памиру. Киргизам предоставлена свобода ведать дела по своим обычаям, как это велось прежде, и вся задача русской власти сводится к наблюдению за порядком, спокойствием и удержанием киргизов на определенной территории» [7, с. 111–112].

В труде «Восточная Бухара» [12], по свидетельству А.Е. Снесарева, киргизы составляли небольшую этническую группу среди населения Восточной Бухары. Расселены они были преимущественно в восточной части Каратегина, начиная от западной части Алайской долины до кишлака Саргон, близ впадения р. Оби-Кабула в р. Кызыл-Суу. Они принадлежали к родам *теит*, *кыпчак* и *хыдырша*, к трем наиболее распространенным и влиятельным киргизским родам, кочующим на Алае, в Восточном Памире и частично в китайском Сарыколе. Основным занятием киргизов было скотоводство в сочетании с примитивным земледелием. По замечанию А.Е. Снесарева, каратегинские киргизы, бывшие в прежние времена довольно равнодушными к религии, под влиянием бухарской администрации стали обнаруживать «значительную набожность». В каждом киргизском селе имелись малые мечети (молитвенные дома), а в каждой волости – большие пятничные мечети. Повсеместно можно было заметить мулл, на молитвах помимо старых людей нередко встречалась и молодежь. Снесарев также отмечал, что из всех народов Восточной Бухары каратегинские киргизы наиболее расположены к России, что могло найти объяснение в их частых контактах с родственниками, проживающими в русских владениях. «Мы имеем право, – подводил итог своим наблюдениям Снесарев, – в случае войны рассчитывать на некоторое к нам расположение киргизов, не упуская, однако из виду их враж-

дебной к нам религии и их тюркского политического непостоянства» [12, с. 45].

28 февраля 1902 г. А.Е. Снесарев в общем собрании отдела, проходившем в помещении Туркестанского ВТО сделал сообщение – «Памиры в средние века и великий памирский путь» [3]. Этот доклад им обстоятельно готовился с привлечением разнообразных источников, освещавших физическую и историческую географию Памира. В докладе Снесарев очертил основной круг исторических источников о Памире, содержащихся в трудах арабских географов, буддийских миссионеров и европейских путешественников. Он высказал мысль о существовании еще в древние времена большого караванного пути, соединявшего не только бассейны Амударьи и Тарима, но и Запад с Востоком вообще [3, с. 88].

Пользуясь логическим «методом остатков», докладчик перебрал все возможные пути через Памир и пришел к заключению, что Великий памирский путь пролегал от Ишкашима в Бадахшан через Вахан и далее через Большой или через Малый Памир (первое, по мнению докладчика, вероятнее), одним из перевалов через Сарыкольский хребет к Таш-кургану. Это направление наиболее прямое и удобное, доступное для движения круглый год; притом оно согласуется со всеми показаниями средневековых путешественников и географов [3, с. 89].

Таш-Курган по всей вероятности есть знаменитая «Каменная Башня» (Литинос пиргос) Птоломея, – крайний торговый пункт страны шелка (Серика) на западе. К этому выводу о глубокой древности Таш-Кургана и его тождестве с «Каменной Башней» древних географов приходит А. Стейн [16, с. 12–13], который высказывает мнение, что из Таш-Кургана путь на запад пролегал через Памир-Тагдумбаш к истокам Оксуса (т.е. на Малый Памир), через Большой Памир и оттуда к Шугнану.

Мимоходом, рядом остроумных соображений, докладчик установил, что все упомянутые выше путешественники шли одним и тем же путем, т.е. что Великий памирский путь был путем определенным.

Как следует из протокола заседания отдела: «Доклад А.Е. Снесарева был выслушан присутствующими с большим интересом и вниманием. Розданные всем слушателям схематические карты Памира (работы подполковника Г.Е. Родионова) и проспекты сообщения помогали слушателям ориентироваться в этом сложном историко-географическом вопросе» [3, с. 9].

23 января 1904 г. А.Е. Снесарев делает второй доклад, который назывался «Религия и обычаи горцев Западного Памира» [8]. Текст доклада опубликован в газете «Туркестанские ведомости» и был основан, преимущественно, на личных впечатлениях и наблюдениях Снесарева в период командования Памирским отрядом.

В труде дается общая физико-географическая характеристика Памира, его границы. А.Е. Сне-

сарев весь Памир подразделяет на две части, – восточный или *киргизский*, занимающий $\frac{2}{3}$ всей высокой страны, и западный или таджикский, занимающий $\frac{1}{3}$. Отмечает, что на первом обитают около 2.000 кочевников каракиргизов. Указывает на различия Восточного и Западного Памира и на те естественно-природные условия, которые обусловили жизнь двух основных этнических памирских групп – *киргизов* и таджиков.

Основное внимание Снесарев уделил таджикам Памира, он дает сведения о памирских исмаилитах, об особенностях их религиозной и бытовой жизни, ареале расселения, традициях и обычаях, о враждебном отношении таджиков к восточным своим соседям, к каракиргизам.

Следующий доклад А.Е. Снесарева в Туркестанском отделе ИРГО состоялся 03 марта 1904 г. в присутствии командующего войсками округа генерал-лейтенанта Н.А. Иванова. Темой доклада стал Болор [10, с. 137–139] (современное название – Болор-Таг), гигантский хребет меридионального направления, протянувшийся вдоль Восточного Памира от Кунь-Луна на юге до Заалайского хребта на севере. Хребет посетил в свое время Марко Поло, который и дал ему название. Изучению этого хребта придавал большое значение известный немецкий географ А. Гумбольдт. А.Е. Снесарев дал физико-географические характеристики хребта и указал, что он служит и этнографической границей, разделяя киргизское (на востоке) и таджикское (на западе) население. Доклад был встречен слушателями с большим интересом, после окончания заседания отдела командующий войсками имел беседу со Снесаревым по теме доклада [10, с. 137–139].

А.Е. Снесарев активно сотрудничал с газетой «Туркестанские ведомости», присылая в редакцию авторские статьи, рецензии, сообщения. В период службы в должности начальника Памирского отряда Снесарев подготовил и опубликовал в «Туркестанских ведомостях» несколько статей, посвященных жизни небольшого русского отряда на «Крыше мира»: «Зима на Памире» и серия статей «Вести с Памира». В статье «Зима на Памире» А.Е. Снесарев «Восточный Памир» называет «Киргизским» [4, с. 633]. Серия статей «Вести с Памира» [5] – это своеобразная хроника жизни Памирского отряда и событий на Памире, интересное описание этнографических особенностей киргизского и таджикского населения. В статьях содержатся сведения о специфике русской администрации на Памире, о роли начальника и офицеров отряда в управлении населением Восточного и Западного Памира.

Труд А.Е. Снесарева «Поездка в горную Бухару» [11] написан им по материалам рекогносцировки путей из Ферганы к Кулябу (лето 1904 г.). В статье приводится описание маршрута по территории Ферганской области и в бухарских владениях, даются краткие сведения о Каратегине и его административном центре, кишлаке Гарм, а также, о Кулябском бекстве и городе Кулябе, сообщаются этнографические сведения о киргизах Алайской долины, таджиках Каратегина и Куляба.

Касаясь вопросов взаимоотношений между киргизами и таджиками А.Е. Снесарев пишет: «В некоторых кишлаках киргизы живут вместе с таджиками, и между ними совсем не заметно какой-либо вражды или взаимной отчужденности. В старину такая вражда существовала; теперь же оба народа живут рядом в добром согласии; говорят, однако, что киргизы, берущие у таджиков в замужество девушек, сами никогда не отдают за таджиков своих дочерей. Точно также поступают и узбеки. Обычай этот напоминает собою правило, соблюдаемое индийскими кастами; высшая каста берет в замужество девушек от касты более низкой, но не отдает в нее своих девушек» [11].

В период сотрудничества с газетой «Туркестанские ведомости» А.Е. Снесарев опубликовал ряд рецензий на печатные труды русских и иностранных авторов [15]. А.Е. Снесарев вплоть до 1908 г. продолжал публиковать в «Туркестанских ведомостях» статьи и рецензии на среднеазиатскую тематику.

1906 году киргизское население России потеряло право иметь своих представителей в Государственной Думе. Критикую это, А.Е. Снесарев пишет: «Урезав азиатское представительство, мы поступили, во всяком случае, слишком прямолинейно, и мне лично – правда, может быть, как «азиату» – глубоко жаль тех узкоглазых депутатов, которых послал в первые две Думы киргизский народ. Я глубоко убежден, что, получив хотя бы некоторое удовлетворение в своих местных нуждах (элементарная школа на родном языке, упорядочение земельного вопроса, реорганизация народного суда и т.п.), эти киргизы оказались бы рано или поздно в думском центре, т.е. примкнули бы к группе умеренно-либеральных элементов. Но они теперь выкинуты вон и этим актом к старым неудачным наслонениям в киргизском вопросе прибавилось еще новое. Мне не хочется касаться всей этой довольно печальной истории, но я не могу не перечислить отдельных эпизодов» [13].

Мы мало говорим о киргизском вопросе, потому что слишком много говорим о еврейском, а еще нужно подумать, да подумать, который из них более важен и с каким из них в будущем нам больше придется считаться. Наш взор слишком часто поворачивается на Запад, но я, как азиат, хочу его повернуть на восход солнца, откуда идут роковые загадки и не менее роковые решения. И когда я смотрю на восток, то прежде всего думаю о киргизах, которых лично люблю и ценю, но которые еще не находят себе должной оценки у других; и думаю я в эти минуты: а что если на нас, вправду, навалится желтая рать, будут ли тогда киргизы ее авангардом, как в годы налета Чингиса, или они составят наш первый оплот против грозного врага с Востока? [13].

Кроме выше названных работ А.Е. Снесарева, его статьи о Памире печатались в местных периодических изданиях того времени «Разведчик» [1] и др.

После анализа трудов А.Е. Снесарева можно прийти к следующему заключению:

Слово Памир имеет за собою, по крайней мере, более 1200-летнюю историю. Впервые слово Памир встречается в описании путешествия китайского пилигрима буддиста, Сюань-Цзяня в форме *Па-ми-ло* 642 году. Кыргыз слово Памир говорят *Памиль*, которое приближается к версии Сюань-Цзяня *Па-ми-ло*. Подобное наблюдение было сделано также А.П. Федченко, Д.Л. Ивановым, Н.А. Бендерским, Ж.Г. Капюсом и др.

У арабских историков и географов Памир в IX и X веках называется *Бамир* или *Фамир*. В 1274 году Марко Поло пройдя через него называет страну *Памиер* (*Pamier*). В 1583 году Мирза Хайдар в своем труде «Тарих-и Рашиди» употребляет современную форму *Памир*.

Еще в древности через Памир проходил большой караванный путь, соединявший не только бассейны Амударьи и Тарима, но и Запад с Востоком. Великий памирский путь пролегал от Ишкашима в Бадахшан через Вахан и далее через Большой или через Малый Памиры, одним из перевалов через Сарыкольский хребет к Таш-Кургану. Которое было удобно и доступно для движения круглый год.

В настоящее время (конец XIX в.) через Памирское нагорье проходят следующие пути:

- а) пути из Ферганы к Гиндикушу;
- б) пути от Гиндикуша к Кашмиру;
- в) пути с Памира в северо-восточную часть Афганистана (Бадахшан), пути с Памира в Кашгарию.

Границы Памирского нагорья на севере – Заалайский хребет, на востоке – Мус-Таг, на юге – Гиндикуш, на западе – река Пяндж до устья Язгулана и Ванчский хребет. Которая разделена искусственно между Россией (с Бухарою), Афганистаном и Китаем. В состав Российской Империи в Памирском нагорьи входит район, ограниченный на востоке Сарыкольским хребтом, а на юге и западе хребтом Императора Николая II и реками Памиром и Пянджом; при этом, часть этого района, к западу от линии, соединяющий ледник Шереметева с местом впадения реки Памира в Пяндж находится в непосредственном ведении бухарской администрации. Китаю принадлежит на Памире целый ряд долин между Сарыкольским хребтом и Мус-Тагом, так называемый Сарыкольский округ. Владения же Афганистана вдаются клином между русским Памиром и северную границу англо-индийских владений по хребту Гиндикуш.

Территорию, входящую в состав Российской Империи, разделяют на Восточный и Западный Памиры. Восточный Памир – большой, занимает 2/3 всей высокой страны, и населена народом тюркского корня, кочевниками каракиргизами, которые просто называют себя кыргызами, Западный Памир – маленький, занимает 1/3, зем-

ледельческий и населена таджиками. А.Е. Снесарев Восточный Памир называет Киргизским.

Кыргызская волость (затем Памирская волость) Памира, входящая в состав Российской Империи, состоит из Аличурского, Акташского, Мургабского, Ранкульского аминств и Кокуйбельского отдела, которая исключительно населена кыргызами, число которых около 2000 человек обоего пола. Кыргызы исповедуют магометанскую религию и принадлежат к суннитскому толку. Они самостоятельны в своей внутренней жизни, им предоставлена свобода ведать дела по своим обычаям, как это велось прежде, управляются выборами из своей среды. Кыргызы Памира подразделяют себя на пять подродов: *теит*, *гадырша*, *найман*, *наурус-уручи* и *кипчак*. В основном они проживают и кочуют в долинах Северного и Южного Геза, в районе Ранг-Куля, по Ак-Суу, Мургабу, в долинах Аличура и Памира, в окрестностях Зор-Куля и озер около него. По А.Е. Снесареву киргизы были оттеснены на Памир калмыками не ранее XVII столетия.

Кыргыз-памирец представляет собой чистый тип кочевника, для которого по условиям природы Памира невозможна оседлая жизнь. Хозяйство кыргыза состоит из лошадей, баранов, кутасов и верблюдов. Вся забота кыргыза сводится к тому, чтобы в пастбищных районах прокормить свой скот в течение круглого года. Чтобы прокормить свой скот он ходит с места на место, кочует; летом он поднимается на 15 тыс. фунтов и выше, а зимовка стоит у него на высоте 11–12 тыс. фунтов. Кыргыз в порядке пользования травой обнаруживает целую систему соображений, начиная от экономических, т.е. имеющих задачей более разумное пользование травяным покровом, и кончая метеорологическими, предусматривающими начало снега и закрытия прилегающих перевалов. Иногда киргиз забирается летом возможно выше затем, чтобы избавить скотину от болотистой низменной местности, где ее одолевают оводы, слепни и комары, и чтобы воспользоваться питательным ковыльным кормом, который в низовье не растет. Живет Памирский киргиз бедно в юрте, пища его преимущественно молочная: молоко (кутаса, овец, коз) свежее, квашеное и смешанное с водою, сыр сушеный и растертый с водою или свежий. Мясо едят очень редко, хлеба почти не знают; лишь более богатые из них покупают его в восточных кишлаках Шугнана и Вахана.

А.Е. Снесарев, основываясь на географических и этнографических особенностях Памира, предлагает использовать кыргызов Памира в разведывательной практике против сопредельных стран. И указывает на необходимость «приобщить киргиз к культуре» и подчинить решению общегосударственных задач. Он считал необходимым внушать киргизам дух «семьи русской» и всячески бороться с их «кочевым космополитизмом».

А.Е. Снесарев писал: «И когда я смотрю на восток, то прежде всего думаю о киргизах, которых лично люблю и ценю, но которые еще не находят себе должной оценки у других».

Литература:

1. *Снесарев А.Е.* Группа офицеров Памирского отряда / А.Е. Снесарев // Разведчик. 1901. № 574. С. 931.
2. *Снесарев А.Е.* Краткий очерк Памира по сведениям к 15 октября 1901 г. СПб. : Изд-во Стат. отделения Генерал-квартирмейст. части Главного штаба. 1902. 51 с. Добавление к Сборнику материалов по Азии. 1902. № 7.
3. *Снесарев А.Е.* Памиры в средние века и великий памирский путь. (Доклад на собрании Туркест. отд. имп. рус. геогр. общества) / А.Е. Снесарев // ТВ. 1902. № 18. 28 фев. С. 101; 03 марта. С. 105.; То же. Русский Туркестан. 1902. 03 марта. С. 2.; То же. Известия ТО ИРГО. Т. VII, 1907. Ташкент : Электро-паровая типо-литография О.А. Порцева, 1907. С. 88–91.
4. *Снесарев А.Е.* Зима на Памире / А.Е. Снесарев // ТВ. 1902. № 103. 24 дек. С. 633.
5. *Снесарев А.Е.* Вести с Памира / А.Е. Снесарев // ТВ. 1903. № 47. 12 июня. С. 291; № 48. 15 июня. С. 297; № 49. 19 июня. С. 302; № 50. 22 июня. С. 309.
6. *Снесарев А.Е.* Памиры (Военно-географическое описание). Ташкент, 1903. 153 с.
7. *Снесарев А.Е.* Северо-индийский театр. (Военно-географическое описание). Ч. 1. Ташкент, 1903, [2], II, III, 347, 5 с., с 4 л. карт в краск. и 1 л. табл. в краск.
8. *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира / А.Е. Снесарев // ТВ. Ташкент, 1904. № 89–93.
9. *Снесарев А.Е.* О природе Памира, религии и нравах его обитателей: Доклад на заседании Туркестан. отд. рус. геогр. общества 23 января 1904 г. / А.Е. Снесарев // ТВ, 1904. 23 янв. С. 10; 25 янв. С. 48. То же. РИ. 1904. 19 февр. С. 3.
10. *Снесарев А.Е.* Доклад о Болоре, прочитанный в Географическом обществе / А.Е. Снесарев // ТВ. 1904. 07 марта. С. 135–136. То же. Изв. ТОИРГО, 1907. Т. VII. СПб., 1907. С. 137–139.
11. *Снесарев А.Е.* Поездка в горную Бухару / А.Е. Снесарев // ТВ. 28 июля, 1904 г., № 105; 10 августа, 1904 г., № 112; 29 августа, 1904 г., № 123; 08 сентября, 1904 г., № 128; 21 сентября, 1904 г., № 134.
12. *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. (Военно-географический очерк) / А.Е. Снесарев // СМА. Вып. LXXIX. СПб., 1906. [XI], 148 с., с 3 л. карт в краск. То же. Отд. оттиск. СПб., 1906, [4], 148 с. с 2 л. карт в краск.
13. *Снесарев А.Е.* Мусафир. Киргизский вопрос / А.Е. Снесарев // Голос правды, 1909 г. № 1287. 02 декабря.

Literature:

1. *Snesarev A.E.* A group of officers of the Pamir detachment / A.E. Snesarev // Scout. 1901. № 574. P. 931.
2. *Snesarev A.E.* A brief sketch of the Pamir according to the data by October 15, 1901. SPb. : Publishing House of Stat. offices of the Quartermaster General. parts of the General Staff. 1902. 51 p. Appendix to the Collection of materials on Asia. 1902. № 7.
3. *Snesarev A.E.* Pamirs in the Middle Ages and the Great Pamir Way. (Report at the meeting of the Turkest. otd. imp. rus. geogr. society) / A.E. Snesarev // TV. 1902. № 18. 28 Feb. P. 101; 03 March P. 105.; The same. Russian Turkestan. 1902. March 3. P. 2; The same. THE news of irgo. Vol. VII. 1907. Tashkent : Electro-steam tipo-lithography O.A. Pertseva, 1907. P. 88–91.
4. *Snesarev A.E.* Winter in the Pamirs / A.E. Snesarev // TV. 1902. № 103. 24 Dec. P. 633.
5. *Snesarev A.E.* News from the Pamir / A.E. Snesarev // TV. 1903. № 47. June 12. P. 291; № 48. June 15. 297 p.; № 49. June 19. P. 302; № 50. June 22. P. 309.
6. *Snesarev A.E.* Pamirs (Military-geographical description). Tashkent, 1903. 153 p.
7. *Snesarev A.E.* North-Indian Theater. (Military geographical description). Part 1. Tashkent, 1903, [2], II, III, 347, 5 p., with 4 l. maps in paint. and 1 l. table. in paint.
8. *Snesarev A.E.* Religion and customs of the mountaineers of the Western Pamirs / A.E. Snesarev // TV. Tashkent, 1904. № 89–93.
9. *Snesarev A.E.* On the nature of the Pamirs, religion and customs of its inhabitants: a report on the meeting of Turkestan. otd. Rus. geogr. society 23 Jan. 1904 / A.E. Snesarev // TV, 1904. 23 Jan. P. 10; 25 Jan. P. 48. The same. RI. 1904. Feb 19. P. 3.
10. *Snesarev A.E.* Report on Bolor, read in the Geographical society / A.E. Snesarev // TV. 1904. March 7. P. 135–136. The same. Izv. TORGO, 1907. Vol. VII. SPb., 1907. P. 137–139.
11. *Snesarev A.E.* mountain Trip in Bukhara / A.E. Snesarev // TV. July 28. 1904. № 105; August 10, 1904. № 112; August 29, 1904. № 123; 08 September, 1904. № 128; September 21, 1904 № 134.
12. *Snesarev A.E.* East Of Bukhara. (Military-geographical essay) / A.E. Snesarev // SMA. Iss. LXXIX. SPb., 1906. [XI], 148 p., with 3 l. maps in paint. Same thing. Otd. impression. SPb., 1906, [4], 148 p. with 2 l. maps in paint.
13. *Snesarev A.E.* Musafir. Kirghiz question / A.E. Snesarev // Golos pravdy. 1909. № 1287, December 02.

14. *Снесарев А.Е.* О Памирах / А.Е. Снесарев // Басханов М.К. У ворот английского могущества: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб. : Нестор-История, 2015. 328 с.

15. Рецензии: Снесарев А.Е. Рец.: Skrine F.H., Ross E.D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the Earliest Times. L. : Methuen, 1899 // ТВ. 1900. 15 окт. С. 528–529; 19 окт. С. 524; 29 окт. С. 554–555.; Снесарев А.Е. Рец.: Головина Ю.Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. М., 1902 // ТВ. 1902. № 37. 09 мая. С. 215–216; Снесарев А.Е. Рец.: Фон Герих П. Афганистан и его политическое значение. СПб., 1902 // ТВ. 1902. 06 октября. С. 482.; Снесарев А.Е. Рец.: Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903 // ТВ. 1904. 21 марта. С. 168–169.; Снесарев А.Е. Рец.: Терентьев М.А. История завоевания средней Азии: СПб., 1906. Т. 1–3 / М.А. Терентьев // ТВ. 1907. 25 марта. С. 290.; Снесарев А.Е. Рец.: Лакост Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908 // ТВ. 1908. 07 нояб. С. 1023–1024 [и др.].

16. *Stein A.* Archaeological Exploration in Chines Turkestan. 1901. P. 12–13.

14. *Snesarev A.E.* About the Pamirs / A.E. Snesarev // Baskhanov M.K. At the gates of English power: A.E. Snesarev in Turkestan, 1899–1904. SPb. : Nestor-Istoriya, 2015. 328 p.

15. Reviews: Snesarev A.E. Rec.: Skrine F.H., Ross E.D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the Earliest Times. L.: Methuen, 1899 // TV. 1900. 15 Oct. P. 528–529; 19 oct. P. 524; 29 Oct. P. 554–555.; Snesarev A.E. Rec.: Golovina Yu.D. On the Pamirs Russian traveler's Notes. M., 1902 // TV. 1902. № 37, May 09. P. 215–216.; Snesarev A.E. Rec.: Von Gerich P. Afghanistan and its political significance. SPb., 1902 // TV. 1902. October 06. P. 482.; Snesarev A.E. Rec.: Barthold V. Historical and geographical survey of Iran. St. Petersburg, 1903 // TV. 1904. March 21. P. 168–169.; Snesarev A.E. Rec.: Terentyev M.A. History of the conquest of Central Asia: SPb., 1906. Vol. 1–3 // TV. 1907. March 25. P. 290.; *Snesarev A.E.* Rec.: Lacoste G. Russia and Great Britain in Central Asia. Tashkent, 1908 / A.E. Snesarev // TV. 1908. 07 Nov. P. 1023–1024 [et al.].

16. *Stein A.* Archaeological Exploration in Chines Turkestan. 1901. P. 12–13.

Касьянов Валерий Васильевич
 доктор социологических наук,
 доктор исторических наук,
 профессор,
 факультет истории, социологии
 и международных отношений,
 кафедра истории России,
 Кубанский государственный университет
 culture@kubsu.ru

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРОПЫ НА ОСНОВЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка выяснить источники новой радикализации отношений между западными странами и Россией. Автором отмечается роль информационного фактора в современном обществе и в современной политике. Им предполагается, что попытка дискредитации роли СССР в победе над нацизмом выступает в качестве элемента общей необъявленной информационной войны против России с целью ограничить ее экономический потенциал и политическое влияние в мире. Представленные в статье свидетельства политической борьбы между Россией и Западными странами за право на обладание исторической правдой позволили автору сделать определенные историко-политологические выводы и разработать некоторые методические педагогические рекомендации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, фальсификация истории, историческая память, информация, Россия, СССР, западные государства.

■ ■ ■

После окончания Великой Отечественной войны выросло несколько поколений. За это время появились новые средства массовой информации, которые обладают двумя новыми факторами: степенью свободы интерпретации событий и практически неограниченным охватом аудитории, каковых не было в истории человечества никогда до сегодняшнего дня. Указанные два фактора информационного общества [6] являются своеобразной победой человеческого общества, реализацией прав о свободе слова и свободе мысли, за которые боролась западная цивилизация, начиная с эпохи Просвещения. Символическим началом долгой победы свобод можно считать публикацию французской Энциклопедии наук и ремесел.

Надо отметить, что свобода слова и свобода мысли предполагают, прежде всего, ответствен-

Valery V. Kasyanov
 Doctor of Sociological Sciences,
 Doctor of Historical Sciences,
 Professor,
 Faculty of History, Sociology
 and International Relations,
 Department of Russian History,
 Kuban State University
 culture@kubsu.ru

RADICALIZATION OF THE INFORMATION SPACE OF EUROPE ON THE BASIS OF FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR

■ ■ ■

Annotation. This article attempts to find out the sources of the new radicalization of relations between Western countries and Russia. The role of the information factor in modern society and in modern politics is indicated. It is assumed that the attempt to discredit the role of the USSR in the victory over Nazism acts as an element of a General undeclared information war against Russia in order to limit its economic potential and political influence in the world. The evidence of the political struggle between Russia and Western countries for the right to possess the historical truth presented in the article made it possible to draw certain historical and political conclusions and develop some methodological pedagogical recommendations.

Keywords: World War II, the Great Patriotic War, falsification of history, historical memory, information, Russia, the USSR, western states.

■ ■ ■

ность за предлагаемые широкой аудитории мысли и слова, и, следовательно, подразумевают осмысленность высказывания и нравственную взвешенность каждого выносимого за пределы личного сознания слова. Об этом мечтали просветители XVIII в. Но XXI век внес свои коррективы, которые представили человеческое общество, понимаемое в широком смысле, как высококонкурентное политическое и экономическое противостояние социальных групп, для которых политические распри становятся выше логоса, того самого духа разума, о котором говорили античные философы, повторяли гении эпохи Ренессанса и реализовывали мечтатели эпохи Просвещения.

В XXI в. попытки политических спекуляций были перенесены и на интерпретацию самой большой трагедии человечества – Вторую мировую войну.

Попытки переписывания истории Второй мировой войны, споры о роли той или иной страны, или политического режима в развязывании II мировой войны между политическими элитами разных стран превратились в бесконечный спектакль абсурда. Как на представляется, цели этого спектакля, в котором главные роли играют международные организации, являются вполне прагматичные политические дивиденды, получаемые игроками. Сюда можно отнести как личные цели, например, продвижение по карьерной лестнице вследствие поддержки влиятельных политических сил, так и коллективные цели, которые преследуют политические партии в том или ином регионе Европы.

Лейтмотивом пересмотра истории Второй мировой войны становятся попытки представить Красную армию не в качестве силы, освободившей Европу от нацизма, а в качестве инструмента коммунистической экспансии на Запад. Современные политические элиты Европы предпочитают не замечать различий, существующих между нацизмом и коммунизмом, как на уровне здравого смысла, так и на уровне международных резолюций.

В данной статье предпринимается попытка выяснить источники новой радикализации отношений между западными странами и Россией и указать роль информационного фактора в современном обществе и в современной политике. Предполагается, что попытка дискредитации роли СССР в победе над нацизмом выступает в качестве элемента общей необъявленной информационной войны против России с целью ограничить ее экономический потенциал и политическое влияние в мире.

Основным методом данной статьи стал контент-анализ материалов, предполагающий как использование логических инструментов – классификацию, обобщение, выделение сути сообщения, так и герменевтические средства интерпретации сообщений – выяснение повода и причины появления контента, прослеживание ряда реакции международного сообщества и отдельных игроков на политической арене, установление общей цели и целей каждого отдельного игрока.

Причиной написания статьи о радикализации информационного пространства Европы стали публикации в западной прессе, пытающиеся возродить спор времен холодной войны о роли СССР в победе над нацизмом и, в отдельных случаях, обвиняющие СССР в начале Второй мировой войны. Приведем небольшой список информационных сообщений, в которых так или иначе негативизируется роль СССР во Второй мировой войне.

03 июля 2009 года Европарламент принял Резолюцию парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», согласно которой 23 августа, день подписания договора о ненападении между

СССР и Германией, стал днем памяти жертв нацизма и сталинизма» [Резолюция, 2009].

Уравнивая степень ответственности между нацистским режимом Гитлера и тоталитаризмом Сталина, Европарламент фактически повторяет слова Гитлера о том, что, напад на СССР, он, тем самым, нанес превентивный удар, спасая Европу от нападения СССР. Но архивные документы не подтверждают версии о готовящемся нападении СССР на Европу. Следовательно, «... всякие утверждения о якобы агрессивных намерениях СССР – это вздорные измышления с целью оправдания фашизма, извращения исторической правды» [2, с. 7]. Кроме того, они опасны, поскольку ослабляют внутренний контроль общества за радикально настроенными социальными группами, поскольку «стремление пересмотреть итоги накануне 75-летия Великой победы над фашизмом, в которую основной вклад внес многонациональный советский народ, строится на ксенофобии, ... русофобии» [5, с. 227].

19 сентября 2019 года Европейским парламентом была одобрена резолюция «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». В этом политизированном документе, под благообразным и корректным названием, без учета требований объективности и исторической честности Европейский парламент прямо обвинил СССР, наряду с нацистской Германией, в развязывании Второй мировой войны. При этом Европейский парламент умалчивает роль политического истеблишмента (под этим понятием имеются в виду не только отдельные представители правящей элиты, но и политические институты), представителей финансового капитала Европы и США, а также – дипломатов в поддержке нацистского режима Гитлера.

Подобная «бумага» стала апофеозом, развернувшейся против России кампании по дискредитированию роли СССР в победе над нацизмом. Тем самым, одним росчерком пера европейские парламентарии разрушают основы современного мироустройства, девальвируют нюрнберские решения, предоставляют информационные поводы для критики современной России в разных направлениях, что, вполне возможно, и является целью подобных инсинуаций:

- критика личности правителя того времени неправомерно может переноситься на критику личности главы современной России;
- ложь о причинах войны становится поводом для обвинения в ложности всей истории России, следовательно, в возможности интерпретации истории ранних событий;
- преуменьшение заслуг Красной Армии в победе над нацизмом ведет к преувеличению роли «союзников».

Примером такого «странного сообщения» может стать тенденциозность сообщений западных СМИ. Так, BBC в 2019 году выпустила материал со следующим заголовком: «Эль-Аламейн: 70 лет битве, изменившей ход Второй мировой

войны». Бесспорно, что операция британских войск при Эль-Аламейне – это решающая битва на африканском театре военных действий против войск Оси, и одна из наиболее интересных операций Бернарда Монтгомери по дезинформации итало-германской группировки в Африке. Но журналисты ВВС неправомерно выдвигают тезис о том, что «это [сражение]... по масштабам [...] сопоставимое со Сталинградом» [7]. При этом тезис никак не подтверждается цифрами, фактическими доказательствами, нарушая базовые правила теории аргументации. Для опровержения подобных неправомерных аналогий стоит привести фактические данные, выраженные в цифрах: «По сведениям западных исследователей, на советско-германском фронте Германия и ее союзники потеряли более 70 % личного состава, 75 % авиации, 74 % артиллерии и 75 % танков и штурмовых орудий» [8].

Кроме явной информационной провокации, подобные «официальные бумаги» являются примером «лжи через сокрытие». В Резолюции 2019 г. не упоминается об аннексии Чехословакии, которая обеспечила гитлеровским войскам значительное превосходство в техническом аспекте, являясь в то время одним из наиболее развитых государств в области машиностроения. «Почему ОБСЕ не говорит о Мюнхенском соглашении, об аннексии Австрии в марте 1938 г., в результате чего рейх получил золотой запас Государственного банка и предприятия Австрии? Кому это выгодно?» [5, с. 229].

Подобная деструктивная политика Европы и США в отношении России демонстрирует поворот от сотрудничества к политическому конкурентному противостоянию, который можно расценивать как симптом глубинных социальных и политических процессов в самой Европе, по всей видимости, не справляющейся с негативными тенденциями внутри собственной социально-политической институциональной структуры. Европейские парламентарии своими действиями сегодня повторяют намерения Гитлера в отношении России, который полагал, что необходимо «поощрять любую форму разногласий и раскола». И если Гитлер предполагал привести разногласие в оккупированные территории, то современные европейские политики пытаются строить на «разногласии и расколе» международную политику, вынуждая своих партнеров к оправданию через формирование чувства вины.

Но в данном случае возникает справедливый вопрос: Почему сегодняшние политики хотели бы сбросить Мюнхенские соглашения 1938 года с нацистской Германией со счетов? Не последнюю роль здесь играют и ограничения в политической игре, которую сегодня развязывают европейские и американские политики в мировом информационном и международном дипломатическом пространствах, пытаясь переложить ответственность за начало Второй мировой войны на СССР. Но, в действительности, подобные попытки преследуют цель не столько мнимого восстановления исторической правды, сколько получения политических дивидендов в настоящем. Ведь, с обвиняемым, даже если он обвинен

несправедливо, легче договариваться. Подобная социально-психологическая установка играет негативную роль в международной политике [3]. Сама попытка несправедливого обвинения уже вызывает отторжение как у рационально мыслящей части общества, так и у представителей государственной власти, вызывает негативные эмоции, способствует возможным ошибкам, в том числе и в информационном пространстве.

Только факты свидетельствуют об обратном. Именно западные государства способствовали росту нацизма в Германии:

1. Представители финансового капитала Великобритании и США, инвестировали развитие военной промышленности Германии. «Уже в 1937 году немецкий филиал компании Форда выпускал бронетранспортеры и машины для вермахта. В 1939 году General Motors поставлял 50 % двигателей для бомбардировщиков Ju-88 и начал разработку первого в мире реактивного истребителя Me-262. ... Банковские дома Chase, Morgan, а также Union Banking Corporation и Bank for International Settlements сумели замаскировать свое сотрудничество через подставные фирмы и банки в странах-сателлитах» [2, с. 5].

2. Мюнхенский сговор 1938 г., фактически, стал антикоминтерновским пактом, который мог перерасти в антисоветский фронт. Так, официальная польская военная доктрина 1938 года очень четко выразила экспансионистские настроения польских политических кругов: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна оставаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России [2, с. 5].

3. Договор о ненападении между СССР и Германией 1939 г. стал вынужденной мерой в ответ на фактическое формирование антисоветской коалиции на Западе и явного нарастания военной мощи нацистской Германии.

4. До сих пор стоит гриф секретности на материалах об англо-германских переговорах и на документах по перелету 10 мая 1941 года Рудольфа Гесса в Великобританию. Этот факт имеет место, несмотря на то, что в п. 16 Резолюции ПА ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы» четко сказано: «Парламентская ассамблея ОБСЕ ... вновь обращается с призывом ко всем государствам-участникам открыть свои исторические и политические архивы». Остается сделать вывод о том, что содержание этих переговоров вполне возможно скрывает неприглядные стороны европейской политики во время Второй мировой войны, в том числе, и относительно сговора Германии и Англии против СССР. В то же время, в России реализуется масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и

фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду [9].

Раздел Чехословакии и отказ Англии и Франции защищать Польшу от блицкрига Германии прямо свидетельствуют о попытке западных стран направить агрессию нацистской Германии на восток, с целью столкновения Германии и СССР. Бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генерал-полковник Альфред Йодль признал: «... Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоящих во время нашей войны с Польшей на западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными» [1]. И действительно, вполне оправдано название боевых действий этого времени как «странная война», в которой Великобритания и Франция, объявив 3 сентября 1939 года войну Германии, обладая превосходящими силами, так и не предприняли каких-либо действий, чтобы оградить Польшу от захвата со стороны Германии. Тем самым, Англия и Франция, фактически, обрекла на смерть миллионы поляков и польских евреев, попавших под каток нацистских расовых чисток, но цинично реализовала свои геополитические планы, позволив гитлеровской экспансии распространяться на восток, к СССР.

Ввод советских войск в Польшу был также вынужденной мерой, призванной отодвинуть советскую границу от городов СССР на 300 км. на «линию Керзона», которая разделяла область компактного проживания поляков от областей, в основном, населенными украинцами и белорусами. «Советское руководство имело возможность отодвинуть западные рубежи СССР еще дальше на запад, вплоть до Варшавы, но приняло решение не делать этого» [1]. Как было сказано в ноте советского правительства, которую вручил польскому послу в СССР В. Гржибовскому заместитель наркома внутренних дел В.П. Потемкин: «...Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР» [2 с. 6]. И это действительно было так, поскольку угроза нападения нацистских войск Германии на СССР была как никогда реальна. Но европейские политические силы при поддержке политиков США продолжают деструктивные процессы. Одним из моментов таких процессов стал массовый снос памятников, посвященных победе во Второй мировой войне, и объявленных символами советской оккупации: Бронзовый солдат в Таллине (2007), мемориал воинской славы в Кутаиси (2009), Памятник советско-польскому братству по оружию в Варшаве (2011), Монумент Боевой славы Вооруженных сил СССР во Львове (2018). Этот список не окончательный. Подобные политизированные акции, с одной стороны, являются ударом по международному престижу России, но, с другой стороны, формируют новое радикальное мировоззрение, неонацистские настроения внутри государства, которые пошли по пути дискредитации победы России во Второй мировой войне, опираясь на ложную и логически неправильную аргументацию. Радикальные группы,

появившиеся в новых государствах, в бывших республиках постсоветского пространства неизбежно станут источником криминализации населения этих стран.

Общеизвестно, что фактическое унижение населения и политических элит Германии Версальским договором 28 июня 1919 г. создало почву для роста реваншистских настроений, а, впоследствии, и для роста нацизма. Версальский договор узаконил фактическое ограбление Германии колоссальными репарациями, создал территориальные споры, вследствие произвольного установления государственных границ после Первой мировой войны. Данная причина Второй мировой войны должна служить предупреждением для современных политиков: каждая нация и народ должны, априори, рассматриваться как равноправный собеседник в мировой политике. Каждый конфликт на национальной или религиозной почве достоин самого пристального внимания, поскольку из локального конфликта, он крайне быстро может перерасти в масштабные боевые действия [12].

Германское общество в период между Первой и Второй мировыми войнами можно рассматривать с научной точки зрения как стихийный социально-политический и социально-психологический эксперимент, в ходе которого одна из самых цивилизованных и культурных стран Европы превратилась в радикальную страну, общество которой фактически добровольно отказалось от критического мышления. И это произошло в стране И. Канта, И.В. Гете, И.Ф. Шиллера, Ф. Ницше, стране, в которой критическое мышление было объектом рассмотрения ее наиболее выдающихся деятелей. Немцы, отказавшиеся от самостоятельного осмысления происходившей радикализации общественной и политической жизни, оказались в своеобразной мировоззренческой ловушке. Поэтому одним из важнейших выводов, который можно сделать из стихийного социального и политического эксперимента в Германии: о необходимости внутреннего контроля, достигаемого исключительно повышением уровня образования (прежде всего, культуры логического мышления) и нравственным воспитанием на основе гуманистических идеалов. Любые попытки цензурирования или внешнего воспитательного воздействия закономерно встретят сопротивление и, как необходимый эпифеноменальный эффект запрета, увлечение сенсационностью внешне привлекательных «новостей». Поэтому важно предупредить, что историческую правду (слово, в котором заложен кроме истинности и нравственный смысл) нельзя восстановить с помощью тотального контроля за потоками информации.

Признаком коллективного разума европейской цивилизации стал один из наиболее прогрессивных результатов двух мировых войн – создание двух международных организаций, призванных к уравниванию сил в международной политике путем реализации принципа коллективной безопасности. Если первая подобная организация – «Лига Наций» «просто потонула в пустых разговорах» [9] вследствие ее фактического управления исключительно Великобританией и

Францией, то вторая организация – ООН сегодня стоит на пороге такой же судьбы. Доминирование США в деятельности ООН, фактически, ставит вопрос о целесообразности подобной международной организации, нарушает основные принципы и цели ее создания. Так, в своей Мюнхенской речи 2007 года, Президент РФ Путин В.В. четко указал, что однополярный мир, «как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри [9].

Интересно, что попытки переписать историю Второй мировой войны напрямую связаны с формированием такого однополярного мира, что в конкретных действиях выражается в усилиях лишить Россию права вето как постоянного члена Совета Безопасности ООН. Логика и цепь действий в данном случае простые: «обвинение России (СССР) в развязывании Второй мировой войны (напомним: при закрытых архивах западных стран) – дискредитация ее роли в победе над нацизмом путем преувеличения значения битв союзников и преуменьшения значения битв Красной армии (получаем основание для следующего аргумента, являющегося одновременно заключением силлогизма) – следовательно, Россия стала постоянным членом Совбеза ООН по недоразумению, – и апофеозом подобной логики

Литература:

1. *Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В.В. Путин // Российская газета. 19.06.2020. Федеральный выпуск. № 133(8187).*
2. *Баранов В.П. Фальсификация истории второй мировой войны и Великой отечественной войны на современном этапе / В.П. Баранов, А.А. Климов // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2020. № 1. С. 4–9.*
3. *Гафиатулина Н.Х. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. М., 2020.*
4. *Резолюция парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». 03 июля 2009 года. URL : <https://www.svoboda.org/a/1768840.html>*
5. *Дудина М.Н. Война в истории: проблема изучения истории войны и ее фальсификация / М.Н. Дудина [и др.] // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 226–232.*
6. *Касьянов В.В. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения / В.В. Касьянов,*

должна стать попытка поставить на голосование вопрос о лишении России права вето как постоянного члена Совбеза ООН.

В целом, представленная логика действий ясна и политическим элитам России. Председатель комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ Алексей Пушков выразился по этому поводу предельно ясно: «Сейчас, переделывая историю, наши противники пытаются это сделать не просто во имя абстрактных целей. Цель конкретная – лишить Россию статуса державы-победительницы во Второй мировой войне и в моральном отношении, и в политическом отношении, и в нравственном отношении. Если подорвать статус России как державы-победительницы, то можно ставить вопрос о правомерности ее пребывания в Совете безопасности ООН в качестве постоянного члена с правом вето» [10].

Таким образом, основываясь на вышеизложенных фактах, мы полагаем, что противодействие попыткам фальсификации истории Второй мировой войны должно очень убедительно базироваться на объективных фактических материалах историографии, представленных в виде архивных или прочих документальных источников.

Задачи, стоящие перед историками, включают не только формирование объективных историко-правовых фактов об имевших место событиях Второй мировой войны, но и противодействие попыткам фальсификации ее истории.

Literature:

1. *Putin V.V. 75 years of the Great Victory: shared responsibility before history and the future / V.V. Putin // Rossiyskaya Gazeta. 06/19/2020. Federal issue № 133(8187).*
2. *Baranov V.P. Falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War at the present stage / V.P. Baranov, A.A. Klimov // Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation. 2020. № 1. P. 4–9.*
3. *Gafiatulina N.Kh. Russian society in self-isolation. Social effects and consequences of the covid-19 pandemic : monograph / N.Kh. Gafiatulina [et al.]. M., 2020.*
4. *Resolution of the OSCE Parliamentary Assembly «On the reunification of a divided Europe: Promoting human rights and civil liberties in the OSCE region in the 21st century». July 3, 2009. URL : <https://www.svoboda.org/a/1768840.htm>*
5. *Dudina M.N. War in history: the problem of studying the history of war and its falsification / M.N. Dudina // Historical and pedagogical readings. 2020. № 24. P. 226–232.*
6. *Kasyanov V.V. Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation of the Russian population / V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatul-*

Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 51–63.

7. BBC News. Русская служба. Эль-Аламейн: 70 лет битве, изменившей ход Второй мировой. URL : https://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121104_alamein_anniversary. 2012 (дата обращения 19.12.2019).

8. *Масловский Л.* Как СССР спас западную коалицию от уничтожения Гитлером. 2017. URL : <http://www.politonline.ru/provocation/22891491.html> (дата обращения 10.11.2020).

9. *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 10.11.2020).

10. Пушков заявил о попытках лишить Россию права вето в Совбезе ООН // Газета «Взгляд». 05.10.2020. URL : <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2020/10/5/1063809.html> (дата обращения 10.11.2020).

11. *Путин В.В.* В России будет создан крупнейший комплекс архивных документов по Второй мировой войне / В.В. Путин // Российское историческое общество. URL : <https://historyrussia.org/sobytiya/v-rossii-budet-sozdan-krupnejshij-kompleks-arkhivnykh-dokumentov-po-vtoroj-mirovoj-vojne.html> (дата обращения 02.11.2020).

12. *Kasyanov V.V.* Socio-cultural heritage of victory in the great patriotic war in the context of modern ethical and historical realities. Revista Inclusiones / V.V. Kasyanov [et al.]. 2019. Vol. 6. № S3-4. P. 121–126.

ina, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 51–63.

7. BBC News. Russian service. El Alamein: 70 years of the battle that changed the course of World War II. URL : https://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121104_alamein_anniversary. 2012 (date of circulation 19.12.2019).

8. *Maslovsky L.* How the USSR saved the Western coalition from destruction by Hitler. 2017. URL : <http://www.politonline.ru/provocation/22891491.html> (date of circulation 10.11.2020).

9. *Putin V.V.* Speech and discussion at the Munich conference on security policy. 2007 / V.V. Putin // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (date of circulation 10.11.2020).

10. Pushkov announced attempts to deprive Russia of the veto right in the UN Security Council // Gazette «Vzglyad». 10/05/2020. URL : <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2020/10/5/1063809.html> (date of circulation 11/10/2020)

11. *Putin V.V.* The largest set of archival documents on World War II will be created in Russia / V.V. Putin // Russian Historical Society. URL : <https://historyrussia.org/sobytiya/v-rossii-budet-sozdan-krupnejshij-kompleks-arkhivnykh-dokumentov-po-vtoroj-mirovoj-vojne.html> (date of circulation 02.11.2020).

12. *Kasyanov V.V.* Socio-cultural heritage of victory in the great patriotic war in the context of modern ethical and historical realities. Revista Inclusiones / V.V. Kasyanov [et al.]. 2019. Vol. 6. № S3-4. P. 121–126.

Кислицын Сергей Алексеевич
 доктор исторических наук,
 профессор,
 Южно-Российский институт управления
 Российской Академии
 народного хозяйства
 и государственной службы
 при Президенте РФ
 Kislizins@yandex.ru

ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ РАСКАЗАЧИВАНИЕ: ПРИЧИНЫ, РАЗВЕРТЫВАНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье освещается с объективистских позиций и в хронологической последовательности процесс террористического рассказывания контрреволюционного сословия в донском регионе. Антибольшевистский террор и разгром Донской Советской Республики в 1918 г. вызвал новое ужесточение казачьей политики и форсированный переход коммунистических руководителей на позиции экстремизма в казачьем вопросе. Подчеркивается правовая и политическая недопустимость квалификации этого процесса как национального геноцида по национальному признаку. Осуществление террористической политики в годы Гражданской войны и последующая реализация курса на латентное рассказывание привели к негативным изменениям во всех областях жизни казачества, деструктивно сказались на его самосознании, менталитете, традиционных морально-нравственных представлениях.

Ключевые слова: рассказывание, Гражданская война, латентное рассказывание, белоказаки, Донская советская республика, казаки, иногородние, донская Вандея.

Террористическое *рассказывание* стало одним из центральных событий гражданской войны на Дону, повлекшим за собой значительные последствия противоборствующих сторон. Следует отметить, что первоначально во 2-й половине XIX – начале XX вв. под термином *рассказывание* понимали упразднение сословных льгот и тягот казачества по несению службы, статуса как социально-сословной общности, управление ею в социально-экономическом плане с другими слоями населения, главным образом с крестьянством. О насильственных мерах воздействия на казачество, а тем более о его ликвидации как такового, и присущих ему отличительных этносоциальных признаков (самосознании, культуры, быта и т.п.), о каких-либо административных или силовых притеснениях, массовых и огульных преследованиях или физическом уничтожении казачьего населения, в то время речи не шло. Но ситуация резко измени-

Sergey A. Kislizyn
 Doctor of Historical Sciences,
 Professor,
 South Russian Institute of Management
 Russian Academy of the national economy
 and public service under the President
 of the Russian Federation
 Kislizins@yandex.ru

TERRORIST STORYTELLING: CAUSES, DEPLOYMENT, AND CONSEQUENCES

Annotation. The article covers the process of terrorist spreading of the counter-revolutionary class in the Don region from an objectivist perspective and in chronological order. The anti-Bolshevik terror and the defeat of the Don Soviet Republic in 1918 caused a new tightening of the Cossack policy and the forced transition of the communist leaders to the position of extremism in the Cossack question. The author emphasizes the legal and political inadmissibility of classifying this process as a national genocide on the basis of nationality. The implementation of the terrorist policy during the civil war and the subsequent implementation of the policy of latent raskazachivanie led to negative changes in all areas of the life of the Cossacks, had a destructive effect on their self-consciousness, mentality, and traditional moral ideas.

Keywords: storytelling, Civil war, latent storytelling, White Cossacks, Don Soviet Republic, Cossacks, non-residents, Don Vendee.

лась после Великой Российской революции 1917 г.

В.И. Ленин и другие лидеры большевистской партии, прорвавшейся к политической власти, негативно относились к казачеству как военно-феодалному сословию, объективно являвшемуся угрозой революции, то есть, будущей «донской Вандеей» (по аналогии с гражданской войной во Франции в конце ХУШ в.). И, в известном смысле, они оказались правы. Более того, концепт «Дон-Вандея стал в обществе отправной точкой освещения событий на Дону, что нашло отражение в оценках и донских большевиков, и белогвардейцев, в работах публицистов и литераторов, прежде всего М.А.Шолохова. Известна поэтическая строфа М. Цветаевой 1918 г.: «*Старого мира последний сон: Молодость – Доблесть – Вандея – Дон*». И действительно сословный мир старой России доблестно сопро-

тивлялся назревшим революционным переменам.

02 декабря 1917 белоказаки и добровольцы штурмом взяли Ростов-на-Дону и первый раз силой свергли установившуюся в городе советскую власть. При помощи красновардейских формирований из центра и ВРК казаков в главе с казаками-фронтами Ф.Г.Подтелковым. Кривошлыковым в марте 1918 г. большевики создали Донскую советскую республику. Заместителем председателя Совета Народных Комиссаров стал профессиональный революционер С.И. Сырцов. Но белоказаки подняли восстание на верхнем Дону и уничтожили экспедицию Подтелкова. После повторного поражения от белоказачков и немецких интервентов в мае этого же года ростовские большевики возложили всю ответственность за повторный крах на казачество и радикализировали свои взгляды на возможность решения казачьего вопроса. Хотя более 20 % донского казачества шло за большевиками (подразделения Ф.М. Миронова, С.М. Буденного, Б.М. Думенко, В.М. Примакова и др.), они теперь отказались от идеи повторного учреждения автономии Донской казачье-крестьянской республики и от проведения политики уступок трудовому казачеству. Казаки-повстанцы писали в эмиграции, что если первоначально казаки восприняли Октябрьский переворот как «волеизъявление русского народа», то в 1918 г. они уяснили, что над русским народом и над ними произведено грубое насилие» и поэтому в борьбе с большевизмом участвовало все население Дона, за исключением 2-х тысяч казаков-фронтами Миронова». Сам Ф.К. Мионов говорил позднее о трагедии фронтами, которым трудно было потом, в 1918 г., оторванным от политических центров, предоставленным самим себе, разбраться в обстановке: с одной стороны, давили отцы и деды, контрреволюционное духовенство и офицерство; с другой стороны, «в этот момент (март-апрель) окраины Дона начали подвергаться безудержному разгулу провокаторов, влившихся в огромное число в тогдашние красновардейские ряды: пылали отдельные хутора, обстреливались церкви арт-огнем во время богослужения и т.п. Генералы Мамантовы, полковники Застегаевы ликовали: поводы к казачьему восстанию сама революция вкладывала в руки этих жандармов царя. Эта тяжелая драма фронтального казачества будет когда-нибудь освещена беспристрастно историей...» [1]. Казачья кавалерия стала одним из главной ударной силой вооруженных сил белой армии.

После уничтожения Донской казачье-крестьянской автономной республики схема «Дон-Вандей» в среде большевиков получила особое развитие и стала восприниматься как доказанная аксиома. Очевидный факт, что большинство казачества не только не поддержало эту республику, а приняло участие в борьбе с Советами, был истолкован как логичное проявление «вандейской» направленности казачества. Большевики писали, что особенности аграрного вопроса в Донской области состояли в том, что крестьянству с его земельным голодом пришлось обращаться взоры не на помещичью землю, а на каза-

чью. Казаки, являясь меньшинством населения Донской области, владели большей частью земли, а громадные участки земли сдавались почти за бесценок войсковым правительством коннозаводчикам, которые на этой даровой земле организовали крупные сельскохозяйственные экономики. Аграрная революция виделась большевикам в полном разрушении экономического базиса казачества, а таковым, наряду со всякого рода монополиями и привилегиями, являются казачьи паи. Но большевики не учли, что упразднение социально-экономической основы «Вандей» и красный террор неизбежно вызовет рост вооруженного сопротивления казаков, то есть форсирование т.н. «Вандей».

По мере ожесточения гражданской войны региональные представители большевистской элиты стали обосновывать фактически мстительную, фактически антимарксистскую, «истребительную политику» под лозунгом «красного террора», не считаясь с конкретно-историческими условиями регионов на Дону, Кубани, Тереке, Юге Урала и в Сибири. В частности, в сентябре 1918 г. член партии с 1901 г., известный рабочий-революционер С.Ф. Васильченко в последнем отчете правительства ДСР в ВЦИК на имя Я.М. Свердлова отмечал, что в марте этого года началась организация казачьих сил, а затем развернулись вооруженные выступления, в ходе которых отряды казаков беспощадно расправлялись не только с «бунтовщиками-иногородними», но и со своими «своевольными казаками». Он указывал, что гражданская война на Дону стала носить «не столько характер непосредственно классовый борьбы, сколько характер бытового антагонизма между казаками и крестьянами. Соответственно с этим, не в пример остальной части земледельческой России, борьба в Донской области развернулась не как борьба между кулаками, с одной стороны, и с беднотой, с другой, а как борьба между «братьями» – казаками и «хаммами» иногородними. Это обусловило почти поголовное восстание казаков, свирепствовавшими над всеми без исключения крестьянами. Это же заставило крестьян с небывалым упорством отстаивать свои хаты и небывалым упорством держаться за советскую власть. Так распространилось у казаков убеждение в необходимости поголовного истребления иногородних («Дон для донцов»). Так в свою очередь крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков» [2].

С.Ф. Васильченко писал, что красновардейские отряды в станицах действительно обижали население, но когда Советская власть узнала, как они бесчинствуют, то она провела обезоруживание этих отрядов и предание их главарей суду за мародерство и контрреволюционность. По всей линии железной дороги от Ростова до Царицына были уничтожены отряды Петренко, херсонской анархистки Маруси Никифоровой, грабительская сотня Гурьева, конно-пехотный отряд матроса Жукова и др. Но пламенем того пожара, который зажег в Кривянке, присвоив себе название красновардейцев, бандиты, воспользовались лидеры белых. Следует признать, что во-первых, белоказаки осуществляли без

всяких циркуляров свой антибольшевистский террор, жертвами которого стало свыше 40 тыс. человек. Во-вторых, казачество к этому времени стало главной ударной кавалеристской силой всего Белого движения, что вызвало особую ненависть большевиков. Таким образом С.Ф.Васильченко первый обосновал необходимость использования в противовес белоказачьему террору «истребительных» методов борьбы в отношении активных белоказачков.

В тоже время пронемецкая политика П.Н. Краснова не удовлетворяла не только деникинцев, но и само донское казачество. С уходом немецких войск ухудшилось материальное снабжение белоказачьей армии. Натиск советских войск и ожесточенные бои изматывали ее. Не нравились казакам и массовые репрессии атамана. Оно было особенно недовольно, что приходилось нести непрерывную службу, и тем, что надо было участвовать в боевых действиях за пределами Донской области и в Царицыне, и в Воронежской губернии... Станичные общества стали выносить приговоры против войны или против выхода за границы области.

Когда в январе 1919 г. развернулось наступление Красной Армии на северные казачьи округа, в казачьих частях начались брожения и волнения. В целом, в настроении мобилизованных казаков северных станиц, разочаровавшихся в белоказачьем государстве «Всевеликое Войско Донское», уже назрел перелом в отношении сотрудничества с новой властью. Ощущая это, командование наступающих частей Красной Армии предложило казакам войти к ним в подчинение или «немедленно сдать оружие... и военное имущество, выдать всех подстрекателей к войне между трудовым казачеством и Советской властью, а также командный состав. Но казаки активно не могли так примитивно капитулировать, да еще выдать на расстрел своих атаманов. Поступили просто. Одни казаки просто разошлись по домам, не оказывая вооруженного сопротивления красным, другие с боями отступили вместе с казаками низовых станиц. В целом верхнедонское казачество, несмотря на объявленный де-факто нейтралитет, большевикам не только не сочувствовало, но было психологически готово в любой момент выступить против них в случае произвола с их стороны, что собственно и произошло. В южных округах Донской области положение было еще хуже для большевиков, так как низовые казаки в большинстве своем здесь были настроены сугубо антисоветски. Начальник разведывательного и оперативного отделения штаба Донармии В. Добрынин указывал что казаки, переутомленные непрерывной борьбой на два фронта, потерявшие надежду на помощь союзников, поверили красной агитации и поэтому открыли фронт на участке 8 армии, прикрывавшей Воронежское направление [3]. Автор также подчеркивал, что белые тогда не учли в полной мере того обстоятельства, что в гражданской войне вопросы политики приобретают особое значение и «успех армий на 3/4 зависит от политики, а не от стратегии и тактики».

В это время значительно усилился процесс внутреннего разложения белоказачьих войск

Донской армии П.Н. Краснова. Развернутый Красновым белый террор затронул все неказачьи слои населения, семьи красных казаков и вызвал недовольство даже своих казаков. Его квазигосударство «Всевеликое войско Донское», признанное только интервентами и украинским гетманом Скоропадским, рассыпалось на глазах. Дело доходило до того, что целые казачьи полки отказывались выполнять приказы командования. Начались попытки казаков завязать переговоры с красными частями, передавались письма с предложениями прислать делегатов «для переговоров о мире при условии свободной торговли». делегации для переговоров о заключении перемирия направили 6, 22, 23 и 24 конные и 22 пеший казачьи полки. Многие казачьи полки в полном составе самовольно покидали боевые позиции и расходились по домам, а некоторые сдавались в плен. Началось преследование ее остатков, отмечавшееся или массовой сдачей в плен целых казачьих частей, или уходом их по домам, что позволило Красной армии уже в самом скором времени занять большую часть территории Донской области [4].

Примерно также развивались события и на востоке страны, а настроения оренбургских и уральских (яицких) казаков во многом перекликались с отмеченными настроениями донцов. В немалой степени это способствовало успехам Красной Армии на Восточном фронте: 22 января 1-я армия заняла Оренбург, а 24 января совместно с частями 4-й армии – и столицу Уральского (Яицкого) казачьего войска город Уральск. Казалось, что исход гражданской войны уже практически предрешен и она близится к своему окончанию.

Однако 24 января 1919 г. Организационное бюро ЦК РКП(б), возглавляемое радикальным большевиком Я. Свердловым не оценило произошедший перелом в ходе войны и приняло в духе устаревших требований С.Васильченко циркулярное письмо партийным организациям Дона и Приуралья, определявшее «истребительную» политику большевиков по отношению к казачеству. В нем говорилось: «Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути здесь недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

Далее шли пункты о конфискации хлеба, помощи переселенцам на казачьи земли, уравнении иногородних в правах с казаками, разоружении казаков и вооружении иногородних [5]. В этом пункте наряду с обычными для гражданской войны лозунгами и призывами использовался в принципе антимарксистский термин «поголовное уничтожение контрреволюционного казачества» для обозначения ликвидации вооруженных антибольшевиков-казачков.

В отношении казаков указывалось на необходимость выселения из мест обитания только тех, кто поддерживал казаков-контрреволюционеров. Вся беда и трагедия была в том, что объективно граница между всеми группами казаков была очень условная и зыбкая, что приводило к неконтролируемому применению террористических методов подавления в ряде случаев ко всему казачеству. В протоколе заседания Оргбюро текста циркулярного письма и фамилий присутствующих членов Оргбюро нет. В конкретных деталях текст протокола Оргбюро расходится с текстом циркулярного письма. Директива противоречила всем предыдущим постановлениям Совнаркома о работе в казачьих районах, декларациям СНК, ВЦИК, РВС республики в их обращении к казачеству, Более того, нет никаких свидетельств того, что данная директива обсуждалась в Политбюро или где-либо вне Оргбюро при участии В.И. Ленина. В связи с этим историк Р.А. Медведев заключает, что подлинность протокола заседания Оргбюро от 24.01.1919 представляется в высшей мере сомнительной [6]. Однако, кто бы ни создал этот текст, он был доведен до мест и стал директивным указанием для них со всеми вытекающими последствиями.

Следует подчеркнуть, что директива соответствовала интернациональной политике «военного коммунизма», «продовольственной диктатуры» и «красного террора». Она была логическим продолжением постановления СНК о красном терроре от 05.08.1918 г., согласно которому подлежали «расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Надо иметь в виду, что террор рассматривался большевистскими лидерами не только как средство борьбы с врагами, но и как средство наведения железной дисциплины в самой Красной Армии в условиях, когда уклонение от призывов и саботаж стали массовым явлением. По приказу Троцкого проводилась расстрельная децимация проштрафившихся коммунистических полков.

Наконец, очень важно понимать, что массовидный террор был характерен для всех гражданских войн, и война в России не была исключением. Причем с обеих сторон имели место не только уничтожение противника, но и расстрелы пленных и представителей населения, подозреваемого в помощи противнику. Многие белоказаки сами активно участвовали в гражданской войне и белом терроре, используя в полном объеме все свои высококвалифицированные воинские умения и навыки. Широко известен жестокий рейд по тылам Красной Армии белоказачков Мамантова, вошедший в историю как акт

самого массового террора и грабежа по отношению к местному населению. Под Азовом казаки создали полноценный концлагерь для красноармейцев. Белые части проводили дебольшевизацию Юга России жестоким образом, но, конечно, нельзя выделять белоказачков из рядов Вооруженных сил Юга России. Деникинский «Осваг» как главная информационно-пропагандистская структура в системе Вооруженных сил Юга России, принимал программные документы, призывавшие к ликвидации в «новой России, освобожденной от большевизма, всех красноармейцев, членов партии, депутатов Советов всех уровней, их семей, всех причастных к коммунистической деятельности. Не трудно понять и оценить характер и масштабы планировавшихся истребительных репрессий. Но в повседневной практике политика массового белого террора проводилась без направляющих и регулирующих циркуляров и резолюций, в отличие от большевиков, которые бюрократически формализовали красный террор. В целом, директива террористического раскачивания была «ошибкой, которая хуже преступления», грубым политическим просчетом большевизма, за который пришлось дорого заплатить.

На основании полученной директивы из Москвы местные партийно-советские и военные органы разрабатывали конкретные указания и планы действий по ее претворению в жизнь. 05.02.1919 г. РВС Южного фронта издал приказ о создании полковых революционных трибуналов. В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предложило провести следующее:

1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, исправить как заложников в районный революционный трибунал (уличные согласно директивам ЦК должны быть расстреляны);
2. При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока какого-либо оружия, будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников;
3. В состав ревкомов ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, не коммунисты...;
4. Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех сбежавших казаков /то же относится и к кулакам/ и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания» [7]. Ревкомы под влиянием требований крестьян переименовывали станицы и хутора в волости и деревни. Аналогично действовали и партийные и советские органы в казачьих областях востока страны [8]. Реализация всех этих установок на практике вылилась в бессудные расправы с казачьим населением.

В ночь с 10 на 11.03.1919 г. в районе станиц Казанской и Вешенской вспыхнуло восстание против коммунистического террора. Численность повстанцев уже в самом скором времени составила до 15 тыс. казаков призывного возраста и

до 10 тыс. стариков, иногда женщин. М. Шолохов в письме к М. Горькому от 06.06.1931 г. отмечал, что Вешенское восстание возникло в результате безрассудных репрессий ретивых представителей власти и что в своем романе «Тихий Дон» он нарисовал, не сгущая красок, реальную... суровую действительность, предшествующую восстанию [10].

Быстрому и значительному увеличению масштабов восстания, расширению охваченных им территорий и росту численности его участников способствовали захваченные восставшими в Вешенском ревкоме документы, в частности, циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП и телеграммы РВС Южфронта и Донбюро. Прибывший в это время на Верхний Дон большевистский деятель казак В. Трифонов в своем письме в Москву отмечал, что «... восставшие казаки в качестве агитационных воззваний распространяли циркулярную инструкцию партийным организациям... о беспощадном уничтожении казаков. Лучшего агитационного материала они, конечно, и выдумать не могли» [12]. И уже к маю 1919 г. общая численность восставших казаков составила 40 тыс. чел., а район восстания охватил обширный район Верхнего Дона с населением свыше 300 тыс. чел. [13].

Вспыхнувшее Верхнедонское восстание в тылу 8-й и 9-й красных армий сразу изменило ситуацию на всем Южном фронте. Красное командование вынуждено было бросать на борьбу с восставшими новые силы, снимая их с боевых позиций на фронте. 16 марта 1919 г. Пленум ЦК РКП/б/ принял решение о приостановлении январской директивы. РВС Южного фронта передал политотделам всех армий и ревкомам Донской области соответствующие указания ЦК партии, основанные на решениях мартовского пленума. Отменялись приказы РВС Южного фронта об организации полковых ревтрибуналов и инструкции РВС фронта о проведении в жизнь директивы ЦК от 24.01.1919 г.

Однако в действительности на местах особо ретивые большевики продолжали де-факто политику «красного террора». Надо иметь в виду и то обстоятельство, что многие действия руководителей ревкомов провоцировались вредительскими установками скрытых реальных врагов Советской власти, которых в то время было достаточно много. В этом плане показательна деятельность бывшего провокатора царской охраны Мусина, пробравшегося в политотдел 10 армии. Кроме того, среди большевиков хватало примитивно мыслящих малообразованных люмпенов и маргиналов, различных карьеристов, стремившихся сделать карьеру, отомстить за свои обиды, утолить низменные инстинкты, самореализоваться во власти, и т.п.

08.04.1919г. Донбюро РКП/б/ утвердило резолюцию относительно январской директивы Оргбюро ЦК, в которой говорилось: «Насущная задача – полное, быстрое и решительное уничтожение казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и

офицерства, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества» [14]. И вся практическая деятельность местных партийных и советских органов осуществлялась в соответствии с этой резолюцией [15]. Фактически она стала новым директивным документом, отражавшим основные направления политики большевиков по отношению к казачеству и декларирующим расказачивание как десословизацию.

С целью «распыления» казачества в это же время принимается целый ряд решений о массовом переселении на Дон населения из северных и центральных районов страны. 24 апреля выходит даже специальный декрет СНК «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область», в соответствии с которым на Дон должны были направлены переселенцы из шести северных губерний. В борьбе с восставшими казаками большевистское руководство по-прежнему делало основную ставку на радикальные методы [16]. Таких же взглядов придерживался И.В. Сталин.

Политика власти по отношению к казачеству претерпевает существенные изменения значительно позже – в конце лета – начале осени 1919 г. Важную роль в этом сыграло расследование причин Верхнедонского восстания, проведенное по предписанию высшего советского руководства различными партийными, советскими и военными органами. Так, в ходе проведенного расследования следственная комиссия Южного фронта Красной Армии выявила «... жуткую и дикую картину расправы с невинными жителями» ревкомов станиц. Члены комиссии констатировали, что например морозовский ревком «под флагом красного террора осуществлял невиданную по дикости и жестокости уголовщину» [17], за что его члены были расстреляны. В телеграмме РВС Южфронта в Москву от 23 апреля говорилось: «Теперь есть повод думать, что отчаянность казаков объясняется поведением местных ревкомов, которые, прямо и неукоснительно проводя директивы Южного фронта и ЦК, чересчур переусердствовали» [18].

В.Ф. Ларин писал, что «сейчас Сырцов, Дорошев отплевываются (на них льется вся эта грязь – все бессмысленные расстрелы и т.д.). Ясно одно, что они являются тем элементом, который смотрит на Донщину не с точки зрения казачьей колокольни, а с точки зрения интересов русского пролетариата» [19]. И действительно оплотом Советской власти в Донской области были промышленные центры – Ростов-на-Дону, Таганрог, Сулин и шахтерские поселки, приазовский, районы, населенные в основном иногородним крестьянством. Они проводили политику от имени рабочего класса, коренного и иногороднего крестьянства и вели борьбу с контрреволюционным казачеством, сражавшемся с Советской властью. В этой взаимной бескомпромиссной борьбе было много переменных, вносимых извне пропагандистских, мятежных, уголовно-бандитских, провокационных, мародерских факторов, вплоть до элементарной мести, которые

резко осложняли ситуацию и приводили к значительным жертвам со всех сторон.

События на Верхнем Дону вызвали бунт формируемого в Красной армии казачьего корпуса под командованием легендарного казака Ф.К. Миронова. В своей речи во время трибунала над Ф.К. Мироновым начальник Политуправления РККА И.Т. Смилга указал, что «зверства на Дону» совершались «в обстановке гражданской войны, когда страсти накапливаются до предела». Отметив, что их главные виновники расстреляны, он, однако, высказал мнение, что подобные ужасные поступки якобы «оправданы историей», так как их совершил прогрессивный класс, сметающий «на своем пути пережитки феодализма и народного невежества». В заключительной речи на заседании трибунала Ф.К. Миронов раскаялся и признал политику большевизма. Более того, он в своих письмах В.И. Ленину и ряде воззваний к казакам предложил свою концепцию казачье-крестьянского социализма, в которой попытался соединить базовый марксистский концепт социализма, с требованиями крестьянства, с «революционным казачьим командованием» и «любовью» к казачеству, с борьбой с расказачиванием, с идеалами христианства, так как по его мнению, казаки были в душе настоящими социалистами [20]. Несмотря на расстрельный приговор трибунала, Л.Д. Троцкий по рекомендации И.Т. Смилги назначил Ф.К. Миронова командующим 2-й Конной армии.

Ф.К. Миронов был не просто боевым офицером, а высоркообразованным и эрудированным казачьим интеллигентом, не лишенным теоретической подготовки, литературного и публицистического дарования, но и настоящим революционером. Осознавая, что он является выразителем подлинных интересов казачье-крестьянской массы, Миронов уверенно и напористо вел себя с большевистским руководством, что вызывало крайнее раздражение последнего. Взглядам большевиков противостояла казачья программа Ф.К. Миронова. По его мнению, которое он изложил в своем докладе В.И. Ленину в июле 1919 г., события в стране настолько сложны, что «ум станичника бессилён разобратся». Он предлагал сделать главный упор на политическое просвещение казачьих масс. Исходя из того, что казачество не так контрреволюционно, как на него смотрят и стараются обрисовать, и что практичностью и умелой политической работой его вновь можно вернуть в стан борцов за пролетарские интересы, Миронов предложил Реввоенсовету Республики такие мероприятия:

«1. Считаться с его историческим, бытовым и религиозным укладом жизни. Время и умелые политические работники разрушат темноту и фанатизм казаков, привитые вековым казарменным воспитанием старого полицейского строя, проникшим во весь организм казака.

2. В революционный период борьбы с буржуазией, пока контрреволюция не задушена на Дону, вся обстановка повелительно требует, чтобы идея коммунизма проводилась в умы казачьего и коренного крестьянского населения путем лек-

ций, бесед, брошюр и т.п., но ни в коем случае не насаждалась и не прививалась насильственно, как это «обещается» теперь всеми поступками и приемами «случайных коммунистов».

3. В данный момент не нужно бы брать на учет живого и мертвого инвентаря, а лучше объявить твердые цены, по которым и требовать поставки продуктов от населения, предъявляя это требование к целому обществу данного населения, причем необходимо считаться со степенью зажиточности его.

4. Предоставить населению под руководством опытных политических работников строить жизнь самим, строго следя за тем, чтобы контрреволюционные элементы не проникали к власти, а для этого:

5. Лучше было бы, чтобы были созваны окружные съезды для выбора окружных советов и вся полнота власти передана была бы исполнительным органам этих съездов, а не случайно назначенным лицам, как это сделано теперь. На съезд должны прибыть крупные политические работники из центра. Нельзя не обращать внимания на невежественную сторону казачества, которое до сих пор не видело светлых политических работников и всецело находилось в руках реакционного офицерства и духовенства и т.д.»¹.

В фундаментальном сборнике документов под общей редакцией А.Н. Яковлева военно-политическая деятельность Ф.К. Миронова освещена с исчерпывающей полнотой [21]. Нет сомнения, что для большевиков Ф.К. Миронов всегда был временным попутчиком, причем попутчиком непредсказуемым и опасным, так как за ним как за харизматическим вождем шла определенная часть казаков.

Понимание позиции Ф.К.Миронова в вопросе расказачивания прослеживалось в деятельности отдела ВЦИК, казаков-большевиков и революционеров: М.Ф. Болдырева, К.Ф. Булаткина, В.С. Ковалева, Е.Е. Ефремова, братьев В.А. и Е.А. Трифоновых, братьев Д.В. и Я.В. Полуянов, братьев Н.Д. и И.Д. Кашириных. По их мнению в Донисполком должны были работать не «знатные и известные» казачьи деятели из казаков – Миронов или Ковалев, а не решительные кадры, присланные из Москвы и Петрограда.

Донская армия под натиском красных войск отступила за естественные водные преграды – Донец и Маныч. Здесь опираясь на помощь белых кубанских частей и Добровольческой армии, она остановилась. К 02 марта 1919 г. из 56 тыс. казаков – 9 тыс. выступили против Краснова, 16 тыс. перешли на сторону большевиков, 15 тыс. были расформированы, но ряды армии не покинули, а 16 тысяч оставались надежным оплотом контрреволюции [22] Настроение среди казачества в тылу Донской армии было достаточно подавленным, но консолидация антибольшевистских сил под командованием генера-

¹ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921. Документы. М., 1997. С. 245.

ла А.П. Деникина и англо-французская помощь Добровольческой армии давали надежду на выход из положения.

Однако среди донской части большевистской элиты усилилась не казакофобия. Это проявилось в публикации целого ряда статей в коммунистической прессе, в которых на все лады расписывались негативно-утрированные качества «казаков-нагаечников», «сторожевых псов» самодержавия в годы первой русской революции и т.д. Учитывая неудачный опыт функционирования Донской советской республики, и успешный опыт мобилизации казачества в красновском казачьем квазигосударстве, С.И. Сырцов в письмах в ЦК РКП(б) предлагал бывшую область Войска Донского разделить на две губернии с центрами в Ростове-на-Дону и Царицыне, что впоследствии и было сделано [23].

Борьба вокруг казачьего вопроса проходили практически во всех казачьих регионах – на Дону, Кубани, Тереке и на Урале. Причем, если на Кубани и Тереке имелись отличия от донских событий, что объяснялось влиянием северокавказских проблем, близостью к южнороссийским морским портам, то на Урале эти различия были минимальными. Типичность решения казачьей проблемы доказывает, что политика раскачивания не была плодом деятельности Донбюро. На Урале участь такую политику проводил Уральский обревком. Ему противостоял казак-большевик И. Ружейников, идеи которого напояли тезисы Ф.К. Миронова.

Хотя большевики в ряде случаев вышли за пределы классового террора, эту политику нельзя считать настоящим геноцидом. Нельзя потому что героически проявило себя красное казачество, внесшее значительный вклад в разгром белых. Нельзя потому, что политика террористического раскачивания была официально приостановлена через два месяца, а осенью отменена полностью. Уничтожения большей части «мирного» казачества как субъэтноса ни на Дону, ни на Урале, ни в других местах не произошло. Даже эмигрантские источники, которые никак не упрекнешь в симпатиях к большевизму, подтверждают, что основные потери казачества в гражданской войне были связаны именно с боевыми действиями.

Но как ни называть террор, но теоретически «обоснованная» и документированная жесткая репрессивная политика большевиков в отношении казачества резко простимулировала новые антисоветские выступления казаков. Самой серьезной политической своей ошибкой донские большевики считали не террор в ходе раскачивания, а промедление в вооружении крестьян и рабочих.

Повстанцы выдвинули лозунги: «Мы подчиняемся власти Советов, но власть эта должна быть избираема из среды своего населения, должна знать все нужды и особенности быта, быть истинной выразительницей воли народа. Долой коммуны и расстрелы! Да здравствует народная власть!» Белогвардейцы крайне нуждались в

боеспособных казачьих частях и временно сняли все разногласия по поводу «советов без коммунистов», таинственного «третьего пути» в гражданской войне и т.п. идей. На заседании Войскового Круга 19.05.1919 г. его председатель В.А. Харламов отмечал, что расхождение между белыми и повстанцами в «форме народоправства» «существенного значения не имеет: важно лишь, что восставшие идут по одной дороге с нами». И действительно «третий путь» вел только к антибольшевизму, но не сразу, а с зигзагами, с самооправданием, саморефлексией, со стенаниями, с обвинениями большевиков, не понявших лучших чувств и стремлений народа и т.д. Деникин, объединивший под своим командованием основные контрреволюционные силы Юга России и пополнивший их новыми частями из числа восставших донцов, некоторое время успешно воевал с советскими войсками.

Меры по нормализации ситуации на Дону были связаны совершенствованием курса большевистской партии по отношению к среднему крестьянству. 16.03.1919 г. пленум ЦК РКП(б) постановил: ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону и поскольку северное казачество может содействовать нам, приостановить применение мер против казачества. Отменялись приказы об образовании полковых трибуналов, о конфискации у казачьего населения повозок с лошадьми, о конфискации седел. Все это отчасти способствовало нейтрализации казаков соседних с районом восстания округов и некоторому разложению в лагере повстанцев, хотя и значительно запоздало.

В. Трифонов считал, что политику в отношении казачества ЦК выработал по настоянию Донбюро, которое исходило из контрреволюционности всего казачества и наличия победоносного шествия и мощи Красной Армии. Между тем Член Донбюро А. Френкель одним из первых подверг критике линию, проводившуюся на основе январской директивы, которую он сам ранее активно поддерживал. Он писал в ЦК: «Сословную борьбу меж казачеством и крестьянством (иногородними) на Дону надо вести, по-моему, в рамках классовой борьбы, а не превращать в аморфную зоологическую борьбу».

Характерно письмо члена облревкома И.И. Рейнгольда на имя В.И. Ленина, в котором сделана попытка осмысления казачьей политики в контексте коммунистической стратегии в целом. Этот деятель писал, что прежняя политика в казачьем вопросе была не продумана, так как на Дону не было гарнизонов, способных подавить сопротивление. Он подчеркивал: «Бесспорно, принципиальный взгляд на казаков, как на элемент чуждый коммунизму и советской идее, правильный. Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно уничтожить, просто истребить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всякое заигрывание с казачеством; ни на минуту нельзя забывать, упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица – вооруженный лагерь, каждый хутор – крепость». При всем этом

И. Рейнгольд уважительно отзывался о традициях казачества, об его историческом прошлом, когда были заложены начала «независимости, обособленности, своей государственной жизни». Поэтому очень важно не провоцировать прямолинейными директивами мятежи, а «разрушать весь старый казачий быт руками самих же казаков». И. Рейнгольд предлагал использовать противоречия между казаками Верхнего Дона и южных округов в аграрной сфере, между молодыми и старыми казаками. Развернув агитационно-пропагандистскую работу в казачьей среде и расколов ее, надо подтвердить прежние декреты об автономии Дона, организовать местное казачье правительство [24]

18 сентября 1919 г. на заседании Политбюро и Оргбюро были обсуждены тезисы Л.Д. Троцкого «О работе на Дону». Эти тезисы сыграли огромную роль в упорядочении казачьей политики партии и полном прекращении террористических эксцессов, озлоблявших казачество и провоцировавших его мятежи. И. Смилга спустя 4 года писал в своих «Военных очерках» о политике рассказывания, как о безусловной и громадной политической ошибке. «Эта политика, продиктованная, к сожалению, зноем борьбы, скоро дала свои губительные результаты. Положившее оружие казачество восстало почти поголовно. В значительной степени благодаря этому восстанию и отвлечению войск на его подавление Деникину удалось разбить нас на Северном Донце и выгнать из Донобласти». Отметив, что их главные виновники рассказывания на Дону уже расстреляны, он высказал мнение, что, как в годы Великой французской революции, подобные ужасные поступки «оправданы историей», так как их совершил прогрессивный класс, сметавший «на своем пути пережитки феодализма и народного невежества». Но на современном этапе в свете ликвидации РКП(б) – КПСС это оправдание принимается не всеми.

Массовые репрессии казачества по-разному объяснялись впоследствии различными деятелями и партиями. Представляет интерес взгляд белоказачьих эмигрантов, группировавшихся вокруг Пражского журнала «Вольное казачество». В статье «Большевики в Казачьих землях» (1930 г.) резонно утверждалось: «Трехлетняя вооруженная борьба окончательно убедила большевиков, что с их системой политического и социально-экономического устройства государственного общежития, равно как и вообще с государственной зависимостью от Москвы казаки добровольно не примирятся ни при каких обстоятельствах... Поэтому во второй свой приход в казачьи земли большевики стали проводить заранее, по-видимому, намеченные и продуманные меры, целью которых было «стереть казаков с лица земли», как тогда заявляли иногда даже официальные представители большевистской власти, не говоря уже о распропагандированной пришедшей бедноте». Перечислены такие меры: «поголовный грабег казачества путем уничтожения и высылки всех общественно-развитых вооруженной борьбой». Однако при этом автор подчеркивал, что «Красная армия, двигавшаяся вслед за отступавшими казачьими и доброволь-

ческими армиями, почти совершенно не проявляла эксцессов и даже сдерживала не в меру усердствовавшие элементы» [25].

Таким образом, отличительной чертой гражданской войны на Юге России и, в частности, на Дону, являлось, с одной стороны, стремление нового государства обеспечить всеми доступными мерами разгром своих врагов, прежде всего, белогвардейских и белоказачьих формирований, с другой стороны, стремление большей части донского казачьего субэтнического сословия сохранить любой ценой свои феодально-сословные привилегии, ставшего ради этого ударной силой буржуазной контрреволюции. Столкновение этих антагонистических стремлений и привело к небывалой жестокости и террору с обеих сторон. Возникла общая трагическая ситуация, когда в основном русские люди различных убеждений, в том числе и казаки, неистово и яростно уничтожали друг друга. Но это не и близко напоминало турецкий геноцид армян 1-й мировой войны и или немецкий геноцид евреев 2-й мировой войны. Сам факт осуществленной буквально через пять лет переход советской власти к реабилитации казачества и его социализации доказывает, что социальный характер этих процессов. Писатель В.Нестеров нашел яркое определение развернувшейся гражданской войны: «это был ад, вторгшийся на землю, прорыв Инферно, нашествие демонов, захватывавших тела и души недавно мирных обывателей. Больше всего это походило на психическую эпидемию – страна взбесилась и впала в буйство. Пару лет никакой власти не было вообще, страной владели мелкие и крупные группировки обезумевших вооруженных людей, которые бесцельно метались, пожирая друг друга и заливая почву кровью. Демоны не жалели никого, они инфицировали и красных, и белых, и бедных, и богатых, и уголовников, и мирных обывателей, и русских, и иностранцев». Это эмоциональная характеристика конкретно ничего не объясняет, но показывает весь ужас братоубийственной войны [26].

Последствия гражданской войны и политики рассказывания были очень тяжелыми. Казачество понесло значительные потери. Но хотя численность казачьего населения сократилась, оно в основном сохранилось. Масштабное осуществление террористической политики в годы гражданской войны и последующая реализация курса на латентное рассказывание в последующие периоды советской истории привели к негативным изменениям во всех областях жизни казачества, деструктивно сказались на трансформации его самосознания, менталитета, традиционных морально-нравственных представлениях, культурно-бытовых особенностях хозяйственного уклада. Развитию казачества как субэтнической этносоциальной общности был нанесен страшный, во многом невосполнимый урон. Серьезнейшие отрицательные последствия самым непосредственным образом сказались на всех без исключения элементах традиционной культуры казачества. А это привело к утрате многих базовых понятий, принципов, структур и явлений, определявших его сущностное содержание.

И как следствие всего этого – изменение самой сущности, внутреннего и внешнего облика каза-

чества как уникального этно-социального явления в российской и мировой истории.

Литература:

1. *Филипп Миронов*. Тихий Дон в 1917–1921. Документы. М., 1997.
2. Пролетарская революция на Дону. Ростов-на-Дону. 1922. С. 95: См. также: Кислицын С.А. Борцы идеи... Семен Васильченко и Михаил Жаков о донской революции и контрреволюции. Ростов-н/Д., 2017.
3. *Добрынин В.* Борьба с большевизмом на Юге России / В. Добрынин // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 9–79.
4. *Какурин Н.Н.* Как сражалась революция : в 2-х т. М. : Политиздат, 1990. Т. 2. С. 58.
5. Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 178.
6. *Медведев Р.* Жизнь и смерть командарма Миронова / Р. Медведев., С. Стариков // Подъем. Воронеж, 1989. № 1–5.
7. Цит. по: *Кислицын С.А.* Государство и расказачивание. 1917–1945 гг. Спецкурс. Ростов-н/Д., 1996. С. 2; *Венков А.В.* Донское казачество в гражданской войне. Ростов-н/Д. : Изд-во Рост, ун-та, 1992. Хмелевский К.А. Буря над Тихим Доном / К.А. Хмелевский, С.К. Хмелевский. Ростов-н/Д. 1984; *Голуб П.А.* Правда и ложь о «расказачивании» казаков. (Очерки) М., 2009; *Ратьковский И.С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920). М., 2017.
8. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 85. Л. Л. 1–5; История казачества Азиатской России : в 3-х т. Т. 3. XX век. Екатеринбург : УРО РАН, 1995. С. 69.
9. *Бирюков Ф.* Художественные открытия М. Шолохова. М., 1980. С. 72–73.
10. *Воскобойников Г.Л.* Борьба партии за трудовое казачество / Г.Л. Воскобойников, Д.К. Прилепский. Грозный, 1980. С. 58.
11. См.: *Дедов И.И.* В сабельных походах. Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918–1920 гг. Ростов-н/Д., 1989. С. 92.
12. ЦГА СПИ, Ф. 17.0П. 65. Д. 34. Л. Л. 163–164.
13. Там же. Л. 164 об.
14. ЦГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 81. Л. Л. 1–3; Дедов И.И. Указ. соч. С. 98.
15. Российский государственный военный архив. (Далее – РГВА). Ф. 60/100. Он. 1. Д. 26. Л. 252;
16. РГВА. Ф. 192. Он. 1. Д. 113. Л. 51.
17. Там же; РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 7. Л. Л. 1–2.

Literature:

1. *Philip Mironov*. The Quiet Don in 1917–1921. Documents. M., 1997.
2. Proletarian revolution on the Don. Rostov-on-Don. 1922. P. 95: See also: Kislitsyn S.A. Fighters of the Idea... Semyon Vasilchenko and Mikhail Zhakov on the Don Revolution and counter-revolution. Rostov-on/D., 2017.
3. *Dobrynin V.* The struggle against Bolshevism in the South of Russia / V. Dobrynin // Don army in the fight against the Bolsheviks. M., 2004. P. 9–79.
4. *Kakurin N.N.* How the revolution fought : in 2 vol. Vol. 2. M. : Politizdat, 1990. P. 58.
5. Izvestiya TSK CPSU. 1989. № 6. P. 178.
6. *Medvedev R.* Starikov S. Life and death of commander Mironov / R. Medvedev // Rise. Voronezh, 1989. № 1–5
7. Cit. by: *Kislitsyn S.A.* The state and raskazachivanie. 1917–1945. Special course. Rostov-on/D., 1996. P. 2; *Venkov A.V.* Don Cossacks in the civil war. Rostov-on/D. : Publishing House of Rost, un-ta, 1992. *Khmelevsky K.A.* The Storm over the Quiet Don / K.A. Khmelevsky. S.K. Khmelevsky. Rostov-on/D., 1984; *Golub P.A.* The Truth and the lie about the «raskazachivanie» of the Cossacks.(Essays) M., 2009; *Ratkovsky I.S.* Chronicle of the White Terror in Russia. Repression and lynching (1917–1920) M., 2017.
8. RTSKHIDNI. F. 17. Op. 6. D. 85. L. L. 1–5; History of the Cossacks of Asian Russia : in 3 vol. Vol. 3. XX century. Yekaterinburg : Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995. P. 69.
9. *Biryukov F.* Artistic discoveries of M. Sholokhov. M., 1980. P. 72–73.
10. *Voskoboynikov G.L.* The struggle of the party for the labor Cossacks / G.L. Voskoboynikov, D.K. Prilepky. Grozny, 1980. P. 58.
11. See: *Dedov I.I.* In saber campaigns. The creation of the red cavalry on the Don and its role in the defeat of the counter-revolution in the South of Russia in 1918–1920. Rostov-n/D., 1989. P. 92.
12. TsGA SPI, F. 17.0 p. 65. d. 34. l. l. 163–164.
13. In the same place. l. 164 vol.
14. TsGA SPI. F. 17. Op. 3. d. 81. L. L. 1-3; Dedov I. I. Edict. op. P. 98.
15. Russian State Military Archive. (Hereinafter – RGVA). F. 60/100. On. 1. D. 26. L. 252;
16. RGVA. F. 192. On. 1. D. 113. L. 51.
17. Ibid.; RGVA. F. 100. Op. 3. D. 7. L. L. 1–2.

18. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921. Документы. М., 1997. С. 276.
19. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921. Документы. М., 1997.
20. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921. Документы. М., 1997. Документы. 206–306.
21. Какурин Н. Как сражалась революция. М., 1925. Т. 2. С. 162–163.
22. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома советской России Сергей сырцов. М., 2013.
23. ЦГА СПИ. Ф. 5. Оп.2. Д.106. Л. 75; Кислицын С.А. Рассказывание – стратегический курс большевистской политической элиты. Возрождение казачества: история и современность. Сб. научных статей к % международной конференции Новочеркасск. 1995. С. 98–107.

18. Philip Mironov. The Quiet Don in 1917–1921. Documents. M., 1997. p. 276.
19. Philip Mironov. The Quiet Don in 1917–1921. Documents. M., 1997.
20. Philip Mironov. The Quiet Don in 1917–1921. Documents. M., 1997. P. 206–306.
21. Kakurin N. How the revolution fought. M., 1925. Vol. 2. P. 162–163.
22. Kislitsyn S.A. Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergey syrtsov. M., 2013.
23. TsGA SPI. F. 5. Op. 2. d. 106. L. 75.; Kislitsyn S.A. Raskazchivanie – the strategic course of the Bolshevik political elite. The revival of the Cossacks: history and modernity. Collection of scientific articles for the international conference Novoche-kassk, 1995. P. 98–107.

Нуралиева Мимоза Туратбековна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры кыргызского языка
гуманитарного факультета,
Кыргызско-Российский
славянский университет
turatbekova.m@mail.ru

ПРИВЕДЕНИЕ В СООТВЕТСТВИЕ СОСТАВЛЕНИЕ СЛОВАРЕЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Аннотация. Вопросы приведения в соответствие составления словарей были подняты в 1920–1924 годах. Впервые годы очень важным фактором являлось формирование письменного литературного языка, то есть, родного государственного языка для превращения его в предмет многогранного, живого общения. В связи с этим, возникла необходимость составления словарей и упорядочения системы терминологии. Именно поэтому 20 годах XX века в Кыргызстане начало налаживаться работа по составлению словарей и вопросы терминологии. В кыргызском языкознании работа по составлению словарей и упорядочение терминов разных отраслей на сегодняшний день продолжается.

Ключевые слова: кыргызское языкознание, научное исследование, история исследования, становление, тюркология, национальное письмо, термин, терминология, составление, словарь, родная речь.

Вопросы приведения в соответствие составления словарей были подняты в СССР в 1920–1924 годы, потому что в первые годы советской власти в республике очень важным фактором являлось формирование письменного литературного языка, то есть, родного государственного языка для превращения его в предмет многогранного, живого общения. В связи с этим, возникла необходимость составления словарей и упорядочения системы терминологии. Поэтому в самом начале этой работы придавалось важное значение сбору терминов в рамках закономерных внутренних правил грамматики родного языка и их систематизации как информационного пособия.

История появления международных терминов началась ещё в древние времена; это доказывается появлением индийских и языковых школ платины, множества азиатских, европейских, американских творческих грамматик, а также философских, филологических трудов Платона, Аристотеля и многих других ученых.

Стоявшие у истоков терминологии, кыргызские ученые К. Тыныстанов, Ж. Шукурбеков, И. Арабаев, К.К. Юдахин, Б. Юнусалиев и другие придавали особое значение проблемам терминов.

Mimoza T. Nuraliyev
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department
of the Kyrgyz Language
Faculty of Humanities,
Kyrgyz-Russian Slavic University
turatbekova.m@mail.ru

ALIGNING DICTIONARIES IN KYRGYZSTAN

Annotation. The issues of alignment with the composition of dictionaries were raised in 1920–1924. For the first years, a very important factor was the formation of a written literary language, that is, the native state language to turn it into a subject of multifaceted, live communication. In this regard, there was a need to compile dictionaries and streamline the terminology system. In the 20s of the 19th century, work on compiling dictionaries and terminology began to be established in Kyrgyzstan. In the Kyrgyz language, work on compiling dictionaries and streamlining the terms of various industries continues today.

Keywords: Kyrgyz linguistics, scientific research, history of research, formation, Turkology, national writing, term, terminology, compilation, dictionary, native speech.

В 1926 году для приведения в соответствие терминов на уровне правительства была создана Терминологическая комиссия. Она занималась составлением терминов по отраслям образования и науки, их распространением, созданием учебников и учебных пособий, а также, оказывала помощь в освоении множества международных терминов. Например, в 1926–1927 годах были составлены десятки терминов, уточнены и дополнены значения 1425 терминов. Также, вместе с появлением кыргызской письменности, проведением научных исследований развивается деятельность в области терминологии, тем самым, открывая широкий доступ к изучению на русском языке мировой литературы и научных трудов.

С развитием науки представители кыргызской нации стали осваивать различные науки и специальности. Профессор А.А.Реформатский отмечал: «Появление научной речи, в первую очередь, начинается с терминологии» (Реформатский, 1969).

Киргизия в 1924 году при национальном размежевании Средней Азии была выделена в автономную область, с чем было связано последующее ускорение развития экономики и культуры и

создание школы с обучением на родном языке. Известно, что до Великой Октябрьской социалистической революции в Киргизии существовали либо русско-туземные школы с обучением на русском языке, либо джадидские ново-методные школы, в которых преподавание велось на татарском или узбекском языках при наличии учебных пособий на татарском или даже на турецком языке (географические карты). И только с 1924 года, в связи с созданием школы с обучением на родном языке, начали издаваться и учебники на киргизском языке.

В докладе на XII съезде ВКП(б) И.В. Сталин, определяя средства, могущие помочь изжить старое наследие, тормозящее сближение народов, указывал: «Первое средство: принять все меры к тому, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и международная. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать международной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик и, особенно, для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношении» [2, с. 27].

По языку и литературе создавались оригинальные учебники (конечно, не без учета опыта построения учебников в других республиках), по другим предметам – переводные. Наряду с потребностью обеспечения школы учебниками и в связи с развитием сельского хозяйства, экономики, культуры и техники, совершенствованием производства, возникла необходимость разработки терминологии для представителей самых разнообразных профессий и специальностей.

Разработка терминологии в Киргизии началась в планомерном порядке с 1927 года. Первые термины начали появляться в газетах и журналах, в научно-популярной литературе, в специальной литературе, в инструкциях для работников сельского хозяйства, в лекциях и докладах, в процессе производственного обучения и общения на производстве представителей различных специальностей. Выработывавшаяся терминология входила в широкий обиход, и термины, благодаря их проникновению в массы, превращались в самые обыкновенные слова. Термины же любого языка входят в словарный состав, изменяются вместе с ним.

В создании терминологии, нормативных словарей принимали участие как сами работники производства, так и специалисты-языковеды.

В 1927 году при ВЦКНА был создан Терминологический комитет: Республиканский комитет был создан и в Киргизии.

Однако составление терминологических словарей и выработка принципов терминологии выполнялись, преимущественно, силами сектора

языка Киргизского научно-исследовательского института краеведения, созданного в 1928 году.

С самого начала своей деятельности Терминологическая комиссия исходила из принципов максимального использования собственных лексических ресурсов языка, а также – национальных терминов без перевода. Для осуществления этих принципов в 1925 году на Первом областном съезде киргизских учителей было принято специальное постановление о принципах заимствования интернациональных и иноязычных терминов. При этом встречались и некоторые увлечения арабизмами типа ынкылап «революция», затем төңкөрүш (а впоследствии – революция) или же проявлялось стремление, во что бы ни стало, подыскать эквивалент из родного языка: от араба вместе паровоз, жер май вместе нефть, шайтан араба вместо велосипед и др. [3, с. 66].

При создании терминов по отраслям знаний первые авторы учебников (судя по трудам) старались использовать собственные лексические единицы, а также, опыт родственных языков с письменной традицией (прежде всего, казахского и татарского языков). И уже, начиная с 1926 года, в газете «Эркин Тоо» планомерно стал публиковаться список терминов, утвержденных Терминологической комиссией.

Проект принципов создания терминов по отраслям знаний, выработанный в 1926 г., исходил из следующих основ:

- постоянное использование собственных лексических единиц;
- использование или заимствование готовых терминов из близко-родных языков: частое использование в качестве терминов арабско-иранских заимствований;
- наиболее полное использование интернациональных терминов (через русский язык) [3, № 5].

Проект принципов создания терминов был опубликован 8 января 1930 года в газете «Кызыл Кыргызстан». Затем, уже Терминологическая комиссия приступила к составлению русско-киргизских терминологических словарей.

В результате деятельности Института и Терминологического комитета, начали издаваться сначала краткие, а потом и более подробные терминологические словари. До 1930 года терминология публиковалась в виде кратких списков терминов в газете и в журнале «Сапъ маданъjat colunda» («Издание Наркомпроса Киргизской ССР»). Первые терминологические словари в виде отдельных брошюр стали публиковаться, начиная с 1930 года.

Из их большого числа назовём следующие:

1. Лунин Б. и Уметалиев А. Словарь географических терминов. (Проект). Фрунзе, Киргиздат, 1938.

2. Чолпонкулов Дж. Русско-киргизский словарь терминов по анатомии и физиологии человека. (Проект). Фрунзе – Казань, 1939.
3. Степаненко Д.П. Русско-киргизский словарь терминов по ботанике. Фрунзе, 1939.
4. Абрамов Н.Т. Терминологический словарь терминов по ботанике, Фрунзе, 1939.
5. Шатемиров К. Русско-киргизский словарь химических терминов, Фрунзе, 1949.
6. Исхаков А. Русско-киргизский словарь математических терминов, Фрунзе, 1950.
7. Орозалиев С. Русско-киргизский словарь географических терминов, Фрунзе, 1950.
8. Идирисова Х.Ф. Русско-киргизский словарь терминов по анатомии и физиологии человека, Фрунзе, 1951 г. и некоторые другие.

Вопросу терминологии и составлению словарей в республике было уделено серьёзное внимание. Это определялось ролью лексики в языке, так как «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики» [2, с. 29].

До сегодняшнего дня применяются к руководству, разработанные К.Тыныстановым, принципы терминологии (приоритетное значение придавалось интернациональным терминам, возникшим путем создания прямой речи в термины, вошедшие в кыргызский язык через русский язык, а на освоение арабо-фарской терминологии были введены значительные ограничения). В результате, в этом направлении была проделана масштабная работа. В частности, по различным научным отраслям было выпущено более 100 словарей, защищено 6–7 научных диссертаций, выпущено около десяти сборников статей, а также, опубликованы десятки статей, отзывов, монографий, посвященных данным вопросам.

Большое значение для киргизоведения, да и тюркологии, имел выход в свет «Киргизско-русского словаря» профессора К.К. Юдахина, опубликованного Госиздатством иностранных и национальных словарей в Москве в 1940 году, в серии изданий Института Востоковедения Академии Наук СССР (отв. редактор – чл. корр. АН СССР проф. С.Е. Малов. Объем – 25000 слов).

Работа по составлению словаря была начата профессором К.К. Юдахиным ещё в конце 1925 года, когда, как указывает автор в предисловии к своему словарю, АН СССР было вынесено решение о втором, исправленном и дополненном издании «Опыта словаря тюркских наречий» В.В. Радлова. Профессор К.К. Юдахин взял на себя разработку киргизской части словаря и произвёл словарную обработку «Образцов народной литературы северных тюркских племён, ч. V» В.В. Радлова. В процессе этой работы был привлечён фактический материал по киргизскому языку: художественная, общественно-политическая литература и газеты. Для углубления семантического членения многих слов автор

счёл необходимым уточнить материал на месте во время поездок по Киргизии. Так зародилась идея создания самостоятельного «Киргизско-русского словаря». В течение семи лет автор ежегодно выезжал в Киргизию для сбора фактического материала и, наконец, приступил к окончательному оформлению словаря.

«Киргизско-русский словарь» К.К. Юдахина сыграл впоследствии положительную роль в разработке многих исследовательских тем. Автор диссертации на тему: «О роли вспомогательных глаголов в киргизском языке» Б.М. Юнусалиев говорил о том, что он при разработке своей темы широко использовал материал и выводы из Киргизско-русского словаря. Известно также, что «Киргизско-русский словарь» К.К. Юдахина стал настольной книгой и для тюркологов Средней Азии. Этот словарь давал возможность и русским товарищам изучать киргизский язык. И, конечно, не случайно при переводах с русского языка на киргизский и с киргизского на русский специалисты по сей день пользуются этим словарем.

В период господства марковского арапчевского режима в языкознании недооценивалась словарная работа, она даже не считалась научной.

Несмотря на большое сопротивление и помехи в деле издания словаря, благодаря поддержке и помощи со стороны власти Киргизии, были преодолены отсталые и вредные настроения, а словарь опубликован в своём основном виде.

Словарь отличается:

1. Охватом основной части словарного состава современного киргизского языка.
2. Углубленным семантическим чтением слов.
3. Наличием большого количества фразеологического иллюстративного материала.
4. Наличием многих сведений по грамматике киргизского языка [2, с. 37].

К.К. Юдахин тогда ещё, работавший в Ленинграде, начиная с 1926 года, стал углубленно изучать кыргызский язык и собирает первые материалы для «Кыргызско-русского словаря».

В 1928 году он приезжает из Ленинграда в Кыргызстан, и в поисках материалов для словарей и книг ученый объездил самые отдаленные айылы и районы Кыргызстана, где встречался с сельским населением. В действительности, он начал собирать материалы по кыргызскому языку еще в 1925 году, когда учился в Ташкенте, а в 1929 году К.К. Карасаев пригласил его в Иссык-Кульскую долину [5, с. 10].

В 1928 году издается постановление Кыргызского центра образования о составлении «Русско-кыргызского словаря». После выхода постановления Хусейин Карасаев писал, что он советовался с К.К. Юдахиным, значит, академик К.К. Юдахин еще тогда уже имел опыт по составлению словарей.

К.К. Юдахин при составлении «Киргизско-русского словаря» (1940 г., 1965 г.) и «Русско-киргизского словаря» (1944 г., 1959 г.) широко использовал исторические, культурные, этнографические, пословицы и другие энциклопедические материалы киргизского народа. По данным ученых, в словаре К.К. Юдахина насчитывается около двух тысяч пословиц. Его «Киргизско-русский словарь», вышедший в свет в 1965 году, оценивается как национально-оригинальный, уникальный лексикографический труд в тюркологии и союзе.

Богатые материалы по кыргызской лексике создали благоприятные условия К.К. Юдахину для создания фундаментального словаря как новинку в науке, не имевшего аналога в тюркологии. В словаре толкование каждого слова по значению приводится через контексты и закрепляется пословицами, фразеологизмами, идиомами.

В 1944 году в Москве выходит в свет «Русско-киргизский словарь», в котором К.К. Юдахин был соавтором и редактором. В предисловии «Киргизско-русского словаря», изданного в 1965 году, К.К. Юдахин отмечает: «Моя киргизоведческая работа выразилась, главным образом, в создании словарей. Два русско-киргизских словаря (1944 г. и 1957 г.) составлены при моём самом непосредственном участии. Я являюсь автором двух киргизско-русских словарей. В 1940 году Государственным издательством иностранных и национальных словарей в Москве был издан составленный мною «Киргизско-русский словарь» (К.К. Юдахин, «Киргизско-русский словарь», М., 1965)» [3, № 5].

«Киргизско-русский словарь», вышедший в свет в 1944 году, К.К. Юдахин начал писать сам, затем к работе присоединились Х.К. Карасаев и Ж.Ш. Шукуров. Об этом Константин Кузьмич в своих воспоминаниях пишет так: «Начал словарную работу один. Затем ко мне присоединились Х.К. Карасаев и Дж.Ш. Шукуров» (К.К. Юдахин, «Киргизско-русский словарь», М., 1965, с. 6).

Чтобы закрепить вышесказанное, приведем отрывок из отзыва директора научно-

Литература:

1. *Акматов Т.К.* Константин Кузьмич Юдахин. Бишкек, 2004.
2. *Батманов Л.В.* Словарная работа в Киргизии: Сборник научных статей. КЖПИ им. В.В. Маяковского, Фрунзе, 1955.
3. Личное дело Юдахина К.К., Архив Академии наук Кыргызской ССР, Фонд № 5. Оп № 6. ед. хр. № 1.
4. *Орузбаева Б.О.* Кыргызское языкознание сборник статей. Т. II. Бишкек, 2004.
5. *Мамыров М.* Подарок академика К.К. Юдахина. Ф., 1984.

исследовательского института истории, языка и литературы Аалы Токомбаева в 1942 году на «Киргизско-русский словарь»: «...Первой частью этой работы является киргизско-русский словарь, составленный проф. К.К. Юдахиним при ближайшем участии научного работника Х.К. Карасаева» [3].

«Киргизско-русский словарь» был издан во время Великой Отечественной войны (1944 г.) и имел важное историческое и политическое значение. В словаре четко освещены пути развития, лексические разнообразия, диалектические особенности киргизского языка, а также, производственные, технические, социально-политические, бытовые термины и термины по другим сферам словаря по своей точности перевода и сегодня являются актуальными.

В 1942 году «Русско-киргизский словарь» был представлен к Сталинской премии, но, к сожалению, «Словарь» не был её удостоен. По словам Х. Карасаева, причиной тому послужила политическая ситуация тогдашнего времени.

В 1944 году, когда вышел в свет «Русско-киргизский словарь», в других союзных республиках не было такого объемно и широко разработанного словаря. Авторы словаря были награждены Почетной Грамотой Президиума Академии наук СССР и орденами «Трудового красного знамени».

Следует отметить, что в составлении «Русско-киргизского словаря» и «Киргизско-русского словаря» Хусейн Карасаев принимал непосредственное участие и его труд нельзя сводить к нет...

К.К. Юдахин сделал многое для кыргызской науки и кыргызского народа, приложив для этого все свои усилия и колоссальный труд.

В Кыргызстане и сегодня вопросы терминологии и составления словарей являются очень актуальными. Они включены в закон Кыргызской Республики «О государственном языке» и их урегулирование возложено на НАН республики.

Literature:

1. *Akmatov T.K.* Konstantin Kuzmich Yudakhin. Bishkek, 2004.
2. *Batmanov L.V.* Dictionary work in Kyrgyzstan: A collection of scientific articles. KJPI by V.V. Mayakovsky, Frunze, 1955.
3. Personal case of Yudakhin K.K., Archive of the Academy of Sciences of the Kyrgyz USSR, Foundation No.5, Op № 6. ed. c. № 1.
4. *Oruzbayeva B.O.* Kyrgyz Language History Collection, Vol. II. Bishkek, 2004.
5. *Mamyrov M.* The Gift of The Academician K.K. Yudakhin. F., 1984.

Упоров Иван Владимирович
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский
университет МВД России
ropov-52@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЗАСТОЙНОГО ПЕРИОДА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ (КОНЕЦ 1950-Х - НАЧАЛО 1980-Х ГОДОВ)

■ ■ ■
Аннотация. В статье исследуются причины вхождения советского государства в период «застоя», раскрываются основные его признаки. Отмечается, что истоки застойных явлений стали проявляться еще с конца 1950-х гг. и проявлялись, прежде всего, в снижении темпов роста экономики. Последующие попытки реформирования советской экономики (создание и упразднение совнархозов, «косыгинские реформы» и др.) не дали ожидаемых результатов. Авторами публикации обосновываются причины неудач этих реформ, в том числе, во взаимосвязи с общественно-политическим развитием СССР.

Ключевые слова: застой, советское государство, экономика, общество, стимулы, темы роста, уровень жизни.

■ ■ ■
Принято считать, что период «застоя» в истории советского государства отсчитывается с середины 1960-х гг., то есть, после отставки Н.С. Хрущева, с которым связывается предшествовавшие годы «оттепели». Однако признаки застойных явлений стали проявляться раньше. Так, по мнению профессоров Н.П. Шмелева и В.В. Попова, ещё во второй половине 1950-х гг. эффективность экономики СССР стала снижаться. Показателями этого явления стали отсутствие прогресса в производительности труда, недостатки в качестве выпускаемой продукции. Многие предприятия фактически работали с убытками, что партийно-советские органы пытались скрывать. Если иметь в виду конкретные цифры, то указанные авторы ссылались, в частности, на то, что темпы роста национального

Ivan V. Uporov
Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC ORIGINS OF THE STANDBY PERIOD IN THE HISTORY OF THE SOVIET STATE AND ITS CHARACTERISTICS (LATE 1950S - EARLY 1980S)

■ ■ ■
Annotation. The article examines the reasons for the entry of the Soviet state into the period of «stagnation», reveals its main features. It is noted that the origins of stagnant phenomena began to appear since the late 1950s. and manifested themselves primarily in a decrease in economic growth rates. Subsequent attempts to reform the Soviet economy (creation and abolition of economic councils, «Kosygin reforms», etc.) did not give the expected results, the reasons for this are substantiated, including in relation to the socio-political development of the USSR.

Keywords: Stagnation, Soviet state, economy, society, incentives, growth themes, living standards.

■ ■ ■
дохода в масштабе всей страны, в среднегодовом исчислении, снижались с 9 % (в речение 1950-е гг.) до 4,4 % (1960-х гг.), и эта тенденция стала устойчивой в последующие годы. А если иметь в виду один из основных экономических показателей в виде экономического роста, то и они также снижались, достигнув почти нулевых значений к середине 1980-х гг. [1, с. 53, 58].

Что касается попытки осуществить экономические реформы в середине 1960-х гг. («косыгинские реформы»), то, как отмечается в литературе, они известны не столько своими хозяйственными последствиями, сколько определенным идеологическим поворотом, «переходом описания хозяйственной реальности с языка директивного планирования (фонды, нормативы и т.п.) на язык прибыли, хозрасчета и т.п. Этот идеоло-

гический поворот мог иметь далеко идущие последствия, что выявилось далеко не сразу; он был симптомом процесса, ведущего авторитаризм к краху, общество – к переходу на следующий этап» [2, с. 318]. Но тогда расчеты реформаторов, и главного из них в лице Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, были иными, более оптимистическими – планировалось, что переход на хозяйственную самостоятельность социалистических предприятий позволит поднять советскую экономику. Такую позицию, получившую официальное признание на уровне решений съездов КПСС, законодательных актов, правительственных постановлений, однако, разделяли не все. Так, Н. Верт отмечал: «То, что в советской терминологии обозначалось понятием «хозрасчет», не подразумевало, однако, ни реабилитации рыночных отношений, ни перехода к т.н. социалистическому рынку, проповедуемому тогда чешскими и венгерскими экономистами, и еще меньше означало самоуправление по югославскому образцу» [3, с. 428].

Следует также отметить, что попытка экономического реформирования не сопровождалась, как того можно было бы ожидать дальнейшим развитием общественно-демократических свобод, – напротив, одновременно с экономическим демократизмом осуществлялся процесс «свертывания» процесса демократизации в политической сфере [4, с. 34]. Это касалось, в частности, деятельности местных Советов депутатов трудящихся – так, когда вводились, а затем упразднялись оказавшиеся неэффективными совнархозы, то мнение местных депутатов (а это, ни много ни мало, в те годы депутаты областного, краевого, городского, районного уровней) высшую власть не интересовало, то есть, реформы осуществлялись «сверху», что, на наш взгляд, заведомо обрекало их, по меньшей мере, на низкую эффективность.

Указанные обстоятельства не могли не повлиять на дальнейшее социально-экономическое развитие страны, и вместо ускорения этого развития, де-факто стали усиливаться застойные явления. При этом ряд авторов выделяет среди причин «застоя» не только экономические проблемы и бесхозяйственность. По мнению известного российского политика Е.Т. Гайдара, в брежневский период остро проявились «болезненные долгосрочные последствия реализации избранной социалистической модели индустриализации», а открытие в Западной Сибири огромных месторождений нефти и газа и резкий рост мировых цен на этот источник ресурсов только «отсрочили крах социализма». Этот автор полагал, что в рассматриваемый период времени социалистическая советская экономика характеризовалась как «внутренне неустойчивая» и не была способна выйти из этого кризисного состояния. Сказался также и «консерватизм политической и хозяйственной элиты» страны, мало способной воспринимать нововведения научно-технической революции [5, с. 46–51]. Схожая позиция и у В.А. Мау, который отмечал «удивительный ментальный феномен, характерный для сознания советских экономистов того времени, когда казалось, что либерализация экономических отно-

шений без затрагивания вопроса собственности может дать существенный эффект. Отчасти, такое представление было связано с тем, что за покушение на советскую собственность можно было лишиться работы, но не только. Экономист, который занимался прикладной работой, это понимал и поэтому, как правило, оставлял все вопросы, связанные с собственностью, теоретикам, которые произносили об этом стандартный набор бессмыслиц. Во всем этом была, как показала практика, одна осмысленная вещь. Нам говорили: Если тронуть собственность, то режим рухнет. Они были правы: так и произошло ... Застойность советской экономики следует понимать, как результат неспособности улавливать новые вызовы и адаптироваться к ним. Необходимость в этом на тот момент частично компенсировалась высокими ценами на нефть» [6, с. 525]. Влияние, открывшихся в СССР огромных запасов нефти и газа на рубеже 1970 г., было неоднозначным. Так, отмечается, что западная Сибирь в 1980 г. дала более 10 % мировой добычи углеводородов. После резкого повышения цен на нефть в 1970-х гг. в нашу страну буквально хлынул поток нефтедолларов. Доходы от реализации нефти и нефтепродуктов за период с 1974 по 1984 гг., по самым скромным подсчетам, составили 176 млрд инвалютных рублей. Но затратный механизм советской экономики «перемалывал» получаемые средства с неукротимой силой, канализируя их в осуществлении очередных бесперспективных и экологически губительных долгостроев» [7]. Во всяком случае, советские граждане в повседневной жизни не ощутили заметного улучшения.

Между тем, в литературе встречается объяснение эпохи «застоя» в более широком общественно-политическом и социально-экономическом контексте. Например, О.Н. Смолин, определяя «застой» как «общественное явление», выделял несколько его предпосылок.

Во-первых, это окончание предшествующей эпохи в развитии страны, содержанием которой были революции, войны и радикальные постреволюционные преобразования.

Во-вторых, замедление темпов экономического развития и одновременное нарастание технологического отставания от наиболее передовых стран.

В-третьих, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, в особенности, после нефтяного кризиса 1973 г., когда на Советский Союз пролился «золотой дождь» нефтедолларов [8, с. 37]. Причем, О.Н. Смолин подчеркивает некоторые «видовые» особенности «застоя». К этим особенностям он относит социальную стабильность и, связанный с нею, достаточно высокий уровень и качество жизни в сравнении с постсоветской Россией. Он отмечает, что есть еще одна особенность – «социальное равенство, формировавшее «антистимулы» к труду, расширение политической свободы, переход от тоталитарного политического режима к авторитарному. Однако это расширение было относительным, о нем можно говорить только по отношению к периоду сталинского правления» [8, с. 39].

Такая позиция, однако, находит своих критиков. Например, Ю.В. Аксютин отмечает, что в области политики и морали имел место не просто «застой», а «откатывание назад» в сравнении с десятилетним периодом хрущевской оттепели [9, с. 11]. О «застое» нередко пишут как о потерянных годах, указывая, в частности, на то, что «сам Брежнев выглядит теперь даже не злодеем, а просто случайным человеком, вознесенным к вершинам власти. Любитель медалей и почестей, политик-дилетант, который правил, не правя, исповедуя принцип невмешательства во внутренние дела своей собственной страны» [10, с. 187]. По мнению Дж. Боффа, необходимо расширить хронологические рамки рассматриваемого периода, включая в него не только время правления Брежнева, но и перестройку Горбачева, закончившуюся провалом и распадом Советского Союза. Этот автор полагает, что и современная Россия испытывает последствия того кризиса, который проявился в рассматриваемый период времени [11, с. 285].

Обобщая различные подходы к возникновению застойных явлений, необходимо выделить основные причины их возникновения.

Прежде всего, это снижение темпов экономического роста в 1980-е гг. в сравнении с 1960-ми гг. Снижение стало результатом того, что в указанный период времени произошел переход с экстенсивного на интенсивный путь развития экономики как прямое следствие насыщения народного хозяйства СССР важнейшими видами продукции, однако, при этом речь идет об очень высоком удельном весе тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса и, соответственно, о сравнительно небольшом удельном весе товаров народного потребления. В этом контексте в литературе отмечается, что «своей политикой военных вмешательств и «полувмешательств» в дела целого ряда стран мы во второй половине 1970-х годов помогли сложиться впечатлению о своей стране как об экспансионистской державе, сплотили против себя большое количество государств и нанесли серьезный удар по разрядке. Тем более, что у нас одновременно беспрецедентными темпами развертывалось осуществление многих военных программ. Мы в эти годы с полной силой, азартно, и, не думая как об экономических, так и политических последствиях такого поведения, бросились в омут гонки вооружений» [12, с. 53]. При этом советская экономика оставалась, по преимуществу, на индустриальной стадии развития, в то время, как экономика ряда стран мира поднялась на стадию научно-индустриальную. Административно-командная система, экстенсивный путь развития не отвечали потребностям развития общества в эпоху научно-технической революции. Система могла «обеспечивать относительный успех в период индустриализации страны, теперь же развитие за счет количе-

ственных изменений исчерпало себя» [13, с. 220].

Другая ключевая причина заключалась в том, что «изменился характер производственных отношений внутри предприятий, начала падать трудовая дисциплина, массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду, зависть к тем, кто больше зарабатывает. В то же время, в стране сохранялось внеэкономическое принуждение к труду. Советский человек, отчужденный от распределения произведенного продукта, превратился в исполнителя, работающего не по совести, а по принуждению. Выработанная в послереволюционные годы идейная мотивация труда слабела вместе с верой в близкое торжество коммунистических идеалов» [14, с. 103]. Влияние данного общественно-политического фактора также нельзя недооценивать.

Еще одной причиной выступает «реальный застой в общественно-политической жизни», связанный, в первую очередь, с «укреплением личной власти Брежнева» и соответствующей этому кадровой политикой [15, с. 128]. Претерпев в 1950-е – начале 1960-х гг. некоторые изменения (ушли в прошлое личная диктатура, массовые репрессии как средство управления социально-политическими и экономическими процессами), система сохранила свои важные черты: судьба страны определялась не интересами общества, а «эгоистическими интересами консервативных сил». Некоторые современные российские историки при характеристике брежневской эпохи основное внимание уделяли оценке внутренней политики партии, квалифицируя ее как «консервативную». Сюда они относили контрреформы в области партийного и советского строительства (объединение промышленных и сельских областных, краевых парторганизаций), ликвидацию совнархозов и восстановление отраслевых министерств, частичную реабилитацию Сталина, политику стабильности кадров, которая обернулась на практике торжеством геронтократии, неприятие реформ в области экономики [16, с. 239–257]. В итоге, общество «развитого социализма» все более заходило в тупик. В социальной сфере наблюдалось нарастание таких негативных явлений, как пьянство, алкоголизм, спекуляция, коррупция, в политической сфере – неспособность руководства страны оценить назревшие перемены и принять адекватные меры, бюрократизация управленческого аппарата, как следствие – пассивность советских граждан, значительная утрата ими доверия к традиционным политическим институтам. Цена выхода из этого застойного периода оказалась чрезвычайно высокой – распад советского государства в 1991 г. Совершенно очевидно, что необходимо извлекать уроки из сравнительно недавней истории нашего Отечества – с тем, чтобы не повторить допущенных тогда ошибок.

Литература:

1. Шмелев Н.П. На переломе: экономическая перестройка в СССР / Н.П. Шмелев, В.В. Попов. М.: АПН, 1989. 401 с.

Literature:

1. Shmelev N.P. At the fracture: economic restructuring in the USSR / N.P. Shmelev, V.V. Popov. M.: APN, 1989. 401 p.

2. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта : в 3 т. М. : Филос. об-во СССР, 1991. Т. 1. 699 с.
3. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991 гг. / Н. Верт; Пер. с фр. Н.В. Бунтман и др. М. : ИНФРА-М, 1998. 542 с.
4. *Шевьякин А.П.* Загадка гибели СССР. М. : Ве-че, 2003. 461 с.
5. *Гайдар Е.Т.* Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997 / Е.Т. Гайдар [и др.]. М. : Ин-т экон. проблем перех. периода, 1998. 1113 с.
6. *Мау В.А.* Экономика застоя: путь в никуда // Полит.ру. 2007. 08 июля. URL : <https://polit.ru/article/2007/07/08/mau/> (дата обращения 25.04.2021).
7. *Клешов С.В.* Наше Отечество (опыт политической истории. Ч. II) / С.В. Клешов, О.В. Волобуев [и др.]. М. : Терра, 1991. 624 с.
8. *Смолин О.Н.* «Застой» как общественное явление: три источника, три противоречия и четыре составных части / О.Н. Смолин; Под общ. ред. Р. Крумма и Л. Булавки. // СССР. «Застой». Материалы конференции 5–6 ноября 2008 г. М. : Культурная революция, 2009. С. 33–48.
9. Л.И. Брежнев: Материалы к биографии / Сост. и автор предисловия Ю.В. Аксютин. М. : Политиздат, 1991. 384 с.
10. Миф о застое / Сост. Е.Б. Никонорова, С.А. Прохвятилова. Л. : Лениздат, 1991. 476 с.
11. *Боффа Дж.* От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964–1994 / Дж. Боффа; Пер. с итал. М. : Междун. отношения, 1996. 318 с.
12. *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельства современников. М. : Международные отношения, 1991. 232 с.
13. *Валиуллин К.Б.* История России. XX век / К.Б. Валиуллин, Р.К. Зарипова. Уфа : БГУ, 2002. Ч. 2. 232 с.
14. *Козлов В.А.* Крамола инакомыслия в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР / В.А. Козлов // Отечественная История. 2003. № 4. С. 101–114.
15. *Валовой Д.* Слепленные властью. Экономическая повесть. М.: Республика, 2002. 510 с.
16. *Барсенков А.С.* История России. 1938–2002 / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. М. : Аспект Пресс, 2003. 529 с.
2. *Ahiezer A.S.* Russia: criticism of historical experience : in 3 vol. M. : Filos. USSR, 1991. Vol.1. 699 p.
3. *Vert N.* History of the Soviet state. 1900–1991 / Vert N. Per. with Fr.N.V. Buntman and others. M. : INFRA-M, 1998. 542 p.
4. *Shevyakin A.P.* The mystery of the death of the USSR. M. : Veche, 2003. 461 p.
5. *Gaidar E.T.* Economics of transition: Essays on the economic policy of post-communist Russia. 1991–1997 / E.T. Gaidar [et al.]. M. : In-t econ. transition problems. period, 1998. 1113 p.
6. *Mau V.A.* The economy of stagnation: the way to nowhere / V.A. Mau // Polit.ru. 2007. July 08. URL : <https://polit.ru/article/2007/07/08/mau/> (date of application 25.04. 2021).
7. *Kleshov S.V.* Our Fatherland (experience of political history. Part II) / S.V. Kleshov, O.V. Volobuev [et al.]. M. : Terra, 1991. 624 p.
8. *Smolin O.N.* «Stagnation» as a public phenomenon: three sources, three contradictions and four constituent parts / O.N. Smolin; Under the common. Ed. R. Krumma and L. Bulavka // The USSR. «Stagnation». Conference Materials November 5–6, 2008. M. : Cultural Revolution, 2009. P. 33–48.
9. L.I. Brezhnev: Materials for biography / Comp. and the author of the preface Yu.V. Aksyutin. M. : Politizdat, 1991. 384 p.
10. The myth of stagnation / Comp. E.B. Nikonorova, S.A. Prokhakhilova. L. : Lenizdat, 1991. 476 p.
11. *Boffa J.* From the USSR to Russia: The history of the unfinished crisis. 1964–1994 / J. Boffa; Translation from Italian. M. : Mezhdun. relations, 1996. 318 p.
12. *Arbatov G.A.* Prolonged recovery (1953–1985). Meetings of contemporaries. M. : International relations, 1991. 232 p.
13. *Valiullin K.B.* History of Russia. XX century / K.B. Valiullin, R.K. Zaripova. Ufa : BSU, 2002. Part 2. 232 p.
14. *Kozlov V.A.* Kramola dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982 years. According to declassified documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR / V.A. Kozlov // Domestic History. 2003. № 4. P. 101–114.
15. *Gross D.* Blinded by power. An economic story. M. : Res-audience, 2002. 510 p.
16. *Barsenkov A.S.* History of Russia. 1938–2002 / A.S. Barsenkov, A.I. Vdovin. M. : Aspect Press, 2003. 529 p.

Чапурко Татьяна Михайловна
доктор политических наук,
профессор,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
chapurko@mail.ru

Бытый Евгений Эдуардович
аспирант юридического факультета,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
chapurko@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ВОПРОКИ ИНТЕРЕСАМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ (ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

■ ■ ■

Аннотация. Политико-правовые преобразования, происходящие в различные этапы развития российского общества и государства, приводили к необходимости создания и дальнейшего преобразования вооружённых сил – военной службы, обеспечивающих защиту государственных интересов, что, в свою очередь, вызывало необходимость формирования военного права и уголовно-военных норм. Авторами предлагается современный взгляд на социально-историческую последовательность становления ответственности военнослужащих лиц в развитии российской государственности досоветского времени.

Ключевые слова: военная служба, преступления против военной службы, военнослужащие, военное право, воинский порядок.

■ ■ ■

История российского государства, как и любого другого государства, представляет собой весьма интересный экскурс в длительный путь развития всех сфер общественно-политической жизни, в том числе, становления и развития военной службы и военного права, а также, и определения преступных посягательств, совершаемых против военной службы или, как по-нашему мнению, более верное определение – вопреки ее интересам.

Политико-правовые преобразования, происходящие в различные этапы развития российского общества и государства, приводили к необходимости создания и дальнейшего преобразования вооружённых сил – военной службы, обеспечивающих защиту государственных интересов, что, в свою очередь, вызывало необходимость формирования военного права и уголовно-военных норм. Поэтому анализ политико-правовых об-

Tatiana M. Chapurko
Doctor of Political Science,
Professor,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
chapurko@mail.ru

Evgeny E. Bytyy
Postgraduate Student of the Faculty of Law,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
chapurko@mail.ru

SOCIO-POLITICAL AND HISTORICAL-LEGAL ASPECTS OF CRIMES COMMITTED IN CONTRAST INTERESTS OF THE MILITARY SERVICE IN RUSSIA (PRE-SOVIET PERIOD)

■ ■ ■

Annotation. Political and legal transformations taking place at various stages of development of Russian society and the state led to the need to create and further transform the armed forces - military service that protect state interests, which, in turn, caused the need for the formation of military law and criminal and military norms. The authors propose a modern view of the socio-historical sequence of the formation of the responsibility of military personnel in the development of Russian statehood in the pre-Soviet period.

Keywords: military service, crimes against military service, military personnel, military law, military law and order.

■ ■ ■

нований формирования уголовно-правовых норм, отражающих позиции преступного поведения военно-служивых людей, совершающих деяния против военной службы (вопреки ее интересам), позволяют выделить наиболее существенные этапы в их развитии.

Так, некоторые исследователи данного вопроса отмечают, что таковыми в досоветские периоды истории России являются три периода формирования уголовно-правовых норм, а именно:

- «до конца XVII века (до вступления на Российский престол Петра I);
- период реформ Петра I и последующего периода их развития;
- период Александровских реформ второй половины XIX в. [1].

Так, еще в период средне-векового уголовного законодательства в первых известных нам уголовно-правовых нормах Древней Руси были закреплены установки военных правил в договорах с Византией 907, 911 (Олега) и 944–945 (Игоря) годов [2] и в Русской правде. Договор 911 года был заключен киевским князем Олегом после его успешного похода на столицу Византии – Царьград. В договоре, в частности, регламентировалась ответственность за убийство, за нанесение ударов мечом или другим орудием:

– в случае убийства – убийца подлежал смерти прямо на месте преступления;

– если же кто ударит другого мечом или побьет другим орудием, то должен заплатить потерпевшему «по обычаю русскому пять литров серебра, а неимущий преступник обязан был отдать все, что было при нем, вплоть до одежды, в которую он был одет;

– в случае если этого окажется недостаточно, он согласно своей вере, должен поклясться, что никто не может ему помочь выплатить недостающее, и в этом случае, его судебное преследование прекращалось[3].

И договором князя Игоря 944 года внесены были некоторые изменения в договор 911 года, а именно, запрещалась расправа над убийцей – причинение ему смерти на месте преступления, а также устанавливались уголовные наказания за неоказание помощи потерпевшим кораблекрушение на море. Под угрозой наказания запрещалось присвоение какого-либо имущества с такого корабля или обращение в рабство членов экипажа.

В этот период времени основой для писаного права, все же, служили «правовые обычаи», и некоторые деяния не считались преступными и опасными для общества, в целом, и, вместе с тем, имели позицию защиты и охраны общества от насилия или другой опасности, что, в некоторой степени, касалось и преступлений против военной службы. Так, И.Я. Козаченко называет уголовное право этого периода времени правом «конкретного мстителя», индивидуального или коллективного, который реагировал на преступление, используя доступные ему в конкретный момент средства» [4].

В дальнейшем, основным правовым памятником Древней Руси являлась Русская правда и ее пространная редакция (памятник дошел до нас в двух редакциях – краткой и пространной) сложилась не позднее XIII века. И согласно одной из самых распространенных версий отечественных историков, именно в 1016 году Ярославом Мудрым была составлена Русская Правда в ее Краткой редакции – первый кодифицированный законодательный акт древнего государства [5], оказавший значительное влияние на развитие российского законодательства. Русская Правда, отражающая процесс феодализации Киевской Руси, содержала в себе нормы, в основном, гражданского, уголовного и процессуального права и преступления под термином «обида»

понимались с позиций причинения потерпевшему материального или морального вреда. Вместе с тем, содержание «обиды» зависело от сложившихся обычаев.

Далее, Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота являются памятниками уголовного права Пскова и Новгорода XIII–XV вв., которые развивали основные положения Русской Правды и отражали социально-политические условия периода феодальной раздробленности Руси, являлись важнейшими законодательными документами Псковской и Новгородской феодальных республик, носивших определенные черты демократического государственного устройства. В Псковской грамоте значительно изменилось понятие «преступление» и стало признаваться как посягательство не только на личность и имущество, но и иное запрещенное законом деяние, в том числе, направленное против органов власти, в том числе, и военной.

Следующим правовым актом стал Судебник 1497 года, утвержденный великим князем Иваном III и его Боярской думой, в котором преступление уже именуется «лихим делом» и имело разделение на посягательства против государственной власти крамола и на призывы к восстанию против властей).

Далее, Судебником 1550 года, изданном при Иване IV, отражалось укрепление как социально-политических, так и правовых основ русского централизованного государства, что стало явным показателем: введение понятия и состава должностного преступления.

Первые реформы, направленные на укрепление боеспособности армии, были проведены Иваном IV (Грозным), Великим князем всея Руси с 1533 года и царем с 1547 года). Создавая централизованное государство, Царь издал ряд указов, направленных на упорядочение процесса устройства войска. В этих указах определялся порядок назначения на командные должности, регулировалось количество служивых людей, поставляемых помещиком, определялась ответственность за различные нарушения в процессе несения военной службы (уклонение от военной службы, недобросовестное её несение и т.д.). За нарушения различного характера предусматривались разнообразные, порой, очень суровые наказания. Но ответственности за насильственные преступления против военной службы в этих документах не устанавливалось. Так, в 1579 году был разработан Литовский статут, второй раздел которого «Об обороне земской», определял обязанности каждого подданного в вопросах несения военной службы и ответственности за неисполнение этих обязанностей. Безусловно, положения статута были направлены на укрепление обороноспособности государства, и каждый пункт статута четко прописывал:

– кто и в каком порядке должен являться на военную службу;

– кем и как определяется годность к военной службе и как наказывается уклонение от неё;

– кто назначается старшими в войсках и т.д.

Интерес для нашего исследования представляет пункт 8 второго раздела Статута. В нём определялось, что старшие над гарнизоном, «...отпуская людей по окончании ими нашей службы, ничего с них не брали. А если бы кто-либо поступил вопреки этому нашему постановлению, тогда должен тому, у кого что-нибудь возьмёт, вернуть вдвойне, а нам заплатить штраф двенадцать рублей грошей» [6]. Данным положением пресекалось злоупотребление в войске. Пункт 14 этого же раздела предусматривал ответственность за насильственные действия против интересов военной службы: «А если кто-либо, находясь на войне, напал на другого, на обоз или стоянку и ранил или ударил кого-нибудь, таковой как насильник карается смертью» [7].

Дальнейшее укрепление централизованного государства требовало совершенствования его военной организации. Усиление противоречий внутри государства, международные конфликты (войны с Польшей, Турцией, с Крымским ханством и др.) диктовали необходимость существования регулярной, хорошо организованной армии, создание которой невозможно было без разработки правовых документов, устанавливающих порядок несения военной службы, круг обязанностей каждой категории лиц, ответственность за их нарушение. Назрела необходимость объединения отдельных норм в систему военного уголовного законодательства.

Ряд законодательных актов, в их числе, «Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки» (1621 года), отражали, отвечающие сложившейся обстановке, взгляды на организацию военного дела. В них не только детально определялись устройство армии, управление ею, должностные обязанности военнослужащих и руководящего состава, но и предусматривалась ответственность за их нарушение. Причём, спектр уголовных наказаний был достаточно широк: от неопределённого «наказание с нещадной строгостью» до конкретизированного – применения смертной казни.

Далее, законодательное обособление норм о преступных посягательствах против военной службы и вопреки ее интересов в сфере государственной службы связано с Соборным Уложением 1649 года, в котором впервые были закреплены нормы, определяющие права и обязанности как населения, так и «ратных людей» в случае возникновения войны, когда в круг законодательного регулирования попадали действия как военнослужащих, но и всего населения, совершенные в период войны.

В каждый из названных отрезков истории России военное строительство осуществлялось в соответствии с потребностями государства, а правовые нормы становились отражением этих изменений. И, в итоге, период времени до конца XVII века в военной организации характеризовался отсутствием в России регулярной армии. В случае необходимости (угроза со стороны внешних врагов, военные походы с иными целями) собирались военные дружины во главе с князьями.

Князья, являвшиеся безраздельными распорядителями жизни дружинников, сами судили или миловали их за допущенные проступки. Дисциплина в дружинах также поддерживалась исключительно властью князя, а так как после военных действий дружина распускались, необходимости в постоянно действующих нормах военного уголовного законодательства не было [8].

Наиболее важную роль в развитии военного уголовного законодательства сыграло Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года – Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его Величества Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца» [9].

Интересующие нас положения объединяет глава 7 «О службе всяких ратных людей Московского государства». Уголовно-правовыми нормами предусматривалась ответственность за уклонение от государственной службы (п. 18), побег с поля боя – дезертирство (п. 19), за измену (п. 20), мародёрство (п. 22), за воровство (п. 29) и грабежи (п. 30). За эти преступления предусматривались более конкретизированные, чем, например, по «Уставу ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки» виды наказания; их спектр становился более разнообразным (лишение свободы, конфискация имущества, денежные взыскания и др.).

Ценность установлений Соборного уложения заключалась в том, что:

Впервые формулировались квалифицированные составы воинских преступлений. В качестве квалифицирующих признаков выступало совершение деяний в боевой обстановке или во время военных действий.

Во-вторых, в одной главе концентрировались все преступления, совершаемые ратными людьми на всех этапах несения военной службы и предусматривалась ответственность за их совершение.

В-третьих, было продолжено, начатое в Литовском статуте, обособление в относительно самостоятельную группу посягательств насильственных преступлений против военной службы.

Таким образом, военно-уголовное законодательство, в целом, и уголовно-правовые нормы о преступлениях против военной службы, в частности, получили в Соборном уложении 1649 года дальнейшее развитие.

Последующее укрепление государства Российского было связано с Петром I, который, вступив на престол в 1696 году, поставил задачу создания могучей Российской империи, начав реформирование всех сторон жизни общества. Русская армия, созданная в ходе реформы в условиях Северной войны, одержала многочисленные победы над сильным противником. Старым вооруженным силам, доставшимся Петру I в наследство от Московского государства в начале

его царствования, такие задачи оказались не под силу, что наглядно было продемонстрировано еще во время крымских походов, а затем – неудачей под Нарвой в начале войны [10].

Неоднозначное отношение к проводимой политике внутри страны и на международной арене требовало укрепления государственной власти и её опоры – армии. Поэтому проведение данных преобразований было невозможно без совершенствования военного законодательства.

Начало образованию регулярной армии нового типа положили четыре полка: Лефортов и Гордона, Преображенский и Семеновский, которые насчитывали вместе немного более 20 тысяч человек. В дальнейшем, после создания и обучения в соответствии с западными нормами они стали костяком и кузницей кадров для новой русской армии. После разгрома стрелецкого восстания эти формирования явились почти единственной боевой силой, на которую царь мог в полной мере полагаться. Многие выходцы из них стали затем офицерами других частей регулярной русской армии. Так, осенью 1699 года были реформированы стрелецкие полки в Москве, а ряду сподвижников Царем было поручено сформировать три дивизии по девять полков в каждой, набор в которые осуществлялся их «даточных людей» со всего государства, а также – из «охочих людей» Москвы, где «даточные люди» – пожизненно военнообязанные, выставляемые в XVII веке городским и сельским населением в войска в военное время, а «охочие люди» – добровольцы. Одновременно с этим, изменяется принцип комплектования армии и ее правового установления: вводится рекрутская система набора, которая для того времени была прогрессивной, но стала суровым и тяжелым бременем для простого люда, что приводило к массовым побегам и, в связи с этим, требовало применения уголовного наказания.

Таким образом, Петр I – Царь-реформатор стал автором важнейших норм российского военно-уголовного права.

При Петре I выделяется самостоятельное военно-уголовное законодательство, которое было представлено Воинским (1715 года) и Морским (1722 года) Артикулами, где регулировался порядок прохождения военной службы и устанавливалась ответственность военно-служивых людей. Впоследствии, Петр I распространил действия этих артикулов и на гражданские суды.

Отечественные и зарубежные исследователи высоко оценивают эту сторону деятельности Петра I, признают, что по своей юридической природе и законодательной технике правовые акты Петра I значительно выше, чем аналогичные памятники военного и уголовного права того времени [11].

Характеризуя деятельность Петра Великого по укреплению армии, некоторые исследователи данных проблем отмечают, что в основу создания новой регулярной армии, соответствующей европейским, были положены всеобщая воин-

ская повинность, централизованное руководство и единоначалие, жесточайшая воинская дисциплина [1].

Наработки и определения воинского преступления легли в основу Полевого уложения 1812 года и Военно-Уголовного устава 1839 года. Однако система проекта Уголовного Уложения 1813 года, Свода законов Российской империи 1833 года, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного Уложения 1903 года не включали в себя воинские преступления и их понятия. Поэтому мы считаем, что для обеспечения успешного проведения дальнейших реформ необходима была и соответствующая правовая база, в связи с чем, одновременно формировалась система нормативного регулирования в вопросах военных преступлений, как в качестве привлечения к ответственности, так и в качестве предупредительных мер.

Особое место в предупреждении преступлений в воинских формированиях принадлежало уголовно-правовым мерам, и смысл их был в том, что за совершение преступлений военно-служивые люди должны нести личную ответственность, которую нельзя перекладывать на командиров, провоцируя их к укрывательству. Командир должен был нести ответственность за прямые упущения по службе, которые реально способствовали совершению преступных деяний его подчиненными, но при условии, если это будет доказано, а не презюмирована (по принципу командир за все в ответе) его личная вина. И эта ответственность должна быть соразмерной его объективным и субъективным возможностям. В противном случае, так называемое «очковирательство», никогда не будет изжито, а военно-служивые люди по службе никогда не приобретут чувство неотвратимой личной ответственности за свое поведение.

Профилактическая работа по предупреждению преступлений среди военнослужащих не исчерпывается сказанным. Важно, чтобы предупредительная работа была конкретной, а это значит, что ее следует строить не на механической реализации рассмотренных направлений, а на повседневном изучении причин правонарушений и преступлений, которые изменчивы, что адекватно их изменениям должна меняться и профилактическая работа. Только при осуществлении конкретных, целенаправленных и комплексных мер по предупреждению преступлений, совершаемых против военной службы, можно рассчитывать на определенные успехи.

В результате вышеизложенного, мы можем подвести итоги наших размышлений и дать характеристику воинскому правопорядку как системе общественных отношений, устанавливаемых в результате точного и полного осуществления предписаний военно-правовых норм всеми субъектами права в условиях военной службы.

Воинские общественные отношения могут возникать между военнослужащими, между начальниками и подчиненными, между военнослужащими и органами государственной власти, меж-

ду органами военного управления и иными субъектами права. Поэтому воинский порядок должен базироваться как на основе общих правовых норм, так и норм военного законода-

тельства, когда содержание воинского правопорядка составляет правомерное поведение всех субъектов военного права.

Литература:

Literature:

1. *Борисенко В.М.* Преступления против военной службы / В.М. Борисенко [и др.]. СПб., 2012. С.15–47.

1. *Borisenko V.M.* against military service / V.M. Borisenko [et al.]. SPb., 2012. P. 15–47.

2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 112–113, 308–311. Книга написана известным русским правоведом 1886 году выдержала в досоветское время семь изданий.

2. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Rostov-on/D, 1995. P. 112–113, 308–311. The book was written by a famous Russian jurist in 1886 withstood seven editions in pre-Soviet times.

3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект., 2020. С. 85–86.

3. *Naumov A.V.* Russian criminal law. General part: a course of lectures. 6th ichd., pererab. and add. M. : Prospekt., 2020. P. 85–86.

4. Уголовное право. Общая часть. : учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма. 2008.

4. Criminal law. General part. : textbook / otv. ed. I.Y. Kozachenko. 4th ed., rev. and add. M. : Norma. 2008.

5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 36–37.

5. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. M., 1984. Vol. 1. P. 36–37.

6. *Загорский Г.И.* У истоков российского уголовного судопроизводства. К 1000-летию Русской Правды / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов. М., Проспект, 2016. С. 17.

6. *Zagorsky G.I.* At the origins of Russian criminal proceedings. To the 1000th anniversary of Russian Truth / G.I. Zagorsky, Yu.A. Zyubanov. M. : Prospekt, 2016. P. 17.

7. Хрестоматия во истории государства и права России: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. М. : Изд-во Проспект, 2007. С.46-47.

7. Textbook in the history of the state and law of Russia: studies. Manual / Comp. Yu.P. Titov. M., Izd-vo Prospekt. 2007. P. 46–47.

8. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под редакцией Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 71.

8. A textbook on the hysteria of the state and law of the USSR. Pre-October period / Edited by Yu.P. Titov, O.I. Chistyakova. M., 1990. P. 71.

9. *Титов Ю.П.* Хрестоматия во истории государства и права России. М., 1999. С. 40–45.

9. *Titov Yu.P.* Textbook in the history of state and law of Russia. M., 1999. P. 40–45.

10. Первый полный свод законов Российской империи : в 45 т. СПб., 1832. Т. 1.

10. The first complete set of laws of the Russian Empire : in 45 vol. SPb., 1832. Vol. 1.

11. Законодательство Петра I / Отв. редакторы д-р. ист. наук, проф. А.А. Преображенский; к.ю.н., доцент Т.Е. Новицкая. Изд-во «Юридическая литература». М., 1997. С. 136.

11. Legislation of Peter I / Editor-in-chief Doctor of History, Prof. Preobrazhensky A.A., Ph.D., Associate Professor Novitskaya T.E. Publishing «Legal Literature». M., 1997. P.136.

12. *Бобровский И.О.* Военное право в России ври Петре Великом. Артикул воинский. СПб., 1882. Вып. № 42. С. 136–138.

12. *Bobrovsky I.O.* Military law in Russia vri Peter the Great. Military article. SPb., 1882. Vol. № 42. P. 136–138. The state of military temper in Russia in the XVII century. SPb., 1882.

13. *Бобровский И.О.* Состояние военного нрава в России в XVII веке. СПб., 1882; Военно-тюремные заведения России и за границей. СПб., 1904.

13. *Bobrovsky I.O.* State of military morality in Russia in the XVII century. St. Petersburg, 1882; Military prison institutions of Russia and abroad. SPb., 1904.

14. *Толкаченко А.Л.* Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России (военно-пенитенциарные аспекты). М., 1997. С. 10–13.

14. *Tolcachenko A.L.* Formation and development of the system of execution of criminal penalties in Russia (military-penitentiary aspects). M., 1997. P. 10–13.

Шандулин Евгений Андреевич
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет
79289013427@yandex.ru

Аганов Андрей Анатольевич
магистр по специальности
«История России
и стран ближнего зарубежья»,
экскурсовод,
Ростовский исторический парк
«Россия – моя история»
79289013427@yandex.ru

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1814- 1820 ГГ.)

■ ■ ■

Аннотация. В XVIII веке она стала ведущей мировой державой, влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли рано или поздно привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. В данной статье рассматривается процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику после завершения наполеоновских войн (1814–1820 гг.). Как отмечают авторы, именно европейская политика императора Александра I была решающей для реализации программы реформ в Российской империи в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Александр I, Государственная уставная грамота, Европа, Конституция, реформы.

■ ■ ■

В XVIII веке она стала ведущей мировой державой, влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли рано или поздно привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй

После завершения наполеоновских войн Российская империя стала самой сильной державой мира. Император Александр I мог наконец-таки заняться реформами внутри страны. Российские солдаты и офицеры во время Заграничного похода побывали в европейских странах. Там они увидели другие порядки и уровень жизни. Молодые офицеры осознали, что в России многое

Evgeny A. Shandulin
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Institute
of History and International Relations,
Southern Federal University
79289013427@yandex.ru

Andrey A. Aganov
Master in specialty
«History of Russia and
Neighboring Countries»,
Guide,
Rostov Historical Park
«Russia is my story»
79289013427@yandex.ru

THE INTERNAL POLICY OF EMPEROR ALEXANDER I IN THE CONTEXT OF HIS EUROPEAN POLICY AFTER THE END OF THE NAPOLEONIC WARS (1814-1820)

■ ■ ■

Annotation. In the 18th century it became the world's leading power influencing European and world politics. Despite the successes in foreign affairs, within Russia itself there were problems that could sooner or later lead to upheavals, to shake the existing state system. This article examines the process of the influence of the European policy of Emperor Alexander I on his domestic policy after the end of the Napoleonic wars (1807–1812). Often it was the European policy of Emperor Alexander I that played a decisive role in the implementation of the reform program in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Alexander I, State charter, Europe, Constitution, reforms.

■ ■ ■

нужно изменить. Например, крепостное право необходимо было отменить, а также, даровать стране конституционные порядки и создать представительный орган власти.

Александр I прекрасно знал об этих проблемах. Несмотря на провал программы Сперанского при реформировании Российской империи хотел ограничить самодержавную власть. Теперь у него не было сильного врага в лице Наполеона Бонапарта, который мог помешать его внутривнутриполитическим замыслам. 30 августа 1814 года вышел манифест [13, с. 906–910] императора Александра. В этом манифесте есть довольно интересный отрывок: «Ныне хотя постановление и устроение дел в Европе для общего всех

народов успокоения и требует отбытия Нашего из России, но сие отбытие, уповаем на милость Божескую, будет уже недолговременное, и с полным окончанием внешних дел, возвратит нас к беспрепятственному попечению о внутреннем Государства Нашего благе» [13, с. 906]. В приведенном отрывке, на наш взгляд, император делает намек на то, что он будет реформировать Российскую империю после своего возвращения из Вены. В Вене европейские лидеры и их дипломаты должны были решить судьбу Европы. Современники царя также сочли, что император делает намек на возможное продолжение реформ [19, с. 217].

Цель данного исследования – рассмотреть процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику после завершения наполеоновских войн. Зачастую, именно внешняя политика играла решающую роль при реализации программы реформ или наоборот, отказе от нее. Принимаемые из-за этого решения могли играть огромную роль для будущего государства уже после смерти императора.

Задачи исследования:

- 1) изучение влияния европейской политики императора Александра I на его внутренний курс после завершения наполеоновских войн;
- 2) доказать на конкретных примерах имела ли она решающее значение при реализации реформ после завершения наполеоновских войн;
- 3) выявление причин, которые заставили императора Александра I отказаться от реформ.

При написании исследования были привлечены источники, которые можно подразделить на две группы: нормативно-правовые документы и нарративные источники. К нормативно-правовым документам мы относим следующие важные источники: указы, акты, постановления, отчеты, доклады, мирные и союзнические договора Российской империи с различными государствами. Одни из них представлены в Полном собрании законов Российской империи [12], в котором находятся различные нормативно-правовые документы, принятые в годы правления императора Александра I. Другим важным источником является Архив Государственного Совета Российской империи [2]. Государственный совет появился еще в самом начале правления императора Александра I и на нем обсуждались проблемы внутренней и внешней политики. Мирные договоры и союзнические обязательства, которая заключила Россия в первой четверти XIX века, находятся в таком важном сборнике, как «Внешняя политика России XIX и начала XX века» [5]. Также, стоит выделить бумаги Комитета 06 декабря 1826 г. Комитет был создан уже после смерти императора Александра I по приказу императора Николая I. Он должен был рассмотреть проекты преобразования государственного управления Российской империи. Были обнаружены различные проекты преобразований, записки государственных деятелей, которые писа-

ли о тех или иных нарушениях в системе управления и о способах их устранения. Например, были найдены проекты реформ Сперанского, записки Кочубея. Эти источники были опубликованы Российским историческим обществом в конце XIX века [18].

На Венском конгрессе каждая страна пыталась отстоять свои интересы. Россия хотела присоединить Великое герцогство Варшавское и возродить Польшу. Королем Польши должен был стать российский император, который планировал даровать Польше Конституцию, благодаря чему, он стал бы конституционным монархом. Но против этого выступала Австрия, Великобритания и Франция. Эти страны заключили союз против России. Александр I собирался воевать со своими бывшими союзниками, если они не признали бы переход Польши под контроль России. Европа была поставлена на грань новой войны.

В этом случае можно было забыть о реформах. Но в марте 1815 года Наполеон Бонапарт неожиданно для всех бежал с острова Эльбы и вернулся к власти на 100 дней. Испуганные монархи и их дипломаты пришли к консенсусу и нанесли ему поражение. После второго отречения Наполеона союзные войска должны были находиться на французской территории до ее полного умиротворения. 21 апреля (по юлианскому календарю) 1815 года был заключен Трактат [14, с. 78–87] между российским императором и королем прусским, который передавал большую часть бывшего Великого герцогства Варшавского Российской империи. Пруссия возвращала часть земель. В этом документе было сказано, что польские земли получать Конституцию, и они будут «состоять под особенным управлением» [14, с. 80]. Российский император становился царем (королем) польским. Эта территория стала именоваться Царством Польским и находилось в неразрывной унии с Российской империи [14, с. 117–119].

Другой важный договор был подписан 9 июня 1815 года – Заключительный акт Венского Конгресса. Этот документ устанавливал новый международный порядок. Европейские страны изменили границы государств. Франция оккупировалась войсками союзных держав до ее полного умиротворения и, фактически, она находилась в состоянии изоляции. Россия, Пруссия, Австрия и Великобритания стали полными хозяевами положения дел в Европе. Эти страны понимали, что все вопросы нужно решать путем переговоров, а не войны. Они не хотели повторения крупномасштабных войн. Российский император во время Венского конгресса выступил с довольно интересной инициативой. Он предложил создать «Священный союз» европейских монархов. Этот союз должен был подчинить европейских монархов нравственным принципам, основанным на христианской религии. Правители Европы должны были приходить на помощь друг другу в трудную минуту. Этот союз был моральной декларацией. Первоначально Трактат о создании союза подписали российский император, австрийский император и король Пруссии [14, с. 279–280]. Последние два не совсем пони-

мали его надобность, но они осознали, что, благодаря этому, можно будет выиграть для своей страны какую-нибудь помощь в будущем. Уже вскоре к нему присоединились многие европейские правители. Александр I пытался всем показать, что он настроен миролюбиво и хочет только блага для Европы.

Благодаря второму Парижскому миру, Заключительному акту Венского Конгресса и Священному Союзу, в Европе наступил мир. Европейские страны восстанавливались после завершения долгой войны, и Александр I решил заняться внутренними делами. В соответствии с Трактом от 21 апреля 1815 года и намерениям самого Александра I Царству Польскому должна была быть дарована Конституция. Александр I после завершения Венского конгресса прибыл в Варшаву, где был подготовлен проект польской Конституции. Царь считал, что он должен с одной стороны дать полякам либеральные учреждения, но с другой стороны оставить за собой большую власть. Все его замечания были учтены, и уже 15 ноября 1815 года Царству Польскому была дарована Конституция, которая на тот момент была довольно прогрессивной [9].

Царем Польши становился российский император, который должен был во время своей коронации дать клятву о том, что он будет соблюдать Конституцию. Статья 31 гарантировала полякам «на вечные времена народное представительство» [9]. Парламент Царства Польского должен был состоять из двух палат – Сената (верхней) и Посольской избы (нижней). Членов верхней палаты (сенаторов) назначал лично царь, а нижнюю палату избирали путем прямого голосования ограниченный круг людей. Правом голоса обладало около 1/30 части населения [3, с. 28] (100 тысяч человек из трех миллионов). Царь был главой исполнительной власти [9]. Он мог обладать правом законодательной инициативой. У сейма она отсутствовала. Стоит отметить, что судебная власть находилась в странном положении. С одной стороны, суд был независимым от других ветвей власти. С другой стороны, царь мог отменить или изменить любое его решение. При этом все законы может издавать только сейм, и он мог воспользоваться правом вето и отказать царю сделать его проект законом. Несмотря на все эти ограничения, польская Конституция была довольно прогрессивной для своего времени. Александр I стал в этой части своей империи конституционным монархом и мог распространить эту систему на всю империю. К тому же, он выполнил условия Трактата, подписанного 21 апреля 1815 года.

Император и дальше имел возможность заниматься внутренними делами, благодаря тому, что в Европе в 1816–1818 годах был мир. Александр I в 1816 году даже предложил британскому министру иностранных дел Каспри идею разоружения Европы [8, с. 183], но тот отказался. При этом отношения с этой страной были неплохими. В том же году император одобрил идею Саксен-Веймарского герцога даровать своей стране Конституцию [8, с. 188]. Примеру герцога последовали Баден и Вюртемберг. Через год был со-

кращен союзный оккупационный корпус, который находился во Франции. Александр I видел, что во Франции положение монархии Бурбонов стало стабильным.

Благодаря такому спокойному положению дел в Европе, российский император мог продолжить свой реформаторский курс. Александр I осознал, что настало самое подходящее время для создания общеимперской Конституции и ограничения своей власти. Еще в 1815 году в разговоре с литовским помещиком М. Огинским он намекал на это [20, с. 229–242]. В 1818 году было открыто первое заседание сейма в Царстве Польском. Александр I отправился в Варшаву, где собирался выступить с речью на открытии сейма и воочию увидеть его работу. 15 марта 1818 года он выступил на открытии сейма со следующими словами: «Образование, существовавшее в вашем крае, дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений, ... которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные» [1]. В приведенном нами отрывке мы видим, что император в открыто заявил о том, что хочет распространить на Российскую империю конституционные порядки, существовавшие в Царстве Польском. Сейм проработал ровно месяц. Он отклонил только один законопроект. Александр I остался доволен работой сейма.

После завершения работы сейма Александр I вместе со своими приближенными отправился в Бессарабию, где обнародовал «Устав образования Бессарабской области» [15, с. 222–281]. Этой российской окраине император даровал широкое самоуправление. Законодательной и распорядительной властью распорядился Верховный совет, который состоял из одиннадцати человек (пять назначались, а остальные избирались местным дворянством). Решения Верховного совета должны были приводиться к исполнению немедленно.

Осенью 1818 года европейские лидеры, спустя три года, впервые собрались в городе Аахен для решения важных вопросов. Александр I также участвовал в работе конгресса. Самый главный вопрос, который обсуждался на его заседаниях, был французский. Во Франции находился оккупационный корпус, и эта страна выплачивала союзникам контрибуцию. Положение во Франции оставалось стабильным. Александр I считал, что с нее можно снять режим оккупации и, благодаря этому, допустить ее к решению европейских дел. У этой идеи, конечно же, были противники, но оккупационный режим был снят. Франция возвращалась в круг великих держав. Российский император поддержал идею Пруссии. Она предлагала заключить договор между великими державами. В нем страны гарантировали друг другу неизменность границ и образа правления. В случае революции, страны-гаранты могут иметь право вторгнуться на территории государства, в котором нарушается существующий порядок, и подавить беспорядки. Эта идея не была поддержана Великобританией. Как мы видим, в 1818 году в Европе не было никаких потрясений.

В декабре 1818 года Александр I вернулся в Россию после своего участия в работе Аахенского конгресса. Он прибыл в Минск. Туда же отправился и его старый друг, граф Н.Н. Новосильцев со своим помощником П.А. Вяземским. Скорее всего, именно в это время император и дал поручение Новосильцеву разработать проект будущей Российской конституции. На это намекает и письмо Вяземского А.И. Тургеневу [10, с. 182–183].

Н.Н. Новосильцев возглавил работу по созданию Конституции и для этого он привлек французского юриста П.И. Пешара – Дешана, который писал проект будущей Конституции на французском языке. Переводом проекта на русский язык занимался П.А. Вяземский. Эта работа требовала большого напряжения сил от всех членов комиссии. В октябре 1819 года в Варшаве Александру I они предоставили первый проект. Он внимательно изучил его и внес свои замечания, которые надо было устранить. Н.Н. Новосильцеву дали два месяца на устранение недочетов и составление окончательного текста.

После своего возвращения в столицу, царь 01 ноября 1819 года встретился с бывшим министром полиции А.Д. Балашовым, которого он хотел назначить генерал-губернатором пяти губерний: Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и Воронежской. На вверенной ему территории Балашов должен был реализовать идеи, заложенные в проекте Конституции. Для этого ему должны были вручить инструкцию, которая бы предписывала совершать те или иные шаги во вверенных ему губерниях. Но такой инструкции он не получил. В разговорах с Балашовым [4, с. 24], Александр I заявил ему, что он продолжил те реформы, которые были прерваны из-за обострения отношений с Наполеоном Бонапартом. Официальный указ о назначении Балашова генерал-губернатором пяти губерний вышел 19 января 1820 года [16, с. 24].

К лету 1820 года был составлен окончательный проект Конституции. Новосильцев и Вяземский в конце мая 1820 года прибыли в Петербург, где у последнего состоялся разговор с императором Александром [11, с. 87–88]. Император оценил вклад молодого Вяземского и заявил, что, несмотря на все затруднения, он введет в стране Конституцию.

Конечно же, стоит, по нашему мнению, рассказать об основных положениях данного проекта. Он был написан на французском языке и переведен на русский язык как «Государственная уставная грамота Российской империи». Слово «Конституция», как мы видим, не звучала в названии. И это не случайно. Александр I прекрасно понимал, что та часть дворянства, которая по своему духу является консервативной, вряд ли воспримет этот документ с великой радостью. Император и его ближайшее окружение прекрасно знали об этих настроениях и не хотели, таким образом, вызывать раскол в обществе.

Первая глава грамоты называется «Предварительные распоряжения». Уже первая статья го-

ворит о том, что в Российской империи в случае реализации этого документа на практике должно появиться новое административно-территориальное деление страны на, так называемые, наместничества. Таких наместничеств должно было быть около десяти на всю Российскую империю. Фактически, в данном проекте речь шла о том, что Российская империя в случае реализации данных идей на практике должна была стать федеративным государством. Создаваемые наместничества должны были состоять из нескольких губерний, которые в свою очередь делятся на уезды, округа, города, села и деревни. Подчеркивается то, что данная Государственная уставная грамота даруется монархом всем своим подданным на «вечные времена» [6]. То есть, данная Конституция являлась октроированной. Важной особенностью данного документа было то, что источником всей власти в государстве объявлялся император Всероссийский. Он является главой исполнительной власти [6]. Но при этом следующая статья говорит нам о том, что «законодательной власти государя содействует государственный сейм» [6]. Император также сохранял за собой право объявления войны и заключения мирных договоров. Важной особенностью данного документа является то, что в нем впервые закреплялись пределы императорской власти.

Отдельные статьи посвящены наместникам и, так называемым, «советам наместничеств». Во главе создаваемого наместничества должен был стоять наместник, который являлся представителем императора во вверенной ему территории. Ему помогал управлять совет наместничества. Наместник должен был наблюдать за точным исполнением законов и стараться развивать губернии, входящие в состав наместничества. Наместнический совет разделялся на правильный совет и общее собрание. Наместник во вверенной ему территории имел такую же власть, как и император над всей Российской империей. Члены правильного совета являлись, по сути, министрами на территории наместничества.

В третьей главе одна из статей посвящалась парламенту. Российский парламент должен был получить следующее название – Государственный сейм Российской империи. Он состоял из двух палат. Верхней палатой парламента становился сенат, а Посольская изба становилась нижней палатой. Государственный сейм разделялся на частные сеймы наместнических областей, которые созывались каждые три года, и на общий государственный сейм, который созывался каждые пять лет. То есть, в наместничествах планировались свои местные парламенты. Они также состояли из двух палат. При этом верхней палатой наместнического сейма становился один из департаментов Сената и ее членов назначал лично император, а нижняя палата избиралась из двух третей послов и депутатов, которые избирали в каждой области наместничества и, самое главное, они утверждались императором.

Исполнительная власть вручалась императору и министерствам. В Российской империи, согласно

документу, было десять министерств, которые сохраняли свое разделение на департаменты, столы согласно «Общему учреждению министерств» 1811 года.

Помимо разделения властей в Государственной уставной грамоте одна из глав была посвящена, так называемым, «Ручательствам державной власти». Согласно документу, отныне только суд мог наказывать преступника. Если подданный императора находился под стражей, то ему были должны объяснить, почему он находится под арестом. Право собственности объявлялось священным и неприкосновенным. Как мы видим, создатели Государственной уставной грамоты были знакомы с передовым по тем временам французским гражданским кодексом – Кодексом Наполеона.

Пятая глава была посвящена судебной власти. Судьи, согласно документу, должны при принятии решений действовать по закону и иметь независимость от императора и государственного аппарата. Судей назначал император согласно специальным правилам, и отрешались они от должности за совершение того или иного противозаконного поступка и после совершения над ними суда. Часть главы была посвящена Верховному государственному суду, который состоит из председателя, сенаторов и других членов, назначенных по решению императора. Государственный обвинителем становится генерал-прокурор. Верховный государственный суд заседал в Санкт-Петербурге и рассматривал следующие преступления: оскорбление императора, преступления против государства и действия чиновников высокого ранга, которые совершают противоправные действия. Император должен был одобрить приговор Верховного государственного суда.

Подведем итог. Государственная уставная грамота навсегда изменяла Российскую империю. Она предполагала создание двухпалатного парламента, разделение властей и, самое главное,

федеративное деление страны на, так называемые, наместничества. Впервые закреплялись и права человека: свобода печати, передвижения и другие.

Общество ожидало, что уже скоро император обнародует Конституцию. Новосильцев подготовил проект Манифеста о введении в силу Государственной уставной грамоты [17, с. 73–75]. В тексте манифеста также не упоминается термин «Конституция», говорится только о совершенствовании существующего порядка. Одновременно Новосильцев приготовил и второй Манифест [17, с. 76], который уничтожал польскую конституцию 1815 года. Она становилась ненужной в силу того, что все те права и свободы, которые были исключительно у поляков, теперь получали все подданные императора.

Но «Государственная уставная грамота Российской империи» так и осталось очередным проектом. Император отказался от реализации этого проекта. И причина отказа кроется в том, что в 1820 году в Европе начались революции в итальянских государствах (Пьемонт, Неаполитанское королевство), а в октябре 1820 года в Санкт-Петербурге произошло «восстание Семеновского полка». Император стал считать, что революционные настроения проникли и в Россию. Начальник Главного штаба барон И.И. Дибич при разговоре с А.И. Михайловском-Данилевском счел, что именно из-за европейских революций царь отказался от введения в стране Конституции [7, с. 204]. Таким образом, европейская политика императора Александра I серьезно образом повлияла на его внутривнутриполитический курс. После разгрома Наполеона император вернулся к реформам и при активном участии Николая Новосильцева был разработан проект Конституции. Разработка проекта происходила во время отсутствия внешних конфликтов в Европе, но, начавшиеся в Европе революции, заставили царя перейти к охранительной политике.

Литература:

1. Александр I; Имп.; 1777–1825. Речь, произнесенная его императорским величеством при открытии сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве. [Варшава], [1818] (дата обращения 16 марта 2021 г.).
2. Архив Государственного Совета Российской империи. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (дата обращения 17 марта 2021).
3. *Аскенази Ш.* Царство Польское, 1815–1830. М.: Книгоиздательство писателей, 1915. 168 с.
4. Балашев А.Д. Записки касательно моей жизни. Архив СПб ИИРАН. Ф 16 (А.Д. Балашева). Оп. 1. Д. 15. Л. 98. Об. 99.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР; д-р экон. наук

Literature:

1. Alexander I; Imp.; 1777–1825. Speech uttered by his imperial Majesty at the opening of the Sejm of the Kingdom of Polish at 15/27 day of March 1818 in Warsaw. [Warsaw], [1818] (date of application March 16, 2021).
2. Archive of the State Council of the Russian Empire. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (date of application March 17, 2021).
3. *Askeyazi SH.* Polish kingdom, 1815–1830. M. : Publishing writers, 1915. 168 p.
4. *Balashhev A.D.* Notes regarding my life. Archive SPb Iran. F 16 (A.D. Balasheva). Op. 1. D. 15. L. 98. Ob. 99.
5. Foreign policy of Russia XIX and early XX century. Documents Ros. Mr. Forers. Del / M-in Forers. Deals of the USSR, Comm. by ed. diplomat. documents at the USSR Ministry of Foreign Affairs;

- А.А. Громыко (пред.) [и др.]. М. : Госполитиздат, 1960. 27 с.
6. Государственная уставная грамота Российской империи» 1819 года. URL : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/> (дата обращения 17 марта 2021).
7. ГПБ. Ф. 488. (А.И. Михайловский-Данилевский). № 25. Л. 204–204 об.
8. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы:1700–1918 гг. М. : МГИМО; РОССПЭН, 2004. 495 с.
9. Конституционная Хартия Царства Польского». Перевод с французского языка. URL : http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_i/kx1815.html (дата обращения 17 марта 2021).
10. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812–1819). СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 735 с.
11. Остафьевский Архив князей Вяземских. Т. 2: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1820–1823). СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 375 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 17 марта 2021).
13. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 32 (1812–1814). № 25671. Всемиловейший Манифест от 30 августа 1814 года «О учреждении крестов для Духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях». 1132 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 33 (1815–1816). № 25827. «Дружественный Трактат, заключенный в Вене между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величестве Королем Прусским о распоряжениях, относительно Герцогству Варшавскому. 21 апреля 1815 года. 1171 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 35 (1818). № 27357 «Устав образования Бессарабской области». 672 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 37 (1820–1821). №28106. Именной, данный генерал-губернатору Балашову, от 27 января 1820 года – «О обревизовании вверенных ему Губерний на правилах, предписанных Инструкцией Сенаторам». 981 с.
17. РГАДА. Ф. 12 (Разряд 12). Оп, 1. Д. 269. Л. 73–75. РГАДА. Ф. 12 (Разряд 12). Оп, 1. Д. 269. Л. 76.
18. Сборник Русского исторического общества. Т. 90. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (дата обращения 20 марта 2021).
- Dr. Ekon. Sciences A.A. Gromyko (before.) and others M. : Mimitizdat, 1960. 27 p.
6. State statutory letter of the Russian Empire 1819. URL : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/> (date of application March 17, 2021).
7. GPB. F. 488. (A.I. Mikhailovsky-Danilevsky). № 25. L. 204–204 about.
8. Reeve V.V. Foreign policy of Russia and international systems: 1700–1918. M. : MGIMO; ROSSPEN, 2004. 495 p.
9. Constitutional Charter of the Kingdom of Polish. Translation from French. URL : http://www.pereplet.ru/history/russia/imperia/alexandr_i/kx1815.html (date of application March 17, 2021).
10. Ostafyevsky archive of princes of Vyazemsky. Vol. 1: Correspondence Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev (1812–1819). SPb. : Typography MM Stasyulevich, 1899. 735 p.
11. Ostafyevsky archive of princes of Vyazemsky., Vol. 2: Prince PA Correspondence Vyazemsky with A.I. Turgenev (1820–1823). SPB: Typography M.M. Stasyulevich, 1899. 375 p.
12. Complete meeting of the laws of the Russian Empire. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (date of application March 17, 2021).
13. Complete meeting of the laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 32 (1812–1814). № 25671. The global manifesto dated August 30, 1814 «On the establishment of crosses for the clergy, and for the military, nobility and merchants of medals and about various benefits and merins». 1132 p.
14. Complete meeting of the laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 33 (1815–1816). № 25827. A friendly treatise concluded in Vienna between His Majesty by the Emperor of the All-Russian and His Majesty King of Prussy-about orders, regarding the Duchy of Warsaw. April 21, 1815. 1171 p.
15. Complete meeting of the laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 35 (1818). № 27357 «Charter of the formation of the Bessarabsk region». 672 p.
16. Complete meeting of the laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 37 (1820–1821). № 28106. Named, given by Governor Balashov, dated January 27, 1820 – «On the warding of the provinces entrusted to him on the rules prescribed by the instructions of the senators». 981 p.
17. RGAD. F. 12 (discharge 12). OP, 1.D. 269. L. 73–75. RGAD. F. 12 (discharge 12). OP, 1. D. 269. L. 76.
18. A collection of the Russian Historical Society. Vol. 90. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (date of application 20, 2021).

19. *Трубецкой С.П.* Записки. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. 407 р.

20. *Oginski M.* Memoirs sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusga la fin de 1815. Paris, 1827. Vol. 4. 729 с.

19. *Trubetskaya S.P.* Notes. Materials about life and revolutionary activities. Vol. 1: Ideological documents, memoirs, letters, notes. Irkutsk, 1983. 407 p.

20. *Oginski M.* Memoirs sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusga la fin de 1815. Paris, 1827. Vol. 4. 729 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гафиатулина Наталья Халиловна
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЛИНГВИЗМА В МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

■ ■ ■
Аннотация. Целью данной публикации является выявление ключевых проблем формирования полилингвизма в мультикультуральном пространстве современного общества. В статье показаны актуальные проблемы в практике формирования полилингвизма, в числе которых: ситуация конкуренции языков в жизни отдельной этнокультурной общности; риск смены языка индивида; существование коммуникативных барьеров в межличностном общении; проблема противопоставления языка и грамматики билингва; проблема семантической межъязыковой интерференции; проблема разновидностей (типов) билингвизма.

Ключевые слова: полилингвизм, многоязычие, проблемы двуязычия, мультикультуральное общество, полилингв, социальная коммуникация, билингвальная коммуникация, языковая среда.

■ ■ ■
Проблемы полилингвизма вызывают большой интерес в среде ученых-лингвистов, причем, история билингвальных и полилингвальных исследований начинается уже с начала 19 века. Сегодня же, когда разрушаются исторически существовавшие культурные границы, стоявшие на пути у различных социокультурных общностей, проблема полилингвизма (многоязычия) является одной из актуальных многогранных проблем в современном поликультурном обществе размытых культурных границ. Кроме того, актуальность многоязычия как социокультурного феномена заключается в том, что владение несколькими языками – это инструмент успешной жизнедеятельности личности и социума в целом в эпоху глобальных изменений, главной чертой которых «становится интенсивное взаимопроникновение материальных и духовных компонентов разных культур» [1, с. 613].

Умение личности в зависимости от ситуации применять единицы нескольких языковых систем свидетельствует в пользу феномена полилингвизма.

Natalya Kh. Gafiatulina
Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Student of the Department
Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

PROBLEMS OF POLYLINGUIISM IN THE MULTICULTURAL SPACE OF MODERN SOCIETY

■ ■ ■
Annotation. The purpose of this publication is to identify the key problems of the formation of polylingualism in the multicultural space of modern society. The article shows topical problems in the practice of the formation of polylingualism, including: the situation of the competition of languages in the life of a separate ethnocultural community; the risk of changing the language of the individual; the existence of communication barriers in interpersonal communication; the problem of opposing bilingual language and grammar; the problem of semantic interlingual interference; the problem of varieties (types) of bilingualism.

Keywords: polylingualism, multilingualism, problems of bilingualism, multicultural society, polylingual, social communication, bilingual communication, language environment.

■ ■ ■
Современные лингвисты выделяют два основных вида полилингвизма:

- индивидуальный, который показывает одинаково свободное владение более двумя разными языками как обиходными;
- «социальный, имеющий место в странах, где государственными являются несколько языков, или в многонациональных государствах» [1, с. 611].

Политика продвижения процесса строительства активного многоязычия в мультикультуральном пространстве современного общества связана с максимальным расширением социальных функций языков и культур народов. Языковая среда в мультикультуральном пространстве современного общества является определяющим фактором, поскольку она социализирует личность, формирует ее мышление и речь, культуру и интеллектуальный потенциал личности.

Необходимость научного анализа проблемы многоязычия вызвана отсутствием единого тер-

минологического понимания и однозначного определения этого феномена.

Как известно, главная проблема полилингвизма как сложного феномена связана с неоднозначностью терминологического аппарата, применяющего множество терминов: билингвизм, двуязычие, диглоссия, эквиллингвизм, амбилингвизм, полиглоссия, многоязычие, полиязыковая среда и пр.

Что же представляет собой полилингвизм как социокультурный феномен?

С лингвистических позиций категории «многоязычие» и «билингвизм» (двуязычие) употребляются как синонимы, с психологических позиций двуязычие-многоязычие понимается «как проявление особенностей взаимодействия и функционирования деятельности речевых механизмов и протекания психологических процессов при передаче мыслей с помощью кодов двух языков» [2, с. 62].

Полилингвизм (многоязычие) – это социокультурная практика употребления в коммуникации более двух языков в определенной поликультурной социальной общности, употребление индивидом (или группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией.

Е.В. Верещагин, исходя из разработанной им типологии многоязычия, выделяет три типа полилингвизма, которые имеют непосредственное отношение к продуктивному (активному) многоязычию:

- координативный тип, способствующий рождению правильной речи;
- субординативный тип, приводящий к порождению речи с нарушениями языковой системы;
- медиальный, консолидирующий в себе одновременно как «правильные», так и «неправильные» вербальные (речевые) произведения [3, с. 51].

В рамках теории социальной полилингвальной коммуникации под полилингвизмом можно понимать неравнозначное знание и владение более чем двумя языками и неодномоментное пользование ими в каждой конкретной ситуации общения. Первичной ячейкой билингвальной коммуникации является двуязычный индивид (билингв). Билингвизм и сам язык по своей природе – явление социальное. Отсюда вытекает, что полилингвизм выступает как состояние социальной и культурной жизни, определяемое в рамках примирения социокультурных норм поликультурного общества.

По мнению исследователя Л.В. Щерба, когда мы сравниваем детально разные языки, «мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, – иллюзию, будто существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. В результате, получается освобождение мысли из плена

слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности. Таково, по-моему, колоссальное образовательное значение двуязычия, и можно, мне кажется, лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие. Другим народам его приходится создавать искусственно, обучая своих школьников иностранным языкам» [4, с. 313–314].

Развитие полилингвизма у нерусской части российского населения, как и билингвизма у русских, проживающих в национальных районах в контакте с другими народами, рассматривается как фактор положительный, т.к. нас интересует решение проблем формирования полилингвизма в современном мультикультуральном обществе. При этом сам полилингвизм бывает разным – врожденным и приобретенным, ранним и поздним.

Многие специалисты полагают, что многоязычие вызывает когнитивные, психоэмоциональные, социально-психические и др. трудности и проблемы.

Как подчеркивает Ч. Шутин, степень владения языком характеризует личность с точки зрения языковой / речевой способности. «Однако функционирование в научном обиходе широко спектра терминопотреблений (языковой / речевой механизм, организация, универсально-предметный код, языковая / речевая / коммуникативная компетенция), обусловленное по большей мере изучением различных аспектов языкового явления, вызывает определенные трудности» [5, с. 77].

В рамках проведенного нами исследования, мы обнаружили ряд ключевых проблем в практике формирования полилингвизма в мультикультуральном пространстве современного общества.

Во-первых, осознание коммуникативной сути полилингвизма, пребывающего в пределах вербальной межличностной коммуникации, приводит нас к тому, что он осуществляется с принципиальным нарушением границ национального языка той или иной этнокультурной общности. Т.е., полилингвизм создает ситуацию конкуренции языков в жизни отдельной этнокультурной общности, что является социокультурной проблемой российского мультикультурального общества. Так, например, согласно данным адыгейских ученых [6], сфера применения второго, третьего и последующих языков все более расширяется, что ведет к вытеснению родного языка. Эта конкуренция языков должна быть управляемой.

Во-вторых, в результате конкуренции языков существует большой риск смены языка индивида. Эта смена происходит, когда второй язык вытесняет собою первый язык полилингва, начинает активно претендовать на роль и место первого языка в жизни и, главное, в сознании говорящего, и в конечном итоге это место занимает. Однако необходимо помнить, что язык тесно связан с этничностью. Так, результаты этносоциологических опросов показывают, что язык

занимает одно из центральных мест в структуре этнической самоидентификации [7]. Полилингвизм получает распространение вдоль этнических границ государства.

В-третьих, приоритет государственного языка фактически отодвигает все остальные языки в сферу бытовой коммуникации. Неверная политика, направленная на нивелирование и дискриминацию наций и народов, стала одной из причин многочисленных межнациональных конфликтов [8]. В социологическом знании такое явление называется межгенерационным отчуждением между поколениями, нациями и народностями как результат проблем коммуникации.

В-четвертых, в соответствии с теорией билингвальной коммуникации, еще одной проблемой является переключение кода (code switching) и смена языка (language change). Проблема состоит в том, что момент перехода с одного языка на другой (смены кода) в условиях полилингвальной коммуникации может быть обусловлен объективными мотивами, основанными:

- на стремлении говорящего заявить о собственном преимуществе (например, более высоком или ином) социальном статусе;
- на стремлении к сокрытию смысла сказанного и переходе от коммуникации к квазикоммуникации;
- на желании ограничить круг коммуникантов (например, профессиональная медицинская криптолалия с привлечением латинского языка).

В результате переключения кода и смены языка можно говорить о существовании коммуникативных барьеров в межличностном общении.

В-пятых, неравнозначность качества знания второго и последующих языков, а также, проблема различения знания языка (на уровне речевой и аудиальной коммуникации) и свободного владения языком (не только на уровне речевой и аудиальной коммуникации, но и на уровне чтения и письма). Отсюда возникает проблема противопоставления языка и грамматики полилингва.

Согласно эмпирическим данным, зачастую, знания полилингва по второму языку остаются слабыми по сравнению с качеством знаний по первому, родному языку [9]. Это может быть обусловлено объективными и субъективными детерминантами: с одной стороны, недостаточным методическим обеспечением и проблемами в образовательной сфере подготовки кадров, обучающихся как государственному языку, так и второму языку той иной этнокультурной общности в

Литература:

1. *Кытина В.В.* Феномен полилингвизма в условиях ограниченной языковой среды / В.В. Кытина, Н.В. Рыжова // Вестник РУДН. Серия: Вопро-

словиях поликультурного общества; с другой стороны, – слабой личностной мотивацией и незаинтересованностью билингва в серьезном изучении второго и третьего языков.

В-шестых, с обозначенными выше проблемами формирования полилингвизма в мультикультуральном обществе тесно связана проблема смешения языков, так называемая семантическая межъязыковая интерференция – перенос языковых навыков с родного языка полилингва на другой, изучаемый [10]. Иногда, под видом языковой интеграции личности, обучающейся по программам полилингвального образования, полилингв может подвергнуться практике ассимиляции, т.е., утратить связь с родной культурой, что также может послужить причиной возникновения межкультурных конфликтов. Как отмечает лингвист С.В. Семшински, для специалистов, изучающих проблемы билингвизма в мультикультуральном обществе, проблема семантической интерференции контактирующих языков актуализировалась в связи с потребностями современного общества [10].

В-седьмых, существует проблема разновидностей (типов) полилингвизма. Вполне естественно, что изначально многоязычие как сложное, многогранное явление, вызывало интерес исследователей с позиций своего функционирования в обществе. Именно на этой стороне многоязычия фокусирует внимание теория языковых контактов, в рамках которой решаются частные вопросы взаимовлияний контактирующих языков – такие, как межъязыковое заимствование, разнородная семантическая интерференция, особенности развития данного национального языка в условиях полилингвизма.

Таким образом, исходя из всего сказанного нами выше, становится очевидным, что спектр проблем в практике формирования полилингвизма в современном мультикультуральном социуме весьма широк и разнопланов.

Для разрешения данных проблем необходимо, прежде всего, стремиться к созданию речевой среды – одного из важных источников и средств развития полилингвизма. Необходимо, чтобы государственный язык подпитывал второй, третий, четвертый языки каждого полилингва, т.к. чужие языки, в свою очередь, подпитывают государственный язык, и, следовательно, культуру страны – это естественный путь в современном пространстве мультикультурального общества. Мышление же полилингвальных людей считается дивергентным за счет двух параллельно существующих языковых систем. Знание других языков является залогом успешности в жизни, востребованности на рынке труда и способности к эффективной социальной коммуникации.

Literature:

1. *Kytina V.V.* The phenomenon of polylingualism in a limited language environment / V.V. Kytina, N.V. Ryzhova // Bulletin of RUDN. Series: Educa-

сы образования: языки и специальность. 2017. Т.14. № 3. С. 611–620.

2. *Магомедова Т.И.* Интердисциплинарная парадигма многоязычия / Т.И. Магомедова // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. С. 61–66.

3. *Верещагин Е.В.* Психологическая и методологическая характеристик двуязычия (билингвизма). М., 1999.

4. *Shcherba L.V.* On the issue of bilingualism. Language system and speech activity. 1974. P. 313–318.

5. *Шутин Ч.* Овладение вторым языком в поликультурных регионах / Ч. Шутин // Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 2019. С. 75–81.

6. *Двуязычие – социокультурная проблема // Материалы круглого стола.* Майкоп : АГУ, 2003. 72 с.

7. *Shakhbanova M.M.* The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics» Switzerland, 2020. P. 417–430.

8. *Самыгин С.И.* Психология делового общения. Сер. Среднее профессиональное образование [и др.]. Ростов-на-Дону, 2020.

9. *Mackey William F.* The Description of Bilingualism / F. Mackey William // The Bilingualism Reader. Routledge. London & New-York. 2001. P. 26–57.

10. *Semchinsky S.V.* Semantic interference of languages (on the basis of Slavic-Eastern Romance language contacts) : author's abstract. dis dr. philol. sciences. Kiev. 1973. 56 p.

tional issues: languages and specialties. 2017. Vol. 14. № 3. P. 611–620.

2. *Magomedova T.I.* Interdisciplinary paradigm of multilingualism / T.I. Magomedova // Science. Thought: electronic periodical journal. 2015. P. 61–66.

3. *Vereshchagin E.V.* Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism). M., 1999.

4. *Shcherba L.V.* On the issue of bilingualism. Language system and speech activity. 1974. P. 313–318.

5. *Shutin Ch.* Mastering a second language in multicultural regions / Ch. Shutin // Polylingualism and multiculturalism in the communication and educational space of the university in the era of post-literacy: accumulated experience and development prospects. International scientific and practical conference. Yekaterinburg, 2019. P. 75–81.

6. *Bilingualism is a sociocultural problem. Round table materials.* Maikop : ASU, 2003. 72 p.

7. *Shakhbanova M.M.* The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics» Switzerland, 2020. P. 417–430.

8. *Samygin S.I.* Psychology business communication. Ser. Secondary vocational education / S.I. Samygin [et al.]. Rostov-on/Don, 2020.

9. *Mackey William F.* The Description of Bilingualism / F. Mackey William // The Bilingualism Reader. Routledge. London & New-York. 2001. P. 26–57/

10. *Semchinsky S.V.* Semantic interference of languages (on the basis of Slavic-Eastern Romance language contacts) : author's abstract. dis dr. philol. sciences. Kiev. 1973. 56 p.

Липаева Дарья Евгеньевна
кандидат культурологии,
специалист
по учебно-методической работе,
Санкт-Петербургский
государственный университет
polina7-7@yandex.ru

АНИМЕ КАК СИНТЕТИЧЕСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Аннотация. Являясь синтетическим видом искусства, аниме вбирает в себя приметы изобразительного творчества (картинки, из которых собственно и составляется видеоряд), словесного творчества – имеется в виду манга, на основе которой создается сюжет (манга – японские комиксы, иногда коммику), а также творчества музыкального. Примечательно, что помимо собственно музыкальной составляющей, в аниме необходимо учитывать актерское и вокальное мастерство сейю – специально обученных для работы в анимации людей. Статья посвящена исследованию аниме как синтетическому художественному тексту.

Ключевые слова: японское аниме, искусство, актерское мастерство, вокальное мастерство, манга, сейю, хайку, арт-рисунки, Вики-энциклопедия.

Являясь синтетическим видом искусства, аниме вбирает в себя приметы изобразительного творчества (картинки, из которых собственно и составляется видеоряд), словесного творчества – имеется в виду манга, на основе которой создается сюжет (манга – японские комиксы, иногда коммику), а также творчества музыкального. Примечательно, что помимо собственно музыкальной составляющей, в аниме необходимо учитывать актерское и вокальное мастерство сейю – специально обученных для работы в анимации людей. В отличие от стран, в которых озвучивание анимации нередко поручается любимым зрительской аудиторией актерам, певцам, ведущим телепередач, для озвучивания аниме в Японии существует отдельная профессия: актеры, участвующие в озвучивании аниме – так называемые, сейю, которые получают для этого специальное образование.

Попасть на специальные курсы сейю очень сложно вследствие больших конкурсов. Возможность стать сейю повышается при наличии высокого уровня знания японского языка (как письменного, так и устного, что, пожалуй, еще более важно). На курсах сейю учат владеть своим голосом – уметь изображать возраст, настроение, пол своего персонажа. Также, этих актеров учат профессионально петь, т.е., в целом, курсы состоят из актёрского и вокального блока. В этой сфере предпочтительнее девушки – у них боль-

Daria E. Lipayeva
Candidate of Cultural Studies,
Expert on Teaching
and Methodological work,
St. Petersburg
State University
polina7-7@yandex.ru

ANIME AS A SYNTHETIC ARTISTIC TEXT

Annotation. Being a synthetic art form, anime absorbs the signs of fine creativity (pictures from which the video series is actually made), verbal creativity – means manga, on the basis of which the plot is created (manga – Japanese comics, sometimes comics), as well as the creativity of the musical. It is noteworthy that in addition to the actual musical component, the anime should take into account the acting and vocal skills of seiyu – specially trained to work in animation people. The article is devoted to the study of anime as a synthetic artistic text.

Keywords: Japanese anime, art, acting, vocal skills, manga, seiyu, haiku, art drawings, Wiki encyclopedia.

ше возможностей озвучить разных героев – женские роли, детские, иногда подростковые. Причем, в случае, когда по аниме выходит компьютерная игра или снимаются дополнительные серии (OVA), уже существующей аниме, сейю и дальше закрепляются за своими героями.

Иногда, сейю исполняют вокальные заставки, открывающие или завершающие сериал, при этом сами заставки могут быть как сольные, так и групповые. В этом случае, на время сериала сейю образуют поп-группы, популярность которых позволяет наиболее успешным сейю сделать впоследствии вокальную карьеру. Мастерство сейю в аниме создает значительную часть эмоционального восприятия героев, наделяя их особыми чертами, вследствие чего аниме лучше смотреть на оригинальном языке с субтитрами.

Принимая во внимание тот факт, согласно которому риторика японца в корне отличается от риторики представителя Запада, характерной чертой которого становится «стремление высказать все до конца, до полной ясности, не оставляя сомнений» [1, с. 66], нельзя не признать: герои японской аниме, как правило, немногословны. Неслучайно многие исследователи высказывали предположение о том, что не только «японской манере выразиться, присущи черты хайку» но и «японский образ мышления следует тем же канонам» [1, с. 66].

Именно поэтому синтез слова, изображения и звука в японской аниме отмечен безупречным соблюдением равновесия всех включенных во взаимодействие составляющих. При этом словесный и видеоряды аналогично ряду музыкальному изобилуют всевозможными знаками и символами, которые призваны дополнить информацию, непосредственно поступающую по визуальному и аудиальному каналам восприятия. В качестве примера рассмотрим снятую по одноименной манге Тобосо Яма в 2008 году режиссерскую работу Синохара Тосия¹ «Темный дворецкий» («Kuroshitsuji», «Black Butler»), которая состоит из трех сезонов².

Наш выбор данной темы исследования обусловлен популярностью именно этого аниме-сериала в среде молодежи, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы поклонников, переписка которых осуществляется на сайте «ВКонтакте» группой «Kuroshitsuji | 黒執事 | Тёмный Дворецкий». Здесь же можно найти арт-рисунки (Арт – разновидность творчества поклонников популярных произведений искусства, производное рисование, основанное на каком-либо оригинальном произведении (как правило, литературном или кинематографическом), использующее идеи сюжета и (или) образы персонажей).

Как правило, авторские работы фанатов представляют собой доработки внешности персонажей, более детальную прорисовку места действия и т.п., которые могут быть оформлены в виде иллюстраций, пародий, карикатуры и др. Существуют различные конкурсы таких работ. В частности, один из последних – «Придумай своего жнеца» – был проведен 23–31 мая 2016 года.

Помимо этого, на стене («Стена» – пространство в интернете, которое «работает» по типу доски объявлений, на которой размещается медиа-, фото-, видеоинформация, текстовые документы с последующим обсуждением, ввиду чего при наличии активных пользователей стена приобретает дополнительную функцию: «мини-форум») группы периодически выкладываются переводы из блога Яны Тобосо, ее подарочные карточки к некоторым томам манги, DVD-дискам, что потом становится предметом дискуссий. Здесь же мы можем найти аудиозаписи, перево-

¹ Синохара Тосия (род. 1959 г.) – режиссер японской анимации. Закончил Университет Софии (частное высшее заведение в Токио), служил в Департаменте японского аниме надзора. Изначально участвовал в производстве аниме в качестве ассистента стажера и раскадровки, далее выступил режиссером в аниме «Военный оркестр» (Gunparade Orchestra, 2005), «Темный Дворецкий» (Kuroshitsuji, 2008, первый сезон), «Девочка из Красной книги» (RDG Red Data Girl, 2013), «Безоблачное завтра» (Nagi no Asukara, 2013) и др. аниме-сериалы. Помимо этого, Синохара Тосия создал такие анимационные фильмы, как «Мальчик, который видел ветер» (2000), «Люпен III: Живым или мёртвым» (1996). В настоящее время занимается раскадровкой, одновременно пробуя себя и в театральной режиссуре.

² Первый и третий сезоны в большей степени соответствуют первоисточнику, напротив, сюжетная линия второго сезона расходится с мангой.

ды стихов песен в мюзиклах по Темному дворецкому («The most beautiful death in the world» 2014, «Lycoris that Blazes the Earth» 2015 г.), каверы на различные композиции из аниме, караоке-версии песен из мюзиклов (в видео формате). В некоторых постах выкладывается информация, связанная с каким-либо фрагментом манги. Например: «В мае 2015 года Яна впервые побывала за границей. Она ездила на две недели в Великобританию, где посетила некоторые места, послужившие прототипами мест действия в манге и аниме «Kuroshitsuji». Среди них – замок Скотни, прототип поместья Фантомхайв в аниме, поместье Уоддесдон, вокзал Сент-Панкрас» [из блога Яны Тобосо]. И, пожалуй, самое показательное – периодически размещаемые в блоге переводы глав манги «Темного дворецкого» со ссылками скачать/читать, которые Яна Тобосо пишет до сих пор (в настоящее время есть 23 тома).

Также, обращает на себя внимание то обстоятельство, что у «Темного дворецкого» есть «Kuroshitsuji-Вики» [2]. Речь идет о Вики-энциклопедии (не путать с Википедией, хотя создана такая электронная энциклопедия именно по типу Википедии), в которой, помимо прочего материала, существуют, например, разделы «о способностях и боевых характеристиках персонажей» из аниме, манги, ранобэ (Ранобэ – разновидность популярной японской литературы различных жанров (от любовных романов и научной фантастики до ужасов), отличающейся преимущественно фантазийным сюжетом, обилием диалогов, иллюстрациями в стиле аниме и манга, и ориентированной в основном на подростковую и юношескую аудиторию), японских игр и т.п. В частности, «Kuroshitsuji-Вики» содержит в себе статьи о конкретных персонажах – тех, кто живет в «доме Фантомхайв», кто является представителем «жнецов», в том числе «дворян и монахов» и т.д. Примечательно, что каждому персонажу дается краткая характеристика (раса, пол, род деятельности, социальный статус, родственники и т.п.). Здесь же есть раздел «Медиа» с манга, аниме, мюзиклами, книгами (в основном в этом блоке присутствуют картинки, клик по которым отправляет пользователя в соответствующую статью, посвященную конкретному персонажу). Наполняют такую Вики-энциклопедию любители, поклонники и фанаты того или иного сериала, игры и т.п. Многие статьи или их фрагменты написаны на английском языке.

Остановимся на первом сезоне, который обращает на себя внимание обилием символики. Однако прежде оговорим следующее. Несмотря на то, что создатель манги – представитель японской культуры, действие разворачивается в викторианской Англии, в поместье Фантомхайва, в котором проживает граф Сизель и его слуга демон-дворецкий. Между демоном и Сизелем заключен фаустовский контракт. Согласно договору с дьяволом, демон-дворецкий исполняет конкретные желания человека, платой за которые по истечении срока договора становится его душа – это и есть цена за сделку.

Знаменательно, что демон-дворецкий Себастьян Михаэлис носит имя французского инквизитора XVI–XVII вв., выступившего автором «Замечательной истории одержимости и раскаяния», в которой есть классификация демонов. Причем, Себастьян всегда носит одежду черного цвета. С одной стороны, это является знаком причастности Себастьяна к миру мертвых, с другой – места службы, поскольку именно так надлежит выглядеть дворецкому. Отдавая себе отчет в том, что черный цвет в Японии традиционно соответствует цвету радости и мудрости, нельзя не признать, что, по сути, демона в Себастьяне Михаэлисе выдают лишь глаза, которые иногда окрашиваются кроваво-красным цветом.

В свою очередь, имя графа Сиэля в переводе с французского означает «небо». В Геральдике с этим именем связывают небесно-голубой оттенок, который присутствует и в гербе поместья Фантомхайв (от англ. «улей призраков»). В полном соответствии со своим именем Сиэль отличается темно-синим цветом волос и синим глазом. При этом второй глаз Сиэль прячет под черной повязкой, что связано с другим, присутствующим в сериале, знаком. Речь идет о Пентаграмме, которая символизирует состоятельность дьявольского контракта. Если у демона Себастьяна пентаграмма расположена на внешней стороне запястья, то у Сиэля – на оболочке глаза. Именно тогда, когда Сиэль срывает повязку, демон способен его обнаружить независимо от месторасположения и таким образом вовремя прийти на помощь.

Собственно пентаграмма была известна с древнейших времен. Например, в Вавилоне знак пентаграммы использовался на царских печатях и, по мнению ученых, символизировал собой «власть правителя на все четыре стороны света». В другом случае – имеется в виду пентаграмма гностиков – мы можем говорить о торжестве Духа над всем материальным и земным. Как символ своей школы пентаграмму использовали пифагорейцы, где интересующий нас знак указывал на взаимосвязь пяти элементов – Огня, Воздуха, Воды, Земли и Эфира. Знаменательно, что во французской и английской школах оккультизма и по сей день используют пентаграмму пифагорейцев [3, с. 108].

На наш взгляд, пентаграмма, которой отмечено запястье Себастьяна, может отвечать, как символике пифагорейской школы (демон-дворецкий способен мгновенно переместиться в любое место на Земле, оказаться в различной стихии и остаться в живых), так и символике египтян, в рамках которой пентаграмма выступала знаком защиты, своеобразным оберегом. Здесь важно оговорить, что «звездой псоглавого Анибуса» египтяне называли лишь пятиконечную звезду, расположенную вершиной вверх. Именно такая звезда символизировала защиту от всякого зла. Напротив, перевернутая пентаграмма по трактовке Элифаса Леви – французского оккультиста и таролога, является символом сатаны, что определяет положение демона, носящего перевернутую пентаграмму.

В данном контексте важно обратить внимание на один из эпизодов сериала, когда после призвания Сиэлем демона, в момент речи дворецкого о пентаграмме звучит тема григорианского хорала («Lamb of God, who rose above the sinful world. You, holy, born to protect, expelled, have mercy on us»)¹. Интересно, что в очередной раз григорианский хорал звучит в ситуации, когда демон-дворецкий преследует гостя, намерения которого были нечистыми по отношению к Сиэлю, причем, сам дом со всеми своими коридорами и лабиринтами уподобляется игровому пространству, характерному для квеста.

Поскольку вновь мы слышим хорал тогда, когда Танака (слуга в поместье Сиэля) рассказывает о спасении своего господина Себастьяном, становится очевидным следующее: григорианский хорал опознается на уровне лейтмотива, связанного как с демонической стороной Михаэлиса, так и с собственно смертью. Неслучайно поэтому в пятой серии, посвященной расследованию убийств неизвестным, который называет себя Джеком Потрошителем, григорианский хорал напоминает о себе тогда, когда прибывший к предполагаемому месту очередного убийства Сиэль слышит крик за дверью и, открыв ее, видит окровавленную жертву, падающую к его ногам.

Другой, не менее популярный в среде меломанов музыкальный фрагмент связан с арией Царицы Ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта» Возможно, выбор именно этого произведения композитором Ивасаки Таку был отчасти связан и с тем, что одним из героев «Волшебной флейты» предстает Моностаос – персонаж, происхождение которого связано с Востоком. Эта мелодия коррелирует с таким персонажем аниме, как Грелль Сатклифф или жнец. В свое первое появление он представился дворецким Анджелины Даллес (тети Сиэля). Впоследствии зрителю становится ясно, что именно Жнец принимал участие в совершении ряда убийств, примеряя на себя роль Джека Потрошителя. Жнец – нейтральное существо, обладающее сверхъестественными способностями. С одной стороны, жнецы ведут и составляют списки срока смерти людей, с другой – приходя за душой в назначенное время, именно они обладают властью продлить жизнь обреченного на гибель человека (примечательно, что жнецы забирают души людей напоминающими бензопилу Косами Смерти, предварительно просматривая «пленку жизни» человека. Что же касается процедуры убийства, то таковая выглядит, скорее, как развлечение. Неслучайно «бензопила» Жнеца в момент собирания душ «поет» вполне оптимистичную мелодию). Подобное возможно лишь для тех, чье существование «полезно для мира». Именно во втором случае жнец обнаруживает точки соприкосновения с богом смерти Шинигами (Бог смерти или синигами (яп. 死神 Шинигами, букв. «бог смерти») – персонифицированная смерть (Синигами).

¹ «Божий агнец, который поднялся над грешным миром. Ты, священный, рождённый для защиты, изгнанный, будь милосерден к нам».

Специально оговорим, что в японском искусстве, например, в манге, аниме или ракуго (Ракуго – яп. 落語, дословно «падающие слова» – японский литературный и театральный жанр, созданный в XVI–XVII веках), смерть выступает как персонаж, или целая группа персонажей. Понятие Шинигами в японском фольклоре достаточно новое, с каких пор это слово стало служить для персонификации смерти как Имя – не ясно. Возможно, Шинигами попало в Японию из китайской мифологии, где смерть также была представлена несколькими божествами и проводниками душ, или из Европы, в период «смуты годов Онин» – Сэнгоку (Период Сэнгоку (яп. 戦国時代 сэngoку дзидай, «Эпоха воюющих провинций») – период в японской истории со второй половины XV до начала XVII века).

Так или иначе, образ Шинигами был замечен японскими художниками, поэтами и писателями той эпохи. В японской мифологии бога Смерти как такового нет, есть подземное царство – Ёми. В это царство однажды пришла (умерла) Идзанаги, традиционно связываемая с первым поколением божеств, сотворивших японские острова. Оставшаяся в мире мертвых в силу того, что ее муж не успел вовремя оказать помощь супруге, Идзанага стала каждый день убивать людей. Так появился тот, кто взял на себя лицо, но не стал богом Смерти.

Упомянутая ранее ария Царицы Ночи из оперы «Волшебная флейта» Моцарта, по сути, символизирует собой двойственность Смерти. С одной стороны, ария служит некоей подсказкой пола предполагаемого убийцы. В частности, когда лицо насильника скрыто от зрителя, именно ария Царицы ночи позволяет предположить, что преступник – женщина. С другой стороны, иллюстрируя легенду о серийном убийце, ария сопровождает появление Грелля – представителя смерти, собирающего души обреченных на гибель людей.

Кроме жнеца Грелля Сатклиффа в аниме присутствуют и другие жнецы:

– Гробовщик – легендарный жнец в отставке, кто выносил приговоры таким личностям, как Мария Антуанетта, Робин Гуд, за что очень уважаем и почитаем среди жнецов (устав от размеренной жизни, основал свое похоронное бюро и вместе с тем стал по дружбе информатором семьи Фантомхайв. Зная, что Сизель служит королеве «цепным псом», гробовщик, несмотря на свою неприязнь к королеве, все же помогает молодому графу, прося взамен «первоклассный смех». Имеется в виду ситуация, которая могла бы рассмешить гробовщика, что называется, «до колик в животе». Поскольку обстановку жизни гробовщика не назовешь веселой, смех для него – «самая настоящая утопия...» (1.4, 07:44);

– Уильям Ти Спирс – руководитель отдела по надзору за жнецами (проявляя некоторую жесткость по отношению к своим подчиненным, Спирс, тем не менее, деликатен и любезен, в чем проявляется свойственная многим персонажам аниме двойственность его характера. Под-

черкнем, что в Японии принято относиться вежливо ко всем без исключения, несмотря на личную симпатию или антипатию).

Аналогичным образом двойственный характер образа раскрывает присутствующий в аниме «Темный дворецкий» ворон. Он появляется в конце первого сезона, когда приходит время исполнить контракт. Согласно последнему демон должен поглотить душу Сизеля. Причем, в ситуации, когда дворецкий принимает свое истинное обличье – превращается в демона – он уподобляется ворону. Специально заметим, что в японской мифологии ворон – это птица, которая спустилась по воле богов к Дзимму – легендарный основатель и первый император Японии, чтобы провести его через горы к землям Ямато, где он основал свою императорскую династию. В дальнейшем синтоизм приписывал ворону роль посланника. Помимо этого, ворон в Японии служит эмблемой семейной любви [3, с. 25]. Соответственно, присутствие демона в жизни Сизеля можно объяснить тем, что, будучи преданным и верным, он заменил Сизеля семью, выступая в качестве посланника потустороннего мира, призванного оберегать молодого графа, оставшегося без какой-либо поддержки.

В целом, тот факт, что значительное количество персонажей аниме «Темный дворецкий», так или иначе, связано со смертью, находит свое объяснение в сюжетном развитии. Поскольку родители Сизеля были убиты, одной из главных целей жизни юноши становится стремление найти тех, кто предал семью Фантомхайв, заставив их испытать боль, какую испытал Сизель. Сам того не осознавая, в минуты глубокого отчаяния и безысходности Сизель призвал с того света бессмертное существо, способное противостоять тлену. Другими словами, именно смерть предопределяет события и развитие жизни Сизеля – главного героя всей драмы.

В то же время, феномен смерти оказывается одним из неотъемлемых составляющих японской культуры, вбирающей в себя, как это было отмечено ранее, идеи буддизма, конфуцианства и синтоизма. Неслучайно поэтому смерть незримо присутствует в пронизанных суицидальной тематикой произведениях Х. Мураками, а также в ряде других образцов японской аниме. Назовем лишь некоторые из них:

– «Унесённые призраками» (Япония, 2001 г. Реж. Х. Миядзаки). (главная героиня случайно оказывается в потустороннем мире; прежде чем она вернется домой, Тихиро вынуждена пройти массу испытаний);

– «Ходячий замок» (Япония, 2004 г. Режисер Х. Миядзаки) (действие происходит в заколдованном замке, напоминающем избушку на курьих ножках, с постоянными переходами из потустороннего мира в мир посюсторонний);

– «Кошачий суп» (Япония, 2001 г. Реж. Т. Сато) (в основе сюжета лежит смерть главного героя – котёнка, одна часть души которого похищена

смертью, а вторая обретает спасение, вследствие чего котёнок на протяжении всего повествования находится как бы «не в себе», и только волшебный цветок позволяет вернуть коша в нормальное состояние);

– «Момо, маленькая богиня смерти» (Япония, 2006 г. Реж. Л. Томоми) (в сериале показаны совершенно разные истории, связанные со смертью: поскольку звук колокольчика в каждой из серий является предвестником смерти, весь сериал может рассматриваться историей про жизнь в ожидании смерти [4].

Возвращаясь к мысли о безупречном соблюдении равновесия всех включенных во взаимодействие составляющих аниме как синтетического художественного текста, нельзя не признать, что в данном контексте вполне оправданным видится включение в структуру аниме вокальных заставок. Самыми популярными в любом аниме являются открывающая (вступительная) заставка – опенинг (от англ. title sequence, opening (сокращённо OP) – название принято только в аниме) и заставка закрывающая (заклучительная) – эндинг (от англ. ED (ending) – завершение, окончание; заключительная часть), которые, как правило, на протяжении всего сезона остаются неизменными. Напротив, второй и последующий сезоны предполагают новые опенинг и эндинг.

Литература:

1. *Овчинников В.В. Сакура и дуб*. М. : Аст, Астрель, 2012. 605 с.
2. Вики Курошицудзи. Электронная энциклопедия по манге и аниме Темный Дворецкий. URL : <http://ru.kuroshitsuji.wikia.com>
3. Энциклопедия: Символы, знаки, эмблемы / Под общ. ред. Т.Л. Телицин. М. : Издательство «ЛОКИД-ПРЕСС», «РИПОЛ классик», 2005. 142 с.
4. *Рыльская Т.П. Мифологема смерти в пространстве визуальной культуры* : дис. ... канд. культурологии. Краснодар : КГУКИ, 2010. 170 с.

Примечательно, что большая часть вступительной заставки – анимационный клип на песню, специально написанную для данного аниме. Текст песни содержит в себе краткое содержание предыдущих серий (если первая серия – после завязки), либо экспонирует главных героев. Помимо этого, песня может сопровождаться титрами по типу «караоке» на оригинальном языке, которые впоследствии переводятся фэнсаб-группами (Фэнсаб – видеоматериал (чаще всего – аниме) с субтитрами на родном языке, переведённый поклонниками). В России такие группы, чаще всего, «переводят ранние переводы». В свою очередь, закрывающая заставка носит более спокойный характер, подводит итоги, содержит обобщающие идеи.

В завершении публикации остановимся на наиболее значимых положениях:

- синтез слова, изображения и звука в японской аниме находятся в равновесии и взаимодействии;
- имена главных героев аниме «Темный дворецкий» и знаки, которыми отмечен их облик, несут смысловую нагрузку, соответствующую характерам персонажей;
- мифологема смерти оказывается неотъемлемой составляющей аниме-сериала «Темный дворецкий».

Literature:

1. *Ovchinnikov V.V. Sakura and oak*. M. : Ast, Astrel, 2012. 605 p.
2. *Viki Kuroshitsuji*. Electronic encyclopedia on manga and anime Dark Butler. URL : <http://ru.kuroshitsuji.wikia.com>
3. *Encyclopedia: Symbols, signs, emblems/under commonly* / Ed. T.L. Telitsin. M. : Publishing house «LOKID-PRESS», «RIPOL classic», 2005. 142 p.
4. *Ryl'skaya T.P. Mythologema of death in the space of visual culture* : dis. ... cand. of cultural studies. Krasnodar : KGUKI, 2010. 170 p.

Лугинина Анна Григорьевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
polina7-7@yandex.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. Говоря о виртуальной реальности как о техническом феномене, необходимо учитывать наработки не только в области сугубо научного мира, а также в научной фантастике и художественных изысках в стиле субкультуры киберпанка, которые всегда занимались вопросами природы реальности. В исследовании виртуализации социального пространства тесно переплетены и дополняют друг друга философия природы реальности. Как полагает автор публикации, виртуальный мир – это не самостоятельно существующий, вымышленный мир научной фантастики, а реально существующий другой мир или иначе – «новая обитель разума». В завершении статьи автор приходит к выводу о том, что концепция «виртуализации» способна отображать довольно разнородные процессы и явления социальной жизни, преодолевая фрагментарные представления о современном обществе.

Ключевые слова: виртуальные миры, интеллектуальный конструкт, социальное пространство, компьютерная виртуальная реальность, научная фантастика, субкультура киберпанка, виртуализация общества, виртуальная культура, глобальные культуры.

Вопрос о том, что есть реальность, сейчас волнует не только культурологов, но и представителей ряда специальных наук, которые столкнулись с двойственностью реальности в киберпространстве, а также всех, кто сознает нарастающую реалистичность иллюзорности. Сегодня вопросы о природе реальности ставятся на разных уровнях, что отражает актуальность и возрастающую популярность проблем виртуализации [1–7].

Компьютерная виртуальная реальность выделяется как разновидность виртуальных миров, и, чаще всего, ее рассматривают на уровне системы погружения и отображения информации. Это связано с особенностями информационного, компьютерного моделирования трехмерного, стереоскопического изображения реальных процессов.

Говоря о виртуальной реальности как о техническом феномене, необходимо учитывать наработ-

Anna G. Luginina
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
polina7-7@yandex.ru

VIRTUAL REALITY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Annotation. Speaking of virtual reality as a technical phenomenon, it is necessary to take into account the developments not only in the field of purely scientific world, but also in science fiction and artistic delights in the style of the subculture of cyberpunk, which have always dealt with issues of the nature of reality. In the study of virtualization of social space, the philosophy of the nature of reality is closely intertwined and complementary. According to the author of the publication, the virtual world is not an independent, fictional world of science fiction, but a real other world or otherwise – a «new abode of reason». At the end of the article, the author concludes that the concept of «virtualization» is able to reflect rather heterogeneous processes and phenomena of social life, overcoming fragmentary perceptions about modern society.

Keywords: virtual worlds, intellectual construct, social space, computer virtual reality, science fiction, subculture of cyberpunk, virtualization of society, virtual culture, global cultures.

ки не только в области сугубо научного мира, а также в научной фантастике и художественных изысках в стиле субкультуры киберпанка, которые всегда занимались вопросами природы реальности. В исследовании виртуализации социального пространства тесно переплетены и дополняют друг друга философия природы реальности (Платон, Беркли, Кант, Декарт) и диалоги героев художественных фильмов («Матрица», «Особое мнение»), романов Дж. Оруэлла «1984», У. Гибсона «Нейромант», С. Лема «Футурологический конгресс».

Мнения культурологов расходятся по поводу того, соответствует ли наше восприятие окружающего мира реальности или это просто умозрительные гипотезы, которые дают нам ненадежную, либо неполную картину внешней реальности. При этом все более актуальным становится вопрос, не является ли сама существующая вокруг нас реальность неким интеллектуальным

конструктом? В связи с этим, вполне объяснимо, почему анализу фильма «Матрица» братьев Вачовски, где сталкиваются философия искусства и философия культуры, посвящено значительное количество статей в научном мире.

Акцентируя внимание на идее фильма, суть которой заключается в том, что компьютерное моделирование вместе с подсоединением компьютера к мозгу способно создавать в мозге копию мира, неотличимую от реальности, Л. Зинда проводит аналогию между проблемами в отношении реальности, решаемыми в фильме и давно поставленными западной философией: «Что такое реальность, и каким образом мы ее отличаем от нереальности?» [8]. Например, С. Дацюк, размышляя о природе виртуальной реальности, подчеркивает, что «естественное развитие мира приводит к его искусственному развитию, а искусственное развитие приводит к усложнению и увеличению доли искусственной части реальности [9]. В свою очередь, Р. Хенсон под «виртуалом» понимает «мир грез», в котором мы потихоньку протискиваемся с помощью компьютерных технологий [8].

Западные мыслители довольно тщательно занимаются вопросами социальной интерпретации киберпространства. Теории, возникающие на грани фантастики, увязывают в своих представлениях укоренившуюся интерпретацию «виртуальности» в естественных науках и культурно-философском знании. Потому, собственно, вполне оправданными видится позиционирование современности «миром биотеха со зрелой генетической технологией», миром «цифровых джунглей» с богатым воображением, миром, в котором трудно определить, что подлинно, а что нет [10] (Б. Стерлинг).

Вопрос о структурировании социальной системы в Сеть становится очень популярным и поднимается многими мыслителями. Один из исследователей сетевых виртуальных сообществ Г. Рейнголд определяет виртуальные сообщества как «социальные скопления, которые возникают в Сети, когда значительное число людей достаточно долго участвует в публичном обсуждении» [11]. У. Галстон различает «связанные с местом» и «виртуальные сетевые сообщества» [11].

Многие авторы пытаются дать оценку виртуальному киберпространству и понять механизмы его взаимопересечения с реальным миром. Например, А.Е. Войскунский допускает сравнение киберпространства с картой, паутиной, гипертекстом, сетью [12]. Т. Мэй под термином «виртуальное» подразумевает «нефизическую связь», культурными знаками которой могут быть такие феномены, как мафия, католическая церковь, корпорация и организация бойскаутов, охватывающие весь мир, разрушающие национальные барьеры, подчиняющиеся своим внутренним правилам, остающиеся «непрозрачными» для посторонних [13].

В данном случае мы сталкиваемся с утверждением о том, что виртуальный мир – это не само-

стоятельно существующий, вымышленный мир научной фантастики, а реально существующий другой мир или иначе – «новая обитель разума» [13] (Д. Барлоу). В свете проблем виртуалистики Д. Мнукин подчеркивает, что виртуальное общество отражает и преломляет известную нам реальность. В таком мире отчетливо видно, что социальные структуры не возникают естественно, иницируемые необходимостью, они создаются самими участниками в результате действий [13]. Тот факт, что созданные в этом мире структуры более пластичные и гибкие, дает основание квалифицировать их как «бесструктурные структуры» [13] (Р. Юнгер).

Несмотря на возрастающую заинтересованность ученых в социально-философской и культурологической проработке феномена компьютерной виртуальной реальности и связанных с ним процессов виртуализации общества, нельзя не признать важность следующего момента. Подобные исследования сталкиваются с множеством проблем в самом научном знании, для решения которых должна сформироваться новая научная парадигма с революционной методологией.

Важность и безусловная ценность новой методологии обусловлена тем, что интенсивное использование технологий виртуальной реальности имеет социальный смысл, причем он даже превалирует над техническим аспектом. Невозможность рассматривать социальную виртуальную реальность в отрыве от компьютерной обусловлена тем, что на данном этапе совершенствования информационных технологий разработчики больше внимания уделяют именно их социальному аспекту, сосредоточивая свою исследовательскую оптику на графике, звуке, интерактивности и т.п. Наконец, виртуальные аналоги реальных социальных взаимодействий посредством «киберпротезирования» подменяют традиционные формы социальности.

В силу того, что вопрос о возможности смешения разных типов реальности имеет глубокие философские корни, именно в компьютерной среде задача различения реальностей является сложной культурфилософской проблемой. Достаточно напомнить, что в контексте теорий глобализации выявляется новая тенденция совмещения идей глобализации и виртуализации социальной реальности. Ее оправданность и закономерность иницируется тем, что процесс глобализации, опосредованный новыми видами коммуникации, формирующими единое информационное пространство, выступает еще одним аспектом исследования виртуализации общества.

На этом фоне особый интерес представляет ряд версий, касающихся будущего устройства миропорядка:

- Маршал Маклюэн предрекает преобразование мира в «глобальную деревню» [14];
- Джей Форрестер предлагает «системное моделирование глобальных процессов» [15];

- Фрэнсис Фукуяма провозглашает «конец истории» [16];
- Самюэль Хантингтон предвещает «столкновение цивилизаций» [17];
- Томас Фридман констатирует, что «мир стал плоским» [18];
- Дмитрий Иванов выдвигает идею неизбежной «виртуализации общества» [19];
- Джон Нейсбит рисует картину «глобальной экономической деревни» [20].

Подчеркнем: в обозначенных установках просматривается зависимость социальных взаимодействий от информационно-компьютерного оснащения, при этом Интернет выступает главным актором виртуализации общества, порождающим своеобразный социальный ландшафт в глобальных масштабах.

Новый социальный мир организуется по принципу сетей, которые придают миру совсем другие координаты измерения и соответственно провоцируют возникновение новых исследовательских парадигм. Главными движущими силами трансформаций в современном социальном пространстве Ф. Фукуяма определяет визуализацию и децентрализацию, подчеркивая, что виртуальные сетевые организации более гибкие и отвечают высоким требованиям коммуникативности в условиях глобализации [21].

Мир сталкивается с качественно новым трансграничным информационным обменом, возникающим в локальных и глобальных коммуникационных сетях. М. Маклюэн стремится доказать, что современные коммуникационные технологии приводят к исчезновению изоляции в связи с ростом числа коммуникативных магистралей, состоящих из сообщений, средства передачи которых являются их содержанием [22]. Дж. Нейсбитом отмечено, что сетевые структуры обеспечивают существование горизонтальных связей и поддерживают трехмерность социального пространства, которая пришла в смену старым иерархическим структурам [20]. Теоретизируя в отношении современного социального мира, Т. Фридман отмечает, что глобальное поле социальных взаимодействий «выравнивается» в силу интерактивности и способности сотрудничать на равных в сетевой системе [18].

Рассматривая проблему возникновения символических миров глобальных систем и присущие им виртуальные феномены, У. Бек настаивает на том, что новые способы коммуникации организуют мир в «транснациональные социальные

пространства», «негосударственное общество», отмеченные наличием «виртуальной экономики», «виртуальной политики», «виртуальной культуры» [23]. Все это свидетельствует о возникновении глобальных культур, существующих вне определенного контекста и в большей степени не привязанных к месту и времени. Причем, привязанность к месту не исчезает полностью, а трансформируется в другой род привязанности через информационные потоки, в среде которых и возникает территориально незакрепленное общество.

Новое видение природы социальных взаимодействий повлекло за собой трансформацию старых представлений и обновление лексической составляющей мировосприятия для объяснения нематериальной природы виртуальных сообществ. Формирование концептуально нового мировосприятия способствует обогащению традиционных навыков участников социальных взаимодействий в виртуальной среде новыми правилами практической деятельности, основанными на растущей потребности в воображении и творчестве.

Таким образом, становится понятно, что глобалистику вполне можно рассматривать как определенный набор методик для решения глобальных проблем современности в условиях виртуализации общества. При этом собственно виртуальность понимается как возможность социального взаимодействия без непосредственного личного контакта в мире взаимозависимых обществ и цифровой революции, изменяющей облик современной цивилизации, способствующей продвижению в виртуальное измерение. Не случайно поэтому, учитывая, что современные информационные технологии изменили восприимчивость человека, Б.В. Марков заявляет о смене формы философствования, отмеченной установкой на оттачивание навыков ориентации в образах [24]. Формируемые СМИ «аналоговые реальности» пользуются большим спросом и способны формировать стереотипы, изменять фундаментальные структуры сознания (эмоции, память, воображение).

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что концепция «виртуализации» способна отображать довольно разнородные процессы и явления социальной жизни, преодолевая фрагментарные представления о современном обществе. В свою очередь, анализ различных точек зрения отечественных и зарубежных мыслителей по вопросу виртуализации социальной реальности с очевидностью демонстрирует активное формирование категориального аппарата виртуалистики и возникновение специфических теоретических тенденций.

Literature:

1. Luginina A.G. Postmodernism as a methodology of socio-cultural design / A.G. Luginina // «Integration of science and education: socio-cultural design»: Materials of the scientific and practical conference. Krasnodar, 2004. P. 51–59.

Литература:

1. Лугинина А.Г. Постмодернизм как методология социокультурного проектирования / А.Г. Лугинина // «Интеграция науки и образования: социокультурное проектирование»: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 51–59.

2. *Лугинина А.Г.* Виртуализация реальности и потеря культурной идентичности / А.Г. Лугинина // «Философия и будущее цивилизации»: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса : в 5т. М., 2005. Т. 3. С. 561–562.
3. *Лугинина А.Г.* Виртуализация как метод культурологического познания / А.Г. Лугинина // «Методология и методы культурологического знания и исследования». Сборник статей научно-практической конференции. Краснодар, 2006. С. 115–121.
4. *Лугинина А.Г.* Виртуализация как феномен информатизации / А.Г. Лугинина // «Глобализация и социальные изменения в современной России»: Тезисы докладов и выступлений III Российского социологического конгресса : в 16 т. М., 2006. Т. 5: Социальная информатика. С. 59–61.
5. *Лугинина А.Г.* Идея Р. Барта о переводе зрительных образов на язык словесных знаков в контексте теории виртуализации / А.Г. Лугинина // «Образование – наука – технологии». Материалы XIII Недели науки МГТУ: IX Всероссийская научно-практическая конференция. Майкоп, 2006. С. 83–85.
6. *Лугинина А.Г.* Социально-философские аспекты формирования феномена виртуальной реальности в рамках Франкфуртской школы / А.Г. Лугинина // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 8. С. 18–26.
7. *Margarita S.* População russa sob as condições de auto-isolamento análise de problemas e condições transformativas do comportamento social no aspecto da virtualidade / S. Margarita [et al.] // Laplage em Revista (Sorocaba). Vol. 6. № Extra C. Sept.-Dek. 2020. P. 152–160. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-C637>
8. Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице» / Под ред. Глейна Йеффета. М. : Ультра. Культура, 2003. 312 с.
9. *Датюк С.* Теория виртуальности. Киев, 2008. URL : <http://www.uis.kiev.ua/xyz/tv/tv-book.htm> (дата обращения 12.12.2020).
10. *Стерлинг Б.* Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке? / Б. Стерлинг; Пер. с англ. И. Цибизовой. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 264 с.
11. Интернет в общественной жизни: Сб.ст. / Пер. с англ. А. Смирнов. М. : Идея-Пресс, 2006. 160 с.
12. *Войскунский А.Е.* Метафоры Интернета / А.Е. Войскунский // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79.
13. Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии: Сб. науч. ст. / Пер. с англ. Т. Давыдовой; Под ред. Питера Ладлоу. Екатеринбург : Ультра.Культура, 2005. 600 с.
2. *Luginina A.G.* Virtualization of reality and loss of cultural identity / A.G. Luginina // «Philosophy and the future of civilization»: Theses of reports and speeches of the IV Russian Philosophical Congress : in 5t. M., 2005. Vol. 3. P. 561–562.
3. *Luginina A.G.* Virtualization as a method of cultural cognition / A.G. Luginina // «Methodology and methods of cultural knowledge and research». Collection of articles of the scientific and practical conference. Krasnodar, 2006. P. 115–121.
4. *Luginina A.G.* Virtualization as a phenomenon of informatization / A.G. Luginina // «Globalization and social changes in modern Russia»: Abstracts of reports and speeches of the III Russian Sociological Congress : in 16 vol. 2006. Vol. 5: Social Informatics. P. 59–61.
5. *Luginina A.G.* The idea of R. Bart on the translation of visual images into the language of verbal signs in the context of the theory of virtualization / A.G. Luginina // «Education-science-technologies»: Materials of the XIII Week of Science of MSTU: IX All-Russian Scientific and practical Conference. Maykop, 2006. P. 83–85.
6. *Luginina A.G.* Socio-philosophical aspects of the formation of the phenomenon of virtual reality in the framework of the Frankfurt school / A.G. Luginina // Socio-humanitarian knowledge. 2006. № 8. P. 18–26.
7. *Margarita S.* População russa sob as condições de auto-isolamento análise de problemas e condições transformativas do comportamento social no aspecto da virtualidade / S. Margarita [et al.] // Laplage em Revista (Sorocaba). Vol. 6. № Extra C. Sept.-Dek. 2020. P. 152–160. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-C637>
8. Take the Red Pill: Science, Philosophy and Religion in the Matrix / Ed. Glein Yeffet. M. : Ultra. Kultura, 2003. 312 p.
9. *Datsyuk S.* Theory of virtuality. Kiev 2008. URL : <http://www.uis.kiev.ua/xyz/tv/tv-book.htm> (date of application 12.12.2020).
10. *Sterling B.* The future has already Begun: What awaits each of us in the XXI century? / B. Sterling Trans. from the English by I. Tsibizova. Yekaterinburg : U-Factoriya, 2005. 264 p.
11. The Internet in public life: Sat. st. / Translation from English A. Smirnov. M. : Idea-Press, 2006. 160 p.
12. *Voiskunsky A.E.* Metaphors of the Internet / A.E. Voiskunsky // Questions of philosophy. 2001. № 11. P. 64–79.
13. Cryptoanarchy, cyberstates and pirate utopias: Collection of Scientific articles / Ed. Peter Ludlow. Yekaterinburg : Ultra. Culture, 2005. 600 p.

14. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / Г.М. Маклюэн; Пер. с англ. В. Николаева. 2-е изд. М. : «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. 464 с.
15. Форрестер Д. Мировая динамика / Д. Форрестер; Пер. с англ. А. Ворощука, С. Пегова. М. : ООО «Издательство АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 379 с.
16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина. М. : ООО «Издательство АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.
17. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
18. Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века / Т. Фридман; Пер. с англ. М. Колопотина. М. : АСТ МОСКВА, 2006. 601 с.
19. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб. : «Петербургское востоковедение», 2002. 224 с.
20. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; Пер. с англ. М.Б. Левина. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. 380 с.
21. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. А.В. Александровой. М. : ООО «Издательство АСТ». 2004. 474 с.
22. Маклюэн М. Средство само есть содержание / М. Маклюэн; Под. ред. Е.Г. Кривцовой // Информационное общество. Сборник научных трудов. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.
23. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек Пер. с нем.; А. Григорьева и В. Седельника. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
24. Марков Б.В. Человек в эпоху масс-медиа (символы эпохи Internet) / Б.В. Марков // Информационное общество. Сб. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 452–207.
14. McLuhan G.M. Understanding media: The external expansion of a person / G.M. McLuhan; Trans. from the English of V. Nikolaev. 2nd ed. M. : «Hyperborea», «Kuchkovo field», 2007. 464 p.
15. Forrester D. Mirovaya dinamika / D. Forrester; Trans. from the English A. Voroshchuk, S. Pegova. M. : ООО «Publishing House AST; SPb. : Terra Fantastica, 2003. 379 p.
16. Fukuyama F. The end of history and the last man / F. Fukuyama; Translated from the English by M.B. Levin. M. : LLC «AST Publishing House : CJSC NPP «Ermak», 2004. 588 p.
17. Huntington S. Who are we?: Challenges of the American national identity / S. Huntington; Translated from the English by A. Bashkirov. M. : LLC «AST Publishing House» : LLC «Transitkniga», 2004. 635 p.
18. Friedman T. Ploskom mir: A brief history of the XXI century / T. Friedman; Translated from the English by M. Kolopotina. M. : AST MOSCOW, 2006. 601 p.
19. Ivanov D.V. Virtualization of society. Version 2.0. SPb. : «Petersburg Oriental Studies», 2002. 224 p.
20. Naisbit D. Megatrendy / D. Naisbit; Translated from the English by M.B. Levina. M. : ООО «Publishing House AST», 2003. 380 p.
21. Fukuyama F. The Great Gap / F. Fukuyama Translated from the English by A.V. Alexandrova. M. : AST Publishing House, LLC, 2004. 474 p.
22. McLuhan M. The medium itself is the content/ / Information society. Collection of scientific works / M. McLuhan; Ed. by E.G. Krivtsova. M. : LLC «AST Publishing House», 2004. P. 341–349.
23. Beck W. What is globalization? / W. Beck; Translated from the German by A. Grigoriev and V. Sedelnik. M. : Progress-Tradition, 2001. 304 p.
24. Markov B.V. Man in the era of mass media (symbols of the Internet era) / B.V. Markov // Information Society. Sat. M. : LLC «AST Publishing House», 2004. P. 452–207.

Плоских Виктория Васильевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии,
Кыргызско-Российский
славянский университет им. Б.Н. Ельцина
vikentie @rambler.ru

Скрипников Валерий Александрович
магистрант КРСУ,
Кыргызско-Российский
славянский университет им. Б.Н. Ельцина
valeriy.skripnikov@inbox.ru

Влияние пандемии COVID-19 на event-индустрию Кыргызской Республики

■ ■ ■

Аннотация. В декабре 2019 года впервые была зафиксирована вспышка COVID-19 в Китае в городе Ухань. А уже в январе 2020 года всемирная организация здравоохранения объявила о чрезвычайной ситуации, после чего 11 марта COVID-19 был приравнен к чрезвычайной сильной эпидемии и получил статус особо опасной формы – пандемия. Эта проблема не прошла стороной и Кыргызстан, что не могло не отразиться и на судьбах его граждан, а также – на event-индустрии республики. Данная статья посвящена анализу этой темы в контексте последствий, которые оказала пандемия на эту отрасль экономики республики. В завершении публикации авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на столь нерадостное положение рассматриваемой сферы, event-рынок Кыргызской Республики способен на дальнейшее существование и процветание, в целом, ему лишь нужно время. А темпы, благодаря которым event-индустрия набрала свою популярность, сыграют лишь на руку в реинкарнации данной сферы.

Ключевые слова: event-индустрия, экономика, пандемия коронавируса, вакцинация, той-сервисы, ресторанный бизнес, киберспортивные мероприятия.

■ ■ ■

Данную статью хотелось бы начать с того что на наше время выпала участь пережить одно из глобальных потрясений в судьбах человечества. Историю данного периода обязательно будут изучать дети, сознание которых мы формируем на нынешнем этапе.

В декабре 2019 года впервые была зафиксирована вспышка COVID-19 в Китае в городе Ухань, а уже в январе 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о чрезвычайной ситуации, после чего 11 марта COVID-19 был приравнен к чрезвычайно сильной эпидемии и

Victoria V. Ploskikh
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Cultural Studies,
Kyrgyz-Russian Slavic University
named after B.N. Yeltsin
vikentie @rambler.ru

Valery A. Skripnikov
Master Student of KRSU,
Kyrgyz-Russian Slavic University
named after B.N. Yeltsin
valeriy.skripnikov@inbox.ru

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE EVENT INDUSTRY OF THE KYRGYZ REPUBLIC

■ ■ ■

Annotation. In December 2019, the outbreak of COVID-19 in China was first recorded in the city of Wuhan. And in January 2020, the World Health Organization declared an emergency, after which on March 11 COVID-19 was equated to an extremely strong epidemic and received the status of a particularly dangerous form - a pandemic. This problem did not pass by the side and Kyrgyzstan, which could not but affect the fate of its citizens, as well as the even-industry of the republic. This article is devoted to the analysis of this topic in the context of the consequences that the pandemic has had on this sector of the economy of the republic. At the end of the publication, the authors comes to the conclusion that despite such a bleak situation in the sphere under consideration, the event-market of the Kyrgyz Republic is capable of further existence and prosperity, in general, it only needs time. And the pace at which the event industry has gained its popularity will only play into the hands of the subsequent reincarnation of this sphere.

Keywords: event-industry, economy, coronavirus pandemic, vaccination, toy-services, restaurant business, esports events.

■ ■ ■

получил статус особо опасной формы – пандемия.

Данная пандемия не останется забытой в памяти людей, проживающих на территории Кыргызстана. Первые случаи заражения появились на территории нашей Республики 18 марта, а, уже спустя 3 дня, был введен режим чрезвычайной ситуации. Все вышеперечисленное не могло не отразиться на судьбах людей, живущих на территории Кыргызской Республики. Большинство предприятий подлежали временному закрытию на неопределенный срок. Люди массово уходили

на работу в онлайн режиме, в независимости от рода их деятельности, но стоит понимать, что не все структуры и органы власти были предназначены для дистанционной работы, а, следовательно, многие жители Кыргызстана были отправлены на карантин без возможности зарабатывать средства для своего существования. В 172 странах студенты и школьники были отправлены на каникулы во избежание массового скопления людей, для безопасности их здоровья и жизни, в число этих стран вошел и Кыргызстан.

Все вышеперечисленное не могло не отразиться на жизни людей и государства. Данная пандемия вылилась в рецессию, пожалуй, крупнейшую после Великой Депрессии 1929 года. Во многих городах и странах произошел спад производства и замедления темпов экономического роста.

На сегодняшний день всплеск заражения COVID-19 значительно снизился, с конца 2020 года ряд стран начал массовую вакцинацию от COVID-19. Большинство людей вернулись на работу в офлайн режиме; границы государств, которые были закрыты, постепенно начинают открываться, и многие люди наконец-то получили возможность вернуться к себе на родину. Но следует отметить, что жизнь современного человека вряд ли уже станет прежней – ему придется приспосабливаться под реалии сегодняшнего дня. Ношение масок, обрабатывание рук антисептиком теперь станет неотъемлемой частью жизни каждого гражданина, который стремится обеспечить себе и своим близким безопасное существование.

Весьма уместно перейти к рассматриваемой нами теме и посмотреть, как пандемия 2020 года отразилась на event-индустрии Кыргызской Республики.

После введения чрезвычайной ситуации, массово начали закрываться предприятия на территории Кыргызстана. Кинотеатры, торговые центры, театры, школы, университеты, рестораны, той-сервисы прекратили осуществлять свое функционирование. Многочисленный персонал был отправлен на карантин в большинстве случаев без содержания. Обратим свое внимание на организацию мероприятий, неотъемлемой частью которых являются:

- 1) помещение;
- 2) массовое скопление людей в одном месте.

Мы не видим смысла приводить еще что-либо в качестве аргументов, ведь уже этих двух вышеуказанных факторов будет достаточно, чтобы осознать всю глобальную катастрофу для event-индустрии Кыргызстана. В связи с запрещением массового скопления людей в одном месте, было отменено большинство мероприятий. Следует отметить, что люди, работающие в event-сфере, живут от «сезона к сезону», когда в определенный временной отрезок у них есть возможность получить заказы на организацию и проведение мероприятия больше, чем в другой промежуток времени. В event-индустрии более при-

быльные временные отрезки сменяются менее прибыльными днями в их рабочем календаре. Сама event-индустрия диктует нам такие правила, а мы решаем, принимать их или нет. Люди, давно работающие в рассматриваемой нами сфере, приняли условия этой игры.

Пандемия выпала на один из самых прибыльных временных отрезков не только для людей, ведущих мероприятия, но и для владельцев ресторанного бизнеса в Бишкеке. Свадебный сезон был пропущен – большинство мероприятий отменялись, ведь перенести дату празднования своего торжества было просто невозможно.

Большинство людей, которые работают в event-сфере, столкнулись с проблемой ранее невиданной. Они были лишены своего основного средства для существования. Ресторанные деятели, ведущие и организаторы мероприятий, фотографы, а также, люди, занимающиеся прокатом музыкального оборудования и т.д., получили сильнейших удар по своему бизнесу. По сути, COVID-19 громким голосом сообщил людям из event-индустрии, что им пора задуматься о новом деле для себя и своей семьи, ведь многие из них работают в event-сфере семьями. Это является одним из негативных факторов, потому что произошла большая утечка кадров, которые ранее не видели своего существования вне event-индустрии. Также, стоит помнить о том, что «современный человек привык каждодневно получать порцию новых впечатлений и эмоций, и в этом ему помогают различные мероприятия, где потребитель может не только получить свою долю положительных эмоций, но и принять непосредственное участие в мероприятии» [1, с. 88]. Теперь же, из-за последствий от пандемии общество было лишено необходимой человеку порции положительной эмоциональной разгрузки.

Во время пандемии наметилась тенденция перевода мероприятий в онлайн формат. Стали популярны все различные онлайн интернет платформы, например, такие как Zoom. Это программа была создана для организации видеоконференций, но в полной мере ее смогли оценить только благодаря COVID-19. Большинство учебных процессов, совещания, конференции были переведены в онлайн формат. Людям как никогда ранее стали нужны мероприятия, и в столь сложный период для человечества они сумели найти им альтернативную замену: создаются онлайн спектакли в театрах, были выведены на интернет платформы экскурсии по музеям, которые можно было посетить, создавались специальные онлайн аэропорты, где можно было бы совершить авиапутешествие в режиме онлайн. Живое общение было заменено виртуальным, и большинство людей к этому оказались не готовы, хотя и благодаря технологиям; в какой-то степени, удалось воссоздать отголоски прежней жизни, но виртуальный мир в полном объеме не смог, да и не сможет никогда заменить мир реальный.

Людям по-прежнему не хватало мероприятий в офлайн режиме, и они ждали, своего рода, Ре-

нессанса в экономической event-сфере. Но на данном рассматриваемом нами этапе, event-индустрия не только Кыргызстана, но и всего мира превратилась практически в руины. Если до этого времени в event-сфере происходило интенсивное наращивание потенциала и строительство империи – то пандемия стала ее крахом и гибелью. Но, как мы знаем, где происходит гибель – бывает, что за этим следует и расцвет.

Снятие ограничительных мер в Кыргызстане положительным образом отразилось на event-индустрии Республики. По-прежнему, проведение широкомасштабных мероприятий было запрещено, но это уже был первый глоток воздуха. Люди сами боялись организовывать встречи и отмечать семейные даты. Постепенно, когда в сознании людей закрепилась мысль о том, что жизни, которая была до пандемии уже не вернуть, они стали более лояльно относиться к событиям, которые диктует нам реальность. Постепенно, ранее отмененные мероприятия стали возобновляться. Большинство заведений по-прежнему не работало, театры и кинотеатры были закрыты, но Указ Президента о возможном проведении мероприятий с соблюдением всех санитарных норм, и на котором должно быть не более 50 человек, позволил event-индустрии вновь функционировать. Данный Указ действительно можно считать первым глотком свежего воздуха не только для event-индустрии, но и для всего народа, в целом, ведь большинство людей были, по сути, заперты на изоляции в окружении комнат без возможности выходить на улицу.

Сегодняшнее состояние event-индустрии в Кыргызстане совершенно не похоже на то состояние, в котором она находилась в прежнее время. На нынешнем этапе своего развития индустрия претерпела значительные изменения. Если ранее event-индустрия на территории Кыргызстана стремилась занять важные позиции в экономике нашего государства, то теперь это будет сделать гораздо сложнее, ведь, по сути, столь стремительно ранее развивавшаяся индустрия была заморожена. Произошла переоценка ценностей – люди больше не торопятся и не горят желанием тратить объемные суммы на организацию и проведение торжеств. На сегодняшнем этапе ее развития, если и организуются мероприятия – чаще всего, они представляют из себя небольшие семейные посиделки, которые пришли на смену грандиозным праздничным церемониям. «Особенностью комплекса маркетинга культурной организации является обязательное присутствие и участие потребителей, иначе, вся деятельность учреждения оказывается бессмысленной» [2]. Спрос на проведение массовых мероприятий в Кыргызстане значительно снизился. А снижение спроса естественным образом вселяет надежду на постепенное уменьшение предложений в event-сфере рассматриваемой нами Республики.

Следовательно, напрашивается вопрос: А есть ли будущее у event-рынка Кыргызстана? Ведь, уже большинство деятелей данной сферы успели перекавалифицироваться и сменить род своей

деятельности. А спрос на организацию мероприятий на сегодняшний день является столь не большим по отношению к пред-карантинной жизни. Скорее всего, агентства, у которых основной род деятельности – это организация event-мероприятий, на несколько лет будут вынуждены уйти с event-рынка в тень. Или же компании будут вынуждены перекавалифицироваться и, возможно, объединиться с другими компаниями в столь трудный период времени для всего человечества. Объединение компаний, хотя бы для создания совместными усилиями общих ивентов, может явиться неким толчком для спроса на организацию мероприятий на event-рынке Кыргызстана. Объединение компаний и создание общих ивентов – это, действительно, одно из наиболее перспективных направлений для решения этой проблемы в столь неблагоприятной ситуации на event-рынке Кыргызской Республики в постпандемийное время. К сожалению, крупнейших event-мероприятий в ближайшее время мы уже не увидим не только на территории Кыргызской Республики, но и во всем мире. Большинство крупных мероприятий было отменено, к ним следует отнести отмену такого ежегодного киберспортивного мероприятия, как TheInternational. Но следует понимать и учитывать желание людей.

На протяжении всего времени праздники являются неотъемлемой составляющей нашей жизни. Особенно важную роль они играют и занимают особенное место в менталитете кыргызского народа. По мере усиления инстинктивного желания человека, мы с большой вероятностью уверены в том, что именно свадебные мероприятия могут явиться феноменом восстановления и без того, находящейся в крайне не выгодном положении, event-индустрии кыргызского государства на сегодняшний день.

«Мероприятия, обычно, представляют из себя сложный комплекс действий и подготовки, работа над которым занимает много времени и требует определенный набор знаний» [3, с. 79]. Как только спрос на проведение и организацию event-событий будет восстановлен, можно вновь говорить о расцвете event-индустрии.

Следует учитывать, что event-сфера очень молода, она и так совершила скачек в своем развитии для того, чтобы занять одни из ведущих мест в экономике государств. В Кыргызстане на сегодняшний день происходит стагнация event-индустрии, ведь прошло относительно небольшое количество времени после пандемии. И, несмотря на не столь радостное положение дел в рассматриваемой нами сфере деятельности, мы более чем уверены в том, что event-рынок Кыргызской Республики способен на дальнейшее существование и процветание, в целом – ему лишь нужно время. А темпы, благодаря которым event-индустрия набрала свою популярность, сыграют лишь на пользу в последующей реинкарнации данной сферы.

За время этого кризиса мы поняли самое главное – имея все блага мира, человеческая жизнь остается во главе угла.

Литература:

1. *Зорченко С.В.* Event – мероприятие как составляющая часть коммуникационной деятельности организации (на примере образовательных учреждений) ВКР. Барнаул, 2019.
2. *Шекова Е.Л.* Особенности маркетинга некоммерческих организаций культуры: российский опыт. дата публикации: 15.11.2002. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-marketinga-nekommercheskih-organizatsiy-kultury-rossiyskiy-opyt-1> (дата обращения 27.05.21).
3. *Ковалева Т.А.* Маг. дис. Экономическое обоснование проекта открытия предприятия в области досуговых услуг в городе Красноярске. Красноярск, 2016.

Literature:

1. *Zorchenko S.V.* Event as part of the communication activities of the organization (on the example of educational institutions) of the WRC. Barnaul, 2019.
2. *Shekova E.L.* Features Marketing of Non-Profit Cultural Organizations: Russian Experience. Publish Date: 15.11.2002 E-resource URL : <https://cyberleninka.com.au/article/n/osobennosti-marketinga-nekommercheskih-organizatsiy-kultury-rossiyskiy-opyt-1> (date of application 27.05.21).
3. *Kovaleva T.A.* Mag. dis. The economic justification for the project to open a leisure services business in Krasnoyarsk. Krasnoyarsk, 2016.

Пчегатлук Светлана Калачериевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Даниелян Андрей Гарикович
студент, кафедра социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
Andreidanielyan2000@gmail.com

СЕПАРАТИЗМ КАК ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается феномен сепаратизма на примере автономных регионов Испании, Великобритании и России. Уделяется внимание происходящей трансформации партийно-политического пространства в странах Европы. Предпринята попытка понять, как пандемия COVID-19 повлияла на сепаратистские настроения в этих регионах. Изучены теоретические подходы к проблеме. На основе исследований делается вывод о том, что, несмотря на повсеместность распространения коронавируса и прочих факторов, жители Испании и Великобритании не забыли про существующие политические и социальные проблемы, а напротив, стали уделять им большее внимание. В России же не наблюдался такой тренд.

Ключевые слова: сепаратизм, пандемия, Европа, автономизм, ирредентизм, Испания, Россия, Великобритания.

■ ■ ■

В социальном пространстве современного общества на европейском континенте идет процесс постоянного образования конфликтных зон. Следует признать, что именно пандемия COVID-19 существенно обострила экономические, политические и другие противоречия в мире не только между суверенными государствами, но и между государством и его регионами.

Прежде всего, это происходит в тех странах, которые имеют в своем составе сепаратистские области, требующие независимости.

Пандемия, в данном случае, выступила в качестве некоего «спускового крючка», которая нарушила привычные рамки функционирования и без того хрупких региональных политических систем и заставила полыхать с новой силой крупнейшие очаги сепаратизма в Европе [1].

Svetlana K. Pchegatluk
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Sociology,
Law and Personnel Management,
Kuban State
University of Technology
emirtu@yandex.ru

Andrei G. Danielyan
Student Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State
Technological University
dreidanielyan2000@gmail.com

SEPARATISM AS A PHENOMENON OF EUROPEAN CULTURE IN PANDEMIC CONDITIONS

■ ■ ■

Annotation. The article examines the phenomenon of separatism on the example of the autonomous regions of Spain, Great Britain and Russia. Attention is paid to the ongoing transformation of the party-political space in European countries. The author is trying to understand how the COVID-19 pandemic has impacted separatist sentiments in these regions. Theoretical approaches to the problem are studied. Based on the research, it is concluded that despite the ubiquity of the spread of coronavirus and other factors, the inhabitants of Spain and the UK have not forgotten about the existing political and social problems, but, on the contrary, have begun to pay more attention to them. In Russia, however, such a trend was not observed.

Keywords: separatism, pandemic, Europe, autonomy, irredentism, Spain, Russia, the United Kingdom.

■ ■ ■

В настоящее время наблюдается актуализация познавательного интереса к проблематике, связанной с феноменом сепаратизма в мире. Однако на фоне постоянно увеличивающегося количества научных работ по данной теме возникает неправильное толкование сепаратизма и, соответственно, сепаратистов. Как правило, сепаратистами называют население, политические движения и партии той или иной страны, которые выступают исключительно за полную независимость. Но определение сепаратизма включает в себя не только такие кардинальные требования, как отделение части территории от государства и обретения независимости, но также и простое получение широкой автономии.

Если говорить о современной трактовке сепаратизма, можно выделить три основных типа этого феномена:

- собственно сам сепаратизм как стремление к созданию независимого центра власти;
- автономизм – наиболее слабая степень сепаратизма. Некоторые зарубежные и отечественные исследователи выделяют автономизм как раннюю стадию сепаратизма в противовес сецессионизму. Также, его рассматривают как инструментальный сепаратизм для влияния на руководство страны. Сторонники автономизма, соответственно, стремятся получить лишь большую самостоятельность в рамках одного государства. Например, Корсика и Страна Басков от французского и испанского центральных правительств соответственно;
- ирредентизм – политическая идеология и политическое движение за воссоединение территорий, населенных одним этносом, в единое государство.

Сравнительный анализ публикаций юристов, социологов и экономистов на тему причин современного сепаратизма в Европе показывает, что, несмотря на различные подходы к данной теме, у научного сообщества прослеживается следующая мысль: у абсолютного большинства сепаратистских регионов подобные настроения основаны на отличающихся факторах и тенденциях, которые, в свою очередь, находятся в тесной связке с внутренней политикой того или иного национального государства (Д.Б. Кошербаев, О.Р. Булумбаев [2], Д.С. Бойцова [3], К.Г. Холодковский [4]).

Предполагалось, что в условиях пандемии сепаратистские регионы отложат в сторону политические требования и бросят все силы на спасение жизни людей. В начале эпидемии так и произошло: COVID-19 стал поводом для национального единения и единства. Не европейского, а именно национального. Де-факто, страны Европы собственными силами справлялись с распространением вируса на своих территориях без помощи ЕС. Со временем же радикальные политики поняли, что пандемия может помочь им достичь определенных политических целей.

Вообще, лидеры региональных европейских партий, выступающие за независимость от центральных правительств, уже давно в своих целях используют различные технологии. Есть как традиционные, например, политическая реклама, технологии пиар-коммуникаций, лоббизм и общение с гражданским обществом, так и новаторские. Сама по себе, критика центра по всем государственным вопросам всегда была актуальна у сторонников сепаратизма, но в начале 2020 года появился новый рычаг давления на эмоции людей – пандемия.

Ведь известно, что успех отделения региона от страны во многом обусловлен не рациональными предпосылками, а иррациональными. Так называемый «вирусный эффект», постепенно заполняет европейское пространство: Испанию, Соединённое Королевство, Италию, Бельгию, Германию, Францию и другие страны.

Вышеперечисленные страны, несмотря на все действия властей, в начале пандемии стали очагами коронавируса в Европе. Особое внимание стало уделяться попыткам федеральных политиков минимизации распространения COVID-19. Сторонники независимости начали критиковать системы здравоохранения центров и вводить свои (в основном похожие) меры борьбы с распространением коронавируса на территории подвластных регионов.

На данный момент уже можно сказать, что именно пандемия COVID-19 – один из источников сепаратистских настроений. С такой точкой зрения в условиях современности не согласиться уже просто нельзя – об этом свидетельствуют и многочисленные исследования. Например, согласно исследованию издания «BBC News Русская служба», жители Шотландии за время пандемии сильнее захотели отделиться от Англии [5].

«Русская служба Би-би-си» утверждает, что карантин и введение других ограничительных мер в совокупности с разницей в восприятии шотландцами медийных образов лидеров, Николы Стёрджен (глава правительства Шотландии) и Бориса Джонсона, и того, как они руководят борьбой с коронавирусом, подтолкнул людей к группе сторонников независимости. В проведенном исследовании данная группа оказалась в большинстве в 16 опросах подряд в течение полугода, с начала июня до начала декабря.

Решительность и эффективность Николы Стёрджен выглядит куда более притягательнее для шотландцев, чем Бориса Джонсона. В рамках исследования, проведенного «The WallStreet Journal», 72 % респондентов в Шотландии заявили, что правительство их региона «хорошо справляется с пандемией», в то время как уровень недовольных оказался всего лишь 15 %. Порядка 75 % опрошенных относятся негативно к прямым действиям Бориса Джонсона и его правительства [6].

Во многом, причина этого – политическая коммуникация лидеров в социальных сетях. Интернет, выступая изначально в качестве средства коммуникации, превратился в пространство политических коммуникаций, выступающее основой для формирования виртуальной реальности, отличной от традиционной.

«Видела новое обращение премьер-министра [по поводу постепенной отмены режима самоизоляции]. Это, конечно, ему решать, что лучше для Англии, но, учитывая критическую точку в борьбе с вирусом, в которой мы находимся, распоряжение о самоизоляции в Шотландии остаётся в силе», – написала в своём микроблоге Никола Стёрджен [7]. Подобные высказывания, как правило, всегда получают должный охват интернет-аудитории.

Вообще, говорить о своеобразной эффективности работы политиков в борьбе с коронавирусом весьма проблематично, поскольку сами по себе регионы даже одной страны различаются хотя

бы по такому показателю, как плотность населения. В Шотландии плотность населения в шесть раз меньше, чем в Англии. По данным национальной статистической службы Великобритании, в Шотландии проживает порядка 5,454 миллиона человек, против 56,28 миллиона в Англии [8]. Соответственно, скорость распространения коронавирусной инфекции в Шотландии меньше чем в Англии.

Тем не менее, как справедливо замечает «BBC News Русская служба», в шотландском регионе на декабрь 2020 года примерно в 15 раз меньше выявленных заражений и примерно в 13,5 раза – смертей.

В настоящий момент британское правительство готовит пакет новых мер экономической помощи своим регионам. В этой связи, интересно мнение старшего научного сотрудника Центра британских исследований Института Европы РАН Олега Охошина [9], который считает, что региональную экономику в Соединённом Королевстве неизбежно ожидает полоса рецессии, которая затянется на несколько лет. Как и в других странах, здесь серьезно пострадал бизнес, и многие люди встали в очередь за пособиями по безработице.

Аналогичные проблемы наблюдаются и на Пиренейском полуострове – в Испании. «Испания – это безработица и смерть, Каталония – жизнь и будущее», – заявила глава торговой палаты Каталонии Джоан Канаделл [10].

Страна на юге Европы уже не одно десятилетие пытается решить проблему сепаратизма в своих границах. Пандемия и здесь сыграла роль катализатора. После политического кризиса 2017 года в Каталонии к власти всё равно пришли сторонники независимости, несмотря на попытки Мадрида этого не допустить. По итогам региональных выборов, которые были омрачены пандемией коронавируса, сепаратисты укрепили большинство в парламенте [11].

Каталония – весьма густонаселенный регион Испании, по которому коронавирус ударил очень сильно. На 2020 год автономный регион находился на втором месте по смертности среди испанских регионов после Мадрида. Каталонские сепаратисты говорят, что регион в середине марта просил ввести меры самоизоляции и закрыть не жизненно важные производства, но центральное правительство полностью одобрило эту инициативу только в конце месяца. Из-за этого драгоценное время было потеряно и в Каталонии произошло много летальных исходов, которых можно было избежать [12]. Сторонники отделения уверены, что будь Каталония независимой, она ввела бы карантин раньше и сделала его жестче, что позволило бы избежать множества смертей.

Совершенно логично поднимается вопрос о влиянии пандемии на сепаратистские настроения в различных обществах. Если в Соединённом Королевстве, Испании и других странах пандемия ухудшила внутреннее положение дел национальных государств, то в Российской Федерации картина образовалась совсем другая.

Никто не будет спорить, что проблема сепаратизма есть и в России, однако, в силу жесткого законодательства политические лидеры и гражданские организации призывы к отделению, как правило, не произносят. В России публичные призывы к сепаратизму уголовно наказуемы (ст. 280.1 УК РФ). После фактического присоединения Крыма к России в 2014 году данная статья нашла своё отражение в Уголовном кодексе РФ. Проведение «референдумов» также оказалось вне закона – организация «референдума» наказывается штрафом в размере 100 тысяч рублей или лишением свободы на срок до семи лет.

Ключевыми моментами, конечно, еще являются и уровень политического сознания, развитие гражданского общества, природно-географический фактор, уровень экономических и информационных связей между регионами и сформировавшийся политический режим в исследуемых странах. На основании доступной статистики можно утверждать, что Россия по определённым показателям заметно уступает Испании и Соединённому Королевству.

В силу вышесказанного, логично рассмотреть лишь призывы, которые можно охарактеризовать как сепаратистские. Так, в апреле 2020 года стало известно, что Чечня первой среди регионов РФ закрывает границы для жителей других регионов из-за коронавируса. Введение подобной «полной изоляции» понравилось далеко не всем, в первую очередь – федеральным властям. Премьер министр РФ Михаил Мишустин заявил, что перекрытие административных границ в регионах недопустимо, любые ограничения должны быть адекватными ситуации и мерам, введенным президентом и правительством [13].

Другими словами, пандемия коронавирусной инфекции в совокупности с иными проблемами и противоречиями национальных государств может, как сыграть роль объективного неблагоприятного обстоятельства, которое определит новый уровень развития сепаратизма на территории конкретной страны, так и стать «общенациональной проблемой», решение которой займутся даже самые противоречивые регионы государства [14].

Пандемия COVID-19 оказала резонансное воздействие на политические системы многих государств. Перед лицом угрозы жители европейского континента не забыли про существующие политические и социальные проблемы, а напротив, стали уделять им большее внимание. Этот тренд закрепился не во всех странах, а в тех, где по сей день остается актуальной проблема внутреннего сепаратизма. Вызванный коронавирусом шок был настолько сильным, а его последствия столь масштабными, что в обществе утвердилось мнение о глубоких и неизбежных переменных. Происходящая трансформация партийно-политического пространства в странах Европы даёт основания для формирования новой системы взаимодействия регионов с центром, которая бы отвечала интересам двух заинтересованных сторон.

Литература:

1. *Маслова Е.А.* Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы / Е.А. Маслова, Дж. Савино // Современная Европа. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-po-italyanski-stress-test-dlya-politicheskoy-sistemy> (дата обращения 06.02.2021).
2. *Кошербаев Д.Б.* Предпосылки, причины возникновения и методы борьбы с сепаратизмом / Д.Б. Кошербаев, О.Р. Булумбаев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-prichiny-vozniknoveniya-i-metody-borby-s-separatizmom> (дата обращения 07.02.2021).
3. *Бойцова Д.С.* Причины сепаратистских настроений в северной Италии / Д.С. Бойцова // МНИЖ. 2017. № 6-1(60). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-separatistskih-nastroeniy-v-severnoy-italii> (дата обращения 07.02.2021).
4. *Холодковский К.Г.* Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI века / К.Г. Холодковский // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-separatizma-v-zapadnoy-evrope-xxi-veka> (дата обращения 07.02.2021).
5. BBCNews Русская служба // Вирусный эффект. Шотландцы за время пандемии сильнее захотели отделиться от Англии URL : <https://www.bbc.com/russian/features-55323580> (date of application 09.02.2021).
6. The Wall Street Journal // Boris Johnson Takes His Fight Against Scottish Independence to Scotland URL : <https://www.wsj.com/articles/boris-johnson-takes-his-fight-against-scottish-independence-to-scotland-11611841708> (date of application 09.02.2021).
7. Twitter // Nicola Sturgeon (@NicolaSturgeon) URL : <https://twitter.com/NicolaSturgeon> (date of application 12.02.2021).
8. Office for National Statistics // Population estimates URL : <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates> (дата обращения 13.02.2021).
9. International Studies // «Шотландское правительство не до конца осознает цену свободы региона». URL : <https://internationalstudies.ru/shotlandskoe-pravitelstvo-ne-do-kontsa-osoznaet-tsenu-svobody-regiona/> (дата обращения 13.02.2021).
10. Reuters // Catalan separatists use coronavirus crisis to argue for independence. URL : <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-spain-catalonia-idUSKBN22B2AW> (дата обращения 13.02.2021).
11. BBCNews Русская служба // Странники независимости Каталонии впервые завоевали большинство на выборах URL : <https://www.bbc.com/russian/news-55323580>

Literature:

1. *Maslova E.A.* Pandemic in Italian: a stress test for the political system / E.A. Maslova, J. Savino // Modern Europe. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-po-italyanski-stress-test-dlya-politicheskoy-sistemy> (date of application 06/02/2021).
2. *Kosherbaev D.B.* Prerequisites, causes and methods of combating separatism / D.B. Kosherbaev, O.R. Bulumbaev // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2017. № 4-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-prichiny-vozniknoveniya-i-metody-borby-s-separatizmom> (date of application 02/07/2021).
3. *Boytsova D.S.* Causes of separatist sentiments in northern Italy / D.S. Boytsova // MNIZh. 2017. № 6-1(60). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-separatistskih-nastroeniy-v-severnoy-italii> (date of application 02/07/2021).
4. *Kholodkovsky K.G.* Features of separatism in Western Europe of the XXI century / K.G. Kholodkovsky // South-Russian journal of social sciences. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-separatizma-v-zapadnoy-evrope-xxi-veka> (date of application 07.02.2021).
5. BBC News Russian Service // Viral Effect. During the pandemic, the Scots wanted more to secede from England URL : <https://www.bbc.com/russian/features-55323580> (date of application 02/09/2021).
6. The Wall Street Journal // Boris Johnson Takes His Fight Against Scottish Independence to Scotland URL : <https://www.wsj.com/articles/boris-johnson-takes-his-fight-against-scottish-independence-to-scotland-11611841708> (date of application 09/02/2021).
7. Twitter // Nicola Sturgeon (@NicolaSturgeon) URL : <https://twitter.com/NicolaSturgeon> (date of application 12/02/2021).
8. Office for National Statistics // Population estimates URL : <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates> (date of application 13/02/2021).
9. International Studies // «The Scottish government is not fully aware of the price of the region's freedom». URL : <https://internationalstudies.ru/shotlandskoe-pravitelstvo-ne-do-kontsa-osoznaet-tsenu-svobody-regiona/> (date of application 13/02/2021).
10. Reuters // Catalan separatists use coronavirus crisis to argue for independence. URL : <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-spain-catalonia-idUSKBN22B2AW> (date of application 13/02/2021).
11. BBC News Russian Service // Supporters of the independence of Catalonia won a majority in the elections for the first time URL : <https://www.bbc.com/russian/news-55323580>

bbc.com/russian/news-56076295 (дата обращения 15.02.2021).

12. *Яковлев П.П.* Испания в «красной зоне». Политическая перезагрузка в условиях пандемии / П.П. Яковлев // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ispaniya-v-krasnoy-zone-politicheskaya-perezagruzka-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения 18.02.2021).

13. Интерфакс: новости // Кадыров ответил на критику Мишустина о закрытии границ регионов URL : <https://www.interfax.ru/russia/702842> (дата обращения 18.02.2021).

14. *Тужба Э.Н.* Глобализация культуры: основные измерения и последствия / Э.Н. Тужба // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. Т. 15. № 1. С. 118–123.

bbc.com/russian/news-56076295 (date of application 15/02/2021).

12. *Yakovlev P.P.* Spain is in the «red zone». Political reset in a pandemic / P.P. Yakovlev // Free Thought. 2020. № 4 (1682). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ispaniya-v-krasnoy-zone-politicheskaya-perezagruzka-v-usloviyah-pandemii> (date of application 18/02/2021).

13. Interfax: news // Kadyrov responded to Mishustin's criticism of closing the borders of regions. URL : <https://www.interfax.ru/russia/702842> (date of application 18/02/2021).

14. *Tuzhba E.N.* Globalization of culture: main dimensions and consequences / E.N. Tuzhba // Scientific notes of the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work. 2011. Vol. 15. № 1. P. 118–123.

Тахтамышев Владимир Григорьевич
доктор философских наук,
профессор кафедры
философии и истории Отечества,
Ростовский государственный
университет путей сообщения
tahtamishev2012@yandex.ru

Рюмина Марина Сергеевна
ассистент кафедры
философии и истории Отечества,
Ростовский государственный
университет путей сообщения
rms_1980@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается кризис современной модели образования как следствие не только кризиса национальной культуры и национального государства, но также кризис современной культуры вообще. Под вопросом оказывается способность образования выполнять воспитательную функцию и культурно-транслирующую функцию – передачи культурного опыта и формирования личности. Кризис культуры в условиях глобализации приводит к размыванию мировоззренческих и ценностных ориентиров современного образования, поскольку современная массовая культура транслирует иные ценности и ориентиры, нежели система образования, и система образования ничего не может противопоставить. Авторитет университетских культурных экспертов оказался подорван. Важнейшие функции образования в воспроизводстве национальной культуры и воспитания гражданина оказываются сегодня под вопросом.

Ключевые слова: образование, индивид, общество, культура, национальное государство, массовая культура, функции образования, кризис образования, кризис идентичности.

■ ■ ■

Человеческие общества в любую эпоху нуждались в механизмах передачи культурного опыта, это обусловлено особенностями человека как культурного существа. Человек не наследует культуру, он обучается ей, и передача культуры от поколения к поколению является базовым процессом, поддерживающим существование общества во времени, обеспечивающим воспроизводство социальной структуры, базовых институтов общества. Освоение культуры для каждого отдельного человека индивида позволяет встраиваться в систему установленных социальных отношений, обеспечивает вживание в определенную социальную роль.

Культура детерминирует выбор каждым человеком определенных моделей поведения, доступные ему в границах его индивидуальных физи-

Vladimir G. Takhtamyshev
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department
Philosophy and History of the Fatherland,
Rostov State
University of Railways
tahtamishev2012@yandex.ru

Marina S. Ryumina
Assistent of Department
of Philosophy and History of Russia
Rostov State Transport University
rms_1980@mail.ru

CULTURAL ASPECTS OF THE CRISIS OF MODERN EDUCATION

■ ■ ■

Annotation. The article considers the crisis of the modern model of education as a consequence not only of the crisis of national culture and the national state, but also of the crisis of modern culture in general. The ability of education to perform an educational function and a cultural and broadcasting function – the transfer of cultural experience and personality formation – is in question. The crisis of culture in the context of globalization leads to the erosion of the worldview and value guidelines of modern education, since modern mass culture broadcasts values and guidelines other than the educational system, and the educational system cannot oppose anything. The authority of university cultural experts was undermined. The most important functions of education in the reproduction of national culture and the education of citizens are now in question.

Keywords: education, individual, society, culture, national state, mass culture, educational functions, educational crisis, identity crisis.

■ ■ ■

ческих и умственных способностей. «Человеческий материал имеет тенденцию оформляться самостоятельно, но он определяется культурной социализацией» [1, с. 229–230]. В любом обществе новому поколению еще с ранних лет передается стандартная ценностная картина, поведенческие модели, которые предназначены индивидам разной гендерной, социальной и профессиональной принадлежности.

В процессе передачи культуры не только воспроизводится общество, но и формируется человеческая личность, формируется не стихийно, а в соответствии с тем представлением о человеке, которые сложились в данной культуре. Для успешного интегрирования индивида в общество оно должно предоставить ему смысл существования как социального, так и индивидуального.

Передача культурного опыта является тем процессом, который на протяжении веков связывал воедино индивида и общество.

В процессе развития общества менялись и формы трансляции культуры. С переходом от архаичного, практически доисторического состояния к первым цивилизациям, от устной традиции – к письменной фиксации информации, человечество сделало огромный шаг в своем развитии. В архаичных обществах в условиях отсутствия письменности и других форм фиксации информации единственным способом передачи культурного опыта была устно передаваемая традиция. К тому же, объем культурной информации, которую должен освоить индивид архаичного общества, был весьма невелик, так как ограничен возможностями человеческой памяти. Усложнение социальной жизни и культуры, привело к возрастанию объема культурной информации, что потребовало выработку специальных навыков ее освоения и обусловило необходимость возникновения образования как специализированной деятельности. Передача культурного опыта впервые была изъята из процесса повседневного взаимодействия и превратилась в особую сферу общественных отношений. Первоначально это касалось относительно небольшой части общества и относительно небольшого объема транслируемой информации, но это был революционный шаг в эволюции образования. Была осознана необходимость целенаправленного обучения, ведь в мире традиции никто не проблематизировал проблему обучения, оно осуществлялось естественно, в ходе взаимодействия и совместной деятельности, трудовой и ритуальной.

Овладение грамотностью в школах Древнего Египта имело целью изучение религиозных текстов. Завершение образования оформлялось древним архаичным обрядом инициации – посвящения в статус взрослого, цель которого – «освятить» сам факт изменения статуса, социального перерождения [2]. В Древнем Египте все обряды, как и социальное устройство общества, в целом, считались установленными богами. Происхождение общества, в целом, и отдельных его институтов – власти, традиций, ритуалов, семьи – объяснялось деятельностью богов, героев или обожествляемых предков. В древних цивилизациях религиозными смыслами было пропитано все культурное пространство. Поэтому перед школами не стояла задача целенаправленной трансляции религиозных смыслов. Само общество мыслилось как часть сакрального миропорядка, совершенного и не подлежащего изменению иначе как по воле богов или Бога.

Возникновение специализированной образовательной деятельности вызвало в некоторых древних обществах рефлексию о самом процессе образования, его формах и целях. Наиболее ярким примером является греческая философия образования, греческая пайдейя, представлявшая собой один из самых совершенных «образовательных проектов», созданных человечеством. Пайдейя, как и любая образовательная система, была обусловлена потребностями об-

щества, породившего её, и была призвана формировать человека, в наибольшей степени приспособленного для самореализации именно в этом обществе. Это характерно для всех устойчивых моделей образования.

На протяжении большей части человеческой истории человек не знал иных способов самореализации, чем самореализация через исполнение той или иной социальной роли.

Традиционные общества – общества с устойчивой социальной структурой, часто ярко выраженным социальным неравенством, предписанными социальными статусами, жесткими моделями поведения, связанными с тем или иным социальным статусом. Они кажутся нам несвободными и удушающими личность. Но эти общества не знали одной проблемы, которая является весьма болезненной для современных обществ – проблемы экзистенциального кризиса, проблемы отсутствия смысла жизни и необходимости мучительного самоопределения. Это было обусловлено спецификой культурной легитимации социального порядка в этих обществах, где культура, общество и индивид являются целостной системой.

Традиционные общества опирались на религиозное мировоззрение. Пользуясь выражением Т. Парсонса, можно сказать, что применительно к этим обществам термин «культура» синонимичен термину «религия». Религия представляла собой тотальную смысловую систему, не только объяснявшую, но и узаконивавшую при помощи сакрального авторитета существующий социальный порядок [3].

Освоение культурного опыта имело высшее смысловое обоснование, определяло самоидентификацию индивида, его место в обществе. В рамках такой системы смысловых координат социальный статус и социальная роль индивидов не были чем-то случайным. Они были частью сакрального космоса, сакрального мира. Любой образец значимого социального поведения имел сакральный образец либо сакрального покровителя, как имели их и социальные общности. Каждый индивид, даже занимавший низшие этажи в социальной иерархии имел высшее предназначение именно в исполнении своих социальных функций.

Таким образом, единая мировоззренческая система обеспечивала прочную связь индивида и общества, общества и мира, и не только предписывала обязанности и налагала ограничения, зачастую весьма жесткие, но и обеспечивала каждого индивида четким представлением о смысле его существования, причем этот смысл не был чем-то отвлеченно-теоретическим – он совпадал с исполнением определенной социальной роли. Именно через свои социальные функции человек соучаствовал в функционировании мира и обеспечивал свою благую участь даже после смерти.

В древних цивилизациях существовали различные механизмы и каналы трансляции культурных

содержаний. Значимым было не только наличие такого содержания, но и освящение в его рамках всего социального уклада. Существование человека настолько не противоречило религиозным смыслам, что Э. Дюркгейм именно на примере традиционных обществ выявил социальное как источник сакрального, священного, и эта идея получила широкое распространение в исследованиях религии в XX веке [4, p. 15].

Случавшиеся в истории древних обществ мировоззренческие кризисы, преодолевались, как правило, созданием новых религиозных систем. Они вновь восстанавливали целостность сакрального космоса и целостность сакрального социального порядка, предусматривающего единство индивида и общества. Однако мировоззренческий кризис, начавшийся на исходе средневековой эпохи европейской истории, имел уникальный характер. Пройдя через промежуточные в духовном плане эпохи – Возрождение, Реформацию и Просвещение – он привел к формированию принципиально новой модели общества, не искавшего легитимации через сакральный авторитет.

Особенность современного общества в выветривании сакрального смысла социального, не смотря на многовариантность представленных в обществе религиозных верований, что служит духовной предпосылкой экзистенциального обесмысливания социального бытия. Именно в такой ситуации индивид вынужден искать «самореализации» вне системы устоявшихся социальных ролей, тем более что в эпоху позднего модерна, «текущей современности», сами эти системы крайне подвижны и не дают возможности индивиду зафиксироваться в них надолго и сделать их основой для прочной идентичности.

Д. Белл в работе «Грядущее постиндустриальное общество» писал: «В постиндустриальном обществе разделенность культуры и социальной структуры способны усугубиться. ... технократическое общество не является обществом, облагораживающим человека. Материальные блага дают только мимолетное удовлетворение или порождают примитивное чувство превосходства по отношению к тем, у которых их нет. Однако одной из наиболее глубоких движущих сил человека является стремление освятить социальные институты и системы верований, что сообщает смысл жизни и позволяет отрицать бессмысленность смерти. Постиндустриальное общество не в состоянии обеспечить трансцендентальную этику... [5]

Эпоха секуляризации превратила религию лишь в одно из возможных мировоззрений, а социальные институты стали объясняться исключительно в терминах исторического и социального развития. Среди многочисленных и разнообразных последствий этого духовного переворота было и разрушение гармоничного единства между индивидом и обществом, базирующегося на религиозном авторитете. Социальный статус и социальные идентичности, с одной стороны, больше не предписывались индивиду обществом, с другой – оказались полностью лишены какого-либо

значения кроме необходимости обеспечивать физическое существование индивида, при этом существование это было тем более комфортным, чем более высокий статус занимал индивид. Комфорт, условия жизни, стали, в конечном итоге, основным стимулом для борьбы за повышение своего статуса. Поскольку общество нового типа не имело идейных оснований для оправдания социального неравенства, стремление к обеспечению равных шансов стало одной из определяющих сил в его развитии. Системы образования в качестве одной из важных функций имели именно обеспечение равенства стартовых возможностей для выходцев из разных социальных слоев и стали одним из главных механизмов распределения индивида по статусным позициям. Подавляющее большинство индивидов в современном обществе, так или иначе, должно пройти через систему образования для получения определенной профессии, что позволит обрести собственный социальный статус и занять соответствующую позицию в социальной структуре.

Сложившиеся в эпоху классического модерна системы образования, апогей развития которых пришелся на середину XX века, успешно выполняли свои функции, однако в 1960-е годы впервые обозначился их глубокий кризис, который имел разные измерения и связан с разрушением той модели государства и общества, которые её породили. В частности, обнаружилось, что системы образования не очень успешно выполняют задачу выравнивания социальных шансов, и вместо преодоления социального неравенства способствуют его закреплению. Однако более важным был кризис образования, выразившийся в неудовлетворенности студенческой молодежью той формой и теми целями обучения, которые им предлагали образовательные учреждения. То, что вызывало стихийный протест студентов, было отрефлектировано в рамках социологического и философского анализа проблем образования, и привело к пониманию репрессивного характера обучения, трактовке образования как насилия, возникновению альтернативных проектов обучения, которые, однако, не имели успеха, да и не могли иметь, поскольку проблемы образования были порождены не самим образованием, а обществом, частью которого оно являлось.

Общество нового типа оказалось первым в истории, неуклонно развивавшим и совершенствовавшим массовую систему образования. Оно нуждалось в образовании, как никакое иное общество в прошлом.

Одной из причин этого было небывалое усложнение профессиональной структуры общества и его культуры. Невозможно было передавать необходимый для успешной социализации объем знаний вне специализированных институтов. Кроме этого в современных обществах практически полностью утратила значение традиция как механизм трансляции культуры от поколения к поколению. Модернизация разрушила традиционные сообщества и привела к формированию социальных общностей нового типа, прежде все-

го, наций. Если, например, в античности целью воспитания должно было бы воспитание идеального гражданина полиса, то в эпоху Нового времени на смену гражданину полиса приходит гражданин и подданный государства – сначала абсолютистского, а потом национального. Универсализм средневековой модели образования остается в прошлом. Разрушение европейской средневековой модели устройства общества, связанное с целым рядом факторов, особенно экономических, поставило проблему целенаправленного упорядочивания общественной жизни. В формирующемся обществе модерна традиционные общности распались, население приходило в движение. Институтом, которые взял на себя функцию социального контроля, стало формирующееся государство эпохи модерна – национальное государство. Оно должно было заменить регулятивные практики, ранее осуществлявшиеся общинами и другими стихийно сложившимися традиционными общностями, частью которых являлся индивид.

По мере формирования государства эпохи модерна, возникает новый горизонт осмысления образования – оно постепенно становится не образованием вообще, а национальным образованием, системой воспитания гражданина определенного государства и носителя определенной национальной культуры. Все это способствовало созданию в рамках национальных государств относительно гомогенной в культурном смысле среды, при этом среда эта не могла воспроизводиться стихийно, но нуждалась в целом социальном профессиональном слое, чьей функцией было ей поддержание во времени. Помимо задач культурной унификации и культурной социализации, системы образования решали также задачи профессиональной социализации и собственного воспроизводства, поскольку учителей тоже необходимо было учить.

Возникновение наций, формирование национальных государств, являвшихся в то же время массовыми обществами, требовало новых механизмов социальной интеграции разнородного многочисленного населения, населявшего обширные территории. Национальные системы образования стали важнейшими средствами решения этой задачи. Начиная со школы, они прививали членам национальных сообществ унифицированное мировоззрение, общие культурные ценности и нормы, поведенческие модели, идеологические убеждения. Университеты превратились в место культивирования «национальных культур», обеспечивающих культурную унификацию национальных государств [6]. Университет «вручает народу идею национального государства как жизненный ориентир, а нации-государству – народ, способный жить согласно этой идее» [7]. Государство берет на себя и функцию наставника и воспитателя, оно должно направлять индивида к правильным формам поведения.

Модель взаимозависимости университетов и государства, сложившаяся в эпоху раннего модерна и существовавшая еще в первой половине XX века, приходит в кризис в эпоху постмодерна,

потребительского общества и глобализации, когда само национальное государство, в какой-то степени, ослабевает, понятие «нация» утрачивает прежнюю мобилизующую силу в результате утверждения индивидуализма как способа жизни, понятие «гражданин» сводится лишь к рутинным практикам участия в ритуале выборов, а национальная культура становится все более размытой.

Важнейшая функция образования эпохи модерна – функция передачи культурного наследия и формирование лояльного гражданина. В массовых обществах эта функция жизненно необходима. Массовое общество (буржуазное, индустриальное) обладает специфической социальной структурой, предполагающей открытость социальной стратификации и, связанную с этим, достижительную модель получения социальных статусов. Поскольку статусы не наследуются, необходим другой механизм их получения, каким и становится образование. Но массовое общество обладает и другими особенностями, подразумевающими необходимость массового стандартного образования. В этом обществе, политически оформленном как национальное государство, необходимо формирование общей модели культуры, преодолевающей этнические, региональные, групповые различия. Необходима общая система культурных ценностей и норм, позволяющих атомизированным индивидам эффективно взаимодействовать, следовать общим правилам, соответствовать ожиданиям друг друга, даже не зная лично партнеров по взаимодействию. Массовое образование – не единственный институт, создающий подобные возможности, но один из важнейших. Поэтому стандартизация – важная черта современной модели образования. И именно эта стандартизация в условиях постсовременности перестает соответствовать веяниям времени. Единство национальных культур оказывается в условиях глобализации под вопросом и из-за роста культурной гетерогенности. Современная модель образования оказывается зажата между необходимостью поддерживать культурное единство и учитывать культурное многообразие.

Таким образом, кризис современной модели образования – это следствие не только кризиса национальной культуры и национального государства, но также кризис современной культуры вообще.

Охвативший современные общества кризис идентичности, свидетельствует о том, что национальная и гражданская идентичность утратили свое значение в сознании индивидов. В поисках новых идентичностей, как индивидуальных, так и коллективных, индивиды обращаются к открывающимся перспективам культурного многообразия, которые раннемодерные университеты стремились подавить, формируя единую унифицированную культурную модель. Ридингс отмечает: «Возникновение различных критических практик, ставящих под вопрос статус литературы и обращенных к массовой культуре, – это не причина упадка литературы, а его результат.

Подобные практики становятся возможными, когда связь между нацией-государством и ее виртуальными субъектами – связь, формирующую которой на протяжении истории служила университетская идея культуры (неважно, философской или литературной), перестает быть первичной основой обобщенной субъективности. ... Феминистские, гомосексуалистские, постколониальные исследования начинают разворачиваться, когда абстрактное понятие «гражданин» перестает быть адекватным и исчерпывающим описанием субъекта» [7].

Образование сталкивается также с важнейшей проблемой – проблемой подрыва авторитета самих интеллектуалов как хранителей и творцов правильного знания и культуры как таковой. СМИ и особенно телевидение сформировали новую модель приобщения к культуре, чем система образования, строившаяся на поэтапном освоении отобранных, авторитетных текстов, соответствующих различным областям знания. Само приобщение к культуре через систему образования подразумевало постепенный поэтапный допуск к знанию, направляемый педагогами. Таким образом, это был управляемый и регулируемый процесс, подразумевающий ранжирование не только постигаемого знания, но и самих постигающих.

СМИ и, главным образом, телевидение коренным образом изменили ситуацию освоения культуры. Появление информационных технологий и Интернета произвело качественный переворот в отношении не только к развлечениям, поставляемым массовой культурой, но к знанию вообще. Передача значения происходит не через освоение текстов, а через усвоение зрительной информации, где задействована скорее эмоциональная, чем рациональная сфера человеческой психики. Привычка к потреблению зрительных образов с раннего возраста приводит к тому, что многие молодые люди практически утрачивают навыки работы с текстами, а именно, на этих навыках до сих пор строится современное образование. Созерцание образов не требует интеллектуальных усилий и работы мышления, при этом человек узнает достаточно много фактов, позволяющих ему чувствовать себя информированным в самых разных областях жизни – от политики до особенностей жизни далеких экзотических племен.

Литература:

1. *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
2. *Монтэ. П.* Египет Рамсесов / П. Монтэ; Пер. с франц. М. : Наука, 1989.
3. *Parsons T.* The social system. London : Routledge and Kegan, 1951.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод. Предназначение. М., 1995.
5. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Академия, М., 2004.

Информация, передаваемая посредством телевидения и Интернета, практически никак не ранжирована – точнее, она ранжирована в соответствии с совершенно иными критериями, чем предполагает обучение в рамках образовательных систем. Более значимым является сенсационная информация, способная приковать интерес аудитории. Очевидно, что это будет не та информация, которая способствует просвещению аудитории, но скорее всего какой-нибудь политический скандал или катастрофа. Важно, что освоение информации, передаваемой телевидением, не требует предварительной подготовки.

Развитие массовой культуры породило феномен «знаменитости» – т.е. вызвало к жизни огромное количество авторитетов, чье мнение было важно для людей, хотя эти авторитеты могли и не иметь отношения к «правильной» культуре, воспроизводимой системой образования. Современная массовая культура транслирует аудитории иные ценности и ориентиры, нежели система образования, и система образования ничего не может противопоставить. Таким образом, и важнейшие функции образования в воспроизводстве национальной культуры и воспитания гражданина оказываются сегодня под вопросом. Что также усугубляет кризис современной модели образования. Авторитет университетских культурных экспертов оказался подорван.

Таким образом, современные процессы социального и культурного развития, возникновение новых вызовов, с которыми сталкиваются современные системы образования, усугубляют кризисные явления в нем. Однако кризис тех или иных социальных институтов всегда сопровождается возникновением новых социальных структур, берущих на себя те функции, которые переживающий кризис институт выполнить не в состоянии.

К каким результатам это приведет, покажет будущее. Пока же мы находимся в начале формирования общества, в котором образование перестает быть монополией официальными образовательными учреждениями, а становится нелокализованным социальным процессом, участие в котором, если речь идет о развитых обществах, доступно практически любому желающему.

Literature:

1. *Clakhon K.* Mirror for man. Introduction to anthropology. SPb., 1998.
2. *Monte P.* Egypt Ramses / P. Monte; Per. Translation from French. M. : Science, 1989.
3. *Parsons T.* The social system. London : Routledge and Kegan, 1951.
4. *Durkheim E.* Sociology. Her subject, her method. Purpose. M., 1995.
5. *Bell D.* A coming post-industrial society. Experience in social forecasting. Academy. M., 2004.

6. *Самыгин С.И.* Реформирование высшей школы: отказ от традиций классического образования / С.И. Самыгин; Отв. редактор В.А. Мансуров // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. 2020. С. 4290–4295.

7. *Ридингс Б.* Университет в руинах / Б. Ридингс // Отечественные записки. 2003. № 6. URL : <http://www.strana-oz.ru/2003/6/universitet-v-ruinah> (дата обращения 10.04.2021).

6. *Samygin S.I.* Reform of higher education: abandonment of the traditions of classical education / S.I. Samygin / S.I. Samygin; Editor-in-chief V.A. Mansurov // Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress. 2020. P. 4290–4295.

7. *Ridings B.* University in ruins / B. Ridings // Domestic notes. 2003. № 6. An electronic resource – URL : <http://www.strana-oz.ru/2003/6/universitet-v-ruinah> (date of application 10.04.2021).

Тужба Эмир Нодариевич
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ АБХАЗИИ: ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье проанализированы процессы, протекавшие в культурной сфере Абхазии с начала XX века. Показана роль Советской власти в утверждении новых принципов и норм, нового мировоззрения абхазского народа. В результате культурной революции, в Абхазии укрепилась абхазская национальная школа, сформировались кадры абхазской советской интеллигенции, получили развитие культурно-просветительные учреждения, ставшие важнейшим орудием воспитания трудящихся в духе идеалов социализма. Также, рассмотрена деятельность института культуры в постсоветский период, проблемы и перспективы его развития в современных условиях.

Ключевые слова: культурная политика, институты культуры, национальная школа, интеллигенция, народное творчество, культурная революция, идеология.

Абхазия обладает культурным наследием, которое базируется на традициях ее песенного и танцевального творчества, фольклора, народного декоративно-прикладного искусства, сложившихся под воздействием специфических географических, природно-климатических, исторических, социальных условий жизни, населяющих ее этносов.

В 20–80-х годах XX столетия в Абхазии утверждается Советская цивилизация, которая внесла коренные изменения в государственную, общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь народа. Новая система развивалась на основе материалистического философского учения и внедряла соответствующие этому мировоззрению нравственные ценности, законы и нормы человеческих отношений, вылившиеся в советский, социалистический образ жизни.

Разрушение патриархального уклада и образа жизни и формирование новых общественных и личностных отношений на основе атеистического мировоззрения изменили культурную и духовную жизнь абхазского народа. Социалистические нравственные принципы и нормы утвердились

Emir N. Tuzhba
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Sociology,
Law and work with personnel,
«Kuban State
Technological University»
emirtu@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE CULTURAL SPHERE OF ABKHAZIA: DYNAMICS AND PROSPECTS

Annotation. The article analyzes the processes that have taken place in the cultural sphere of Abkhazia since the beginning of the XX century. The role of the Soviet power in the establishment of new principles and norms, a new worldview of the Abkhaz people is shown. As a result of the cultural revolution, the Abkhaz national school was strengthened in Abkhazia, the cadres of the Abkhaz Soviet intelligentsia were formed, cultural and educational institutions were developed, which became the most important tool for educating the working people in the spirit of the ideals of socialism. The activity of the institute of culture in the post-Soviet period, problems and prospects of their development in modern conditions are also considered.

Keywords: cultural policy, cultural institutions, national school, intelligentsia, folk art, cultural revolution, ideology.

во всех сферах общественной жизни. Выросли новые, советские люди, с новым мировоззрением и взглядами, новыми жизненными установками и интересами.

Профессиональное искусство Абхазии выросло из художественного творчества народных масс. Слеты исполнителей народного творчества, которые проводились в районных центрах и в столице, позволяли выявить и отобрать для абхазского театра, профессиональных музыкальных, хоровых и хореографических коллективов не только талантливых исполнителей, артистов, но и замечательные мелодии, песни, хореографические номера, танцы и др.

Советское Правительство Абхазии уделяло большое внимание развитию абхазского профессионального искусства. Председатель ЦИКа Абхазии Н. Лакоба придавал исключительное значение вопросам укрепления материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовки кадров, изучения народного творчества. Для удовлетворения запросов трудящихся в области искусства было образовано Управление по делам искусства при ЦИКе Абхазии, которое

возглавил видный деятель абхазской национальной культуры К.Ф. Дзидзария [1].

Изменения коснулись и профессиональной театральной сферы Абхазии, были проведены важные мероприятия по ее укреплению и развитию. В 1932 году ЦИК Абхазии преобразовал Сухумский городской театр в Государственный театр Абхазии, значительно увеличив ассигнования и число штатных работников театра. Государственный театр Абхазии составил программу новых постановок, обширный план гастролей включавших города и села как самой Абхазии, так и за ее пределами.

Важным событием на пути становления и развития абхазского театрального искусства стало создание в 1930 году в столице абхазской драматической студии, которую возглавил режиссер В. Домогазов. В 1934 году состоялся первый выпуск, также в ней прошли первоначальную подготовку, ставшие впоследствии известными деятели абхазской театральной культуры – А. Агрба, Р. Агрба, Ш. Пачалиа, Л. Касландзия, М. Зухба, М. Кове, А. Аргун-Конашок, Е. Шакирбай, С. Кобахиа, И. Кокоскериа, Я. Чочуа и др. [2].

В абхазском театре в период его становления главенствовала национальная драматургия, которая отображала жизнь народа, его прошлое и настоящее.

В результате культурной революции, в Абхазии укрепилась абхазская национальная школа, сформировались кадры абхазской советской интеллигенции, получили развитие культурно-просветительные учреждения, развиваются абхазское книгоиздательство и национальная периодическая печать, ставшие важнейшим орудием воспитания трудящихся в духе идеалов социализма, формируется наука, быстрыми темпами развиваются абхазская литература и искусство.

Развиваясь национальная по форме, абхазская культура становится социалистической по содержанию, превращается в достояние широких трудящихся масс, выражает их коренные интересы. Основой общности психического склада абхазской социалистической нации является не только общность языка, территории и экономической жизни, но и морально-политическое единство общества, которое обусловило превращение абхазской советской культуры в культуру всего абхазского народа.

Новая общественная жизнь порождает новое общественное сознание, одерживает победу идеология пролетарского интернационализма и советского патриотизма, идеология марксизма-ленинизма, ставшая основой развития духовной культуры абхазской социалистической нации.

В постсоветский период, коренные трансформации охватили всю общественную жизнь территорий бывшего СССР. Это отрицание государственной, экономической, общественно-политической системы социализма, марксистского мировоззрения, а значит, культурных ценностей

и нравственных идеалов, порожденных социалистической идеологией.

В Абхазии к сложным проблемам переходного периода прибавились дополнительные трудности, вызванные грузино-абхазской войной: разруха народного хозяйства, уничтожение многих материальных ценностей культуры, невозполнимые человеческие жертвы, психологические травмы, резкий упадок жизненного уровня населения, отток значительной части квалифицированных специалистов из Абхазии, обострение этнической вражды. В таких условиях происходил болезненный процесс становления новой абхазской государственности.

С первой половины до конца XX в., абхазский народ прошел сложный путь развития: от преимущественно патриархального уклада жизни к социализму; и далее переход от социалистической к капиталистической рыночной экономике.

Несмотря на сложные перипетии истории последних двух столетий, в народном духе живет острая потребность возрождения нравственных ценностей абхазской традиционности.

Культурная политика, осуществляемая в Абхазии с 90-х годов XX века, ориентирована на демократические принципы построения гражданского общества и правового государства, на развитие свободных рыночных отношений в экономике и других сферах. Когда мы говорим о культурной политике, мы неизбежно констатируем зависимость культуры от государства, подразумевая рычаги воздействия или влияния государства на культурно-духовную жизнь общества, но и государство зависит от культуры.

В.М. Межуев: «Сегодня ясно, что зависимость государства от культуры не меньшая, чем от экономики. От характера господствующей в обществе культуры во многом зависит тип государственного устройства, политические нравы и отношения» [3].

В условиях современной глобализации, открытости границ для разного рода информации, государство перестает полноценно выполнять такие свои функции, как определение стратегий развития собственной культуры. Мощное воздействие СМИ, транслирующих не лучшие образцы западной культуры, приводит к тому, что социокультурном пространстве Абхазии сформировались течения, негативно влияющие на общественное сознание, ценности и традиции абхазского общества.

В Абхазии идет борьба за переоценку ценностей отечественной культуры, что может привести к игнорированию таких веками выработанных культурных ценностей и норм абхазов, как любовь к своему языку, культуре, истории.

Культура в современной Абхазии испытывает на себе жесткое воздействие рынка, коренную смену парадигмы общественного развития, а помощь, оказываемая государством институтам культуры недостаточна.

Социальная незащищенность работников культуры республики, низкий уровень их заработной платы, бесперспективность в получении других жизненных благ, не способствует притоку квалифицированных кадров. Неплатежеспособность населения, особенно тех слоев интеллигенции, которые были всегда культурной элитой общества, сделало высокое искусство малодоступным. Вполне очевидно, что благосостояние общества, динамичность его развития, прежде всего, зависят от решения социально-экономических проблем. Однако без подъема культуры, без восстановления нравственного, духовного потенциала, национально-государственной жизни, вряд ли можно рассчитывать на подъем в других сферах. Культура общества обуславливает взаимодействие целей, средств, результатов человеческой деятельности, производя социальные нормы, по которым люди и общество в целом делают выбор.

С возрождением культуры связано возрождение духовности – важнейшей составляющей жизнедеятельности общества, дефицит которой так ощутим сегодня на этапе поствоенных кардинальных преобразований в жизни людей. Последствия культурного нигилизма для Абхазии могут быть более тяжелыми, чем трудности экономического характера.

В сложившихся условиях основной задачей органов и учреждений культуры стало сохранение высоких образцов национальной культуры абхазов, поддержка лучших представителей современного искусства и творческой молодежи.

Начнем с театрального искусства. В современной Абхазии действуют четыре театра. В г. Сухум – Абхазский Государственный театр имени С. Чанба, Русский театр драмы, Молодежный театр и в г. Ткуарчал – Государственный театр комедии.

За годы существования Русского театра драмы Абхазии, осуществлены постановки спектаклей по пьесам зарубежной и русской классики, современной отечественной драматургии. К сожалению, в поствоенный период театр испытывает значительные материальные трудности, что негативно сказывается на его деятельности. Несмотря на сложившуюся ситуацию, театр проводит определенную работу. Сегодня, театр лишен полного состава актерской труппы, восстановить ее будет возможно только за счет выпускников, действующей при театре студии.

Значительный вклад в становление и развитие национального театрального искусства в Абхазии внес Абхазский Государственный драматический театр. За годы своего существования он приобщил к театру десятки тысяч зрителей и создал спектакли, многие из которых стали крупным явлением в культурной жизни республики. В последние годы количество сыгранных спектаклей увеличивается, тем не менее, в нынешней ситуации театр «выживает».

Улучшения в театральной жизни республики могут возникнуть лишь в результате мощной государственной поддержки.

То же самое наблюдается в деятельности государственных ансамблей народных песен и танцев Абхазии, которые с разной частотой имеют возможность гастролировать по территории России.

Государственный ансамбль народной песни и танца Абхазии существует с 1931 года. Ансамбль – главный пропагандист абхазского музыкального и танцевального искусства, являющийся эталоном абхазского фольклора. В составе ансамбля 65 человек, большая часть которых имеет почетное звание заслуженного и народного артиста Республики Абхазия. Большим событием для коллектива явились концерты по городам России – Сочи, Ростов, Москва, Северо-Кавказские республики.

Государственный ансамбль танца Абхазии «Шаратын», был создан в 1970 году. В начале своего творческого пути приобрел авторитет и популярность за счет внедрения в отдельных номерах течения своеобразного «авангарда», но основой ансамбля является неизменное сохранение чистоты и характера искусства своего народа. Зажигательность и эксцентризм, лирика и гротеск отличает его от других коллективов. Ансамбль побывал во многих странах мира, является участником многих международных фестивалей.

В составе ансамбля 40 человек, многие из которых имеют почетное звание заслуженного и народного артиста республики. Ансамбль с большим успехом выступал в Турции, в городах Северного Кавказа – Нальчике, Черкесске, Майкопе.

Ансамбль народного танца «Кавказ», был создан в 1995 году. Основой репертуара являются танцы абхазов, адыгов, кабардинцев, черкесов, чеченцев, абазин и других народов Кавказа. Коллектив существует не большое по меркам время, он уже получил высокую оценку специалистов, строго искушенного зрителя, а также признание правительства республики, присвоившего коллективу статус «государственного». 40 человек участников ансамбля представляют практически все народы Кавказа. Коллектив ансамбля выступал с концертами в Турции, городах Юга России.

Государственная хоровая капелла Абхазии была создана в 1967 году. В ее составе – 40 профессиональных исполнителей. В репертуаре капеллы – духовная музыка, музыка классиков: Баха, Бетховена, Чайковского, Рахманинова, а также произведения абхазских композиторов, полифоническое и гармоничное звучание абхазских народных песен является основой программы капеллы. В виду сложных экономических условий, нехватки профессиональных кадров капеллы, симфонического оркестра, музыкальных инструментов, за пределами Абхазии Государственная капелла практически не выступает.

Важную роль в реализации социальных функций культуры играют государственные библиотеки.

В Государственной национальной библиотеке имени Папаскири, проходит большая работа по инвентаризации; встречи с писателями, поэтами, творческими работниками; выставки.

Республиканская юношеская библиотека проводит работу среди своих основных читателей – подрастающего поколения. Для них проводятся разнообразные тематические вечера, лекции, прослушивания классической музыки великих композиторов и музыкантов.

Также, в послевоенный период возобновили свою работу сельские и районные библиотеки. Количество читателей увеличивается с каждым годом, пополняются книжные фонды. В нынешних условиях неизмеримо возросла значимость библиотек, как социального института, формирующего культурные потребности населения и удовлетворяющие их. Однако библиотечная система, как и вся сфера культуры испытывает большие трудности, связанные с недостаточным финансированием, плохим укомплектованием литературой и периодической печатью, недостаточной оснащенностью. К ним добавились новые проблемы:

– необходимость развития в библиотечном процессе новых технологий, приобретения информации на новых носителях (микрофильмы, оптические диски, дискеты, и т.п.) и отсутствие средств на эти цели;

– отсутствие средств на обновление и пополнение библиотечных фондов литературой по науке и технике, экономике нового направления.

Сеть библиотек в Абхазии достаточно широка, но она должна быть модернизирована и приспособлена к сегодняшним потребностям общества.

Специфика национального состава Абхазии, требует от библиотек более пристального и предметного внимания к вопросам интернационального и патриотического воспитания, сохранение культур основных этносов республики. В содержании работы библиотек большее отражение должны найти проблемы религиозного ренессанса в обществе, взаимной этнической толерантности.

В Абхазии существуют 18 учреждений клубного типа. Главные направления их деятельности заключаются в развитии самостоятельного научного творчества, народных ремесел, сохранение фольклора, формирование и удовлетворение социально значимых культурных потребностей, организация разумного досуга различных общественных групп населения. Современная «клубная ситуация» в Абхазии усложняется тем, что клубы и дворцы культуры лишились серьезной опеки государства. В силу этих причин, наблюдается некоторое снижение их престижности, происходит сокращение численности их постоянных посетителей. В то же время, дом культуры, клуб и сегодня продолжают оставаться массовыми учреждениями культурно-досуговой деятельности для различных групп населения. В сельской местности клубы и дома культуры,

наряду с библиотеками, являются, по сути, единственными учреждениями для развития творческих способностей и удовлетворения духовных запросов населения.

Анализируя нынешнее состояние народного творчества Абхазии, можно сказать, что сложности социально-экономического развития, которые лишают культуру должной финансовой поддержки, не могут остановить процесс развития народного искусства, стремление людей к художественному самовыражению, к занятиям любительским творчеством.

В результате войны значительно пострадали памятники архитектуры, градостроительства и музеи. Много экспонатов было уничтожено или похищено, весь послевоенный период Абхазский государственный музей восстанавливает свои коллекции. Ведутся поиски похищенных экспонатов; завершена экспозиция выставки «Отечественная война в Абхазии»; восстановлен зал средневековья. В музее систематически проводятся встречи с писателями и поэтами, презентации книг, экскурсии.

Реставрация памятников, пополнение музейных фондов, техническое оснащение современными приборами и механизмами – вещь весьма дорогостоящая, а отсутствие достаточных средств на финансирование этих проектов значительно снижает возможности реализации ряда проектов.

Деградация недвижимого и движимого наследия в стране, столь богатого и ценного, требует последовательной деятельности властных структур на самых разных уровнях. Это потребует пересмотра распределения средств, выделяемых на сохранность и реставрацию памятников, что не должно исключать и новых источников финансирования, в частности в области археологии.

Разговор о культуре народа, так или иначе, связан с вопросами языковой политики. В этом направлении в Абхазии ведется большая работа в виде государственной программы развития абхазского языка. Знание языка, важнейшее условие сохранения и упрочения национального самосознания абхазского населения. Родной язык, народная культура (традиции, обычаи, нравы, этнопсихология) и национальное самосознание неразрывно взаимосвязаны. Программа национального развития, управления этническими процессами должны учитывать их единство.

Итак, современная культурная политика абхазского государства представляет комплекс республиканских программ, обслуживающих социокультурное пространство как страны, в целом, так каждого из ее районов.

В сложившихся условиях учреждения культуры и искусства вынуждены выживать. Наметившиеся процессы стабилизации жизни в Абхазии ставят перед работниками культуры новые задачи, диктующие необходимость изменения системы сложившихся стереотипов. Основной целью гос-

ударственной культурной политики в стране сегодня и в ближайшей перспективе следует признать такое направление, которое обеспечивало бы необходимые условия для обновления общества, эффективного диалога культур. Долгосрочными целями культурной политики должны стать: формирование таких черт индивидуального сознания, как гражданственность и патриотизм, создание условий для сохранения культурных традиций, культурного наследия народа. На это должны быть направлены усилия всех орга-

нов исполнительной власти, учреждений культуры и искусства республики. Сегодня даже такие крупнейшие страны, как Франция, Италия, имеют и проводят в жизнь национальные программы, чтобы противостоять всеобщему распространению чуждого им американского образа жизни, засилью американской видео-, кино- и телепродукции. Видимо, следует изучить опыт других небольших стран, в том числе бывшего СССР, переработать его и частично использовать в Абхазии.

Литература:

1. История Абхазской АССР (1917–1937). Сухум : Алашара. 1983. С. 349.
2. *Арğun А.Х.* История абхазского театра. Сухум : Алашара, 1978. 440 с.
3. *Межуев В.М.* Государство и культура / В.М. Межуев // Социология власти. 2005. № 1. С. 11–28.

Literature:

1. History of the Abkhaz ASSR (1917–1937). Sukhum : Alashara. 1983. P. 349.
2. *Argun A.* The history of the Abkhaz theater. Sukhum: Alashara, 1978. 440 p.
3. *Mezhuev V.M.* State and culture / V.M. Mezhuev // Sociology of power. 2005. № 1. P. 11–28.

Харсеева Наталья Вячеславовна
доктор философских наук,
профессор,
заведующая 6 кафедрой русского языка,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
polina7-7@yandex.ru

Щербакова Елена Николаевна
преподаватель
6 кафедры русского языка,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
polina7-7@yandex.ru

Дубовцева Нина Валениновна
библиотекарь библиотеки
имени Кедр Митрея, поселок Игра
polina7-7@yandex.ru

Байстрюченко Дмитрий Андреевич
курсант,
Краснодарское высшее
военное училище имени
генерала армии С.М. Штеменко
polina7-7@yandex.ru

Род Васнецовых: СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ (НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕНСТВА И ВОИНСТВА). ЧАСТЬ 2

■ ■ ■
Аннотация. Данная достаточно объемная публикация, представленная в двух частях, посвящена исследованию истории рода Васнецовых, представленных известными отечественными художниками, священнослужителями, военными, учеными, работниками здравоохранения, педагогами. Все они, в силу своих возможностей, внесли посильный вклад в дело, которому они посвятили свою жизнь. Как отмечают авторы публикации, они уделили внимание не только деятельности представителей этого рода в мирное время, но и в годы Первой мировой и Великой отечественной войн. Особого внимания, в контексте рубрики журнала, заслуживает вклад представителей этого рода в развитие отечественной культуры и патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: род Васнецовых, художественная интеллигенция, священнослужители, военные, культурный след, духовно-культурное и военно-патриотическое воспитание молодежи.

■ ■ ■
После окончания Великой отечественной войны 9 воздушно-десантная армия ушла

Natalia V. Harseeva
Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the 6th Department
of the Russian Language,
Krasnodar Higher Military School
named after Army General S.M. Shtemenko
polina7-7@yandex.ru

Elena N. Shcherbakova
Teacher
6 departments of the Russian language,
Krasnodar Higher Military School
named after Army General S.M. Shtemenko
polina7-7@yandex.ru

Nina V. Dubovtseva
Librarian,
Cedar Mitrey Library, Igra village
polina7-7@yandex.ru

Dmitry A. Baystrichenko
Cadet,
Krasnodar Higher
Military School named after
Army General S.M. Shtemenko
polina7-7@yandex.ru

THE VASNETSOV FAMILY: SERVICE TO THE FATHERLAND (IN THE EXAMPLE OF THE PRIESTHOOD AND MILITARY). PART 2

■ ■ ■
Annotation. This rather large publication, presented in two parts, is devoted to the study of the history of the Vasnetsov family, presented by well-known domestic artists, clergy, military, scientists, health workers, teachers. All of them, by their means, have contributed to the cause to which they have devoted their lives. As the authors of the publication note, they paid attention not only to the activities of this kind in peacetime, but also during the First World War and the Great Patriotic War. Special attention, in the context of the magazine's column, deserves the contribution of representatives of this kind in the development of the national culture and patriotic education of young people.

Keywords: Vasnetsov's family, artistic intelligentsia, clergy, military, cultural trace, spiritual-cultural and military-patriotic education of young people.

■ ■ ■
из Венгрии на территорию СССР и дислоцировалась в Московской области, на станции Фрук-

товая. В августе 1946 года Николай Алексеевич был направлен на учебу в военно-морское хозяйственное училище г. Выборга (08.1946–10.1950), 16 которое было создано с целью выполнения программы строительства мощных Военно-морских сил Советского Союза, подготовки высококвалифицированных кадров командиров-хозяйственников ВМФ на основании Приказа Народного комиссариата МВФ о формировании на базе отдельного подготовительного батальона Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в Старом Петергофе. В 1940 году, после финской компании, училище было передислоцировано в г. Выборг, где размещалось до 1956 года. Учеба в училище стала незабываемым событием в жизни Николая Алексеевича Кузнецова. Он был хорошим курсантом, старшиной курса.

Особенные воспоминания связаны с начальником училища того времени, Юрием Самойловичем Сидер-Броком, капитаном 1 ранга, ранее служившим заместителем начальника тыла Северного флота, начальником тыла Беломорской военной, а затем – Каспийской флотилии, сыгравшем большую роль в жизни и военной карьере Николая Алексеевича, как и многих других выпускников этого училища. Не забывал он также своих преподавателей и товарищей, с которыми учился. После окончания училища Н.А. Кузнецов служил на Северном флоте в должности старшего офицера топливного отделения отдела тыла г. Североморска. В 1952 году был назначен начальником топливного отделения Управления тыла Печенгской Военно-морской базы.

В 1957 году, в Краснодаре, познакомился со своей будущей супругой – Кузнецовой (Резниковой) Софьей Дмитриевной (1927–2006 гг.). Тогда же они и поженились. Софья Дмитриевна родилась в с. Рыбушка Саратовского района Саратовской области, в семье школьных учителей. Отец – Дмитрий Акимович Резников (1896–1981) – ветеран Великой Отечественной войны, работал учителем математики, директором школы, награжден орденом Ленина, медалью «За победу над Германией» и другими правительственными наградами. Мать – Резникова (Кривоносина) Анастасия Иосифовна (1896–1979) – учитель начальных классов. С отличием окончив среднюю школу, Софья Дмитриевна поступила в Саратовский государственный медицинский институт. После окончания вуза она была направлена на отработку в г. Архангельск. Работала судовым врачом в торговом флоте. Побывала в портах Англии, Польши, Болгарии, на Гибралтаре ... Затем Софья Дмитриевна окончила трехгодичную клиническую ординатуру Кубанского государственного медицинского института им. Красной Армии. В Краснодаре и суженного своего встретила, военного моряка, Кузнецова Николая Алексеевича. А с рождением единственной горячо любимой дочери, Елены Николаевны Кузнецовой (1959) (в замужестве Щербаковой), обрела главный смысл своей жизни. Куда только не бросала судьба их семью, где только не приходилось обживать новые места! Жили и в Лиинахамари, и в Печенге, и в Северодвинске. Однако ни

на минуту Софья Дмитриевна не оставляла дело, которому посвятила всю свою жизнь.

Работала врачом санчасти отдела тыла Северного 17 флота, врачом-специалистом 72-го военно-морского госпиталя Северного флота, заведовала терапевтическим отделением Северодвинской городской больницы Архангельской области, врачом-ординатором терапевтического отделения 378-го военного госпиталя Северо-Кавказского военного округа, заведующей кардио-ревматологическим центром Краснодарской краевой клинической больницы. В Краснодарской поликлинике № 30 Министерства Обороны Софья Дмитриевна работала с момента ее основания. Двадцать лет возглавляла профсоюзную организацию сотрудников. На протяжении десятков лет она лечила больных, вкладывая свои силы и богатейшие знания, беря часть их боли на себя. Она стала для многих домашним доктором. К ней люди приходили просто поговорить и получить облегчение. Софья Дмитриевна являлась средоточием доброты, центром «вселенной» поликлиники. Ответственна, обязательна, знала, чему служила.

Пациенты отмечали ее заслуги в стихах:

Полвека Вас больные беспокоят –

Вернуть здоровье жаждут, как мечту.

Вас любят все, желают Вам такое,

Чтоб Вам врачом СТО лет быть на посту.

09 августа 2004 г. М. Цымбалов¹.

Несмотря на талант, огромный опыт работы, богатейшие познания в области медицины, Софья Дмитриевна постоянно повышала свой уровень квалификации. В работе широко использовала новые формы обслуживания больных, современные диагностические и лечебные методы, инновационные технологии. За многолетний добросовестный труд несчетное количество раз была отмечена благодарностями, почетными грамотами, награждена медалями. В их числе:

- «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»;
- «200 лет Министерству Обороны»;
- «Ветеран труда».

¹ Знаменательно, что стихотворения от благодарных учеников получала и мать Николая Алексеевича Кузнецова – Васнецова (в замужестве Кузнецова) Мария Николаевна (1899–1983), ветеран сараташской средней школы. В 1916 году она окончила Вятское епархиальное женское училище и всю жизнь работала учительницей начальных классов. Впоследствии доблестный труд Марии Николаевны был отмечен орденом Ленина и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вот несколько строк, адресованные Марии Николаевне Александром Ивановичем Полуниным: «Всю жизнь работе посвятила, Она семью всегда любила, Ей отдавая много сил, Вершила добрые дела, Детей немало обучила, Детей порядочных взрастила Всем помогая, кто просил. И внуков к целям довела.

За особые заслуги в развитии здравоохранения Кубани ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник здравоохранения Кубани». Софья Дмитриевна Кузнецова – представитель обширной династии врачей. Старший брат – Борис Дмитриевич (1924–1993) – стал врачом-хирургом, кандидатом медицинских наук, некоторое время возглавлял областное здравоохранение в ее родной области. Ранний уход его из жизни стал ощутимой потерей среди медиков области. Дмитрий (1954) и Юрий (1958) – его сыновья – врачи. Первый – хирург, второй – научный сотрудник института микробиологии, кандидат медицинских наук. Их супруги также из когорты медиков. Сын Дмитрия, Борис (1979), – врач-терапевт, сын Юрия, Вадим (1984), – врач-психиатр. Племянница Светлана (1966–2016) – дочь младшей сестры Софьи Дмитриевны, Ольги Дмитриевны (1938), – пошла по стопам матери, тоже доктора. Сосчитать всех – больше десятка наберется. А если общий стаж подытожить, трехзначная цифра получается. Нелегкий, но почетный крест несла доктор Кузнецова.

«Многое перетерпишь, многому и научишься», – говорят горцы. Терпение – это ее призвание, ее успех. Человек такой широты не может прожить, не оставив следа. Добрый след оставила о себе у своих подопечных и Софья Дмитриевна Кузнецова. А их – тысячи. В 1962 году Николай Алексеевич Кузнецов был переведен на должность начальника войсковой части 10593 г. Северодвинска. В 1963 году по состоянию здоровья уволен в отставку. Местом жительства выбрал г. Краснодар. Подполковник Николай Алексеевич Кузнецов был удостоен следующих правительственных наград:

- двух орденов «Красной Звезды»;
- «Ордена Отечественной войны 2-ой степени», а также медалей:
- «За оборону Киева»,
- «За взятие Вены»,
- «За боевые заслуги»,
- «За победу над Германией»,
- «За безупречную службу 1-ой степени» и др.

С 1963 года проживал в Краснодаре, работал начальником отдела кадров управления краевого водоканала. Пользовался авторитетом и уважением в коллективе. Николай Алексеевич Кузнецов много времени уделял воспитанию своей единственной дочери. Будучи образованным в музыкальном отношении человеком, постоянно интересовался ее учебой в музыкальной школе, занятиями в ДЮСШ (детско-юношеской спортивной школе) «Динамо»¹. По выходным они вместе гуляли в городском парке, любясь окружающей их природой. По праздникам в их доме всегда собирались интересные гости.

¹ О музыкальности рода Васнецовых и роли музыки в жизни представителей славной фамилии см.: [31].

Самыми любимыми праздниками в семье были Новый год и День победы. В новогодние праздники всегда устанавливалась дома большая нарядная елка. В День победы, свято чтя память о не вернувшихся с войны воинах, всей семьей ходили на возложение цветов к Вечному огню. Дочь, Елена Николаевна Кузнецова (Щербак ова), родилась 12 мая 1959 года в г. Саратове. С 1963 года проживает в г. Краснодаре. В 1982 году окончила Кубанский государственный университет, филологический факультет. На это время приходится самые яркие события ее жизни. Елена Николаевна избирается молодежью Краснодарского хлопчатобумажного комбината секретарем комитета ВЛКСМ комбината с правами райкома. Хорошо понимая, что воспитанию молодежи следует уделять особое внимание, активно взялась за продвижение идей, направленных на формирование нравственных ценностей у молодого поколения, используя в своей работе различные методы и формы.

Например, в форме деловых игр стремилась развивать у молодежи экономическое мышление, умение ставить задачи и решать их. Путем проведения политтурниров, участия в заседаниях политклуба «Меридиан» и других форм работы формировать мировоззрение молодых людей. В рамках работы клубов организовывались встречи с молодежью Америки, Болгарии, Кубы, Люксембурга и других стран. На комбинате в то время трудилась молодежь из Социалистической Республики Вьетнам (СРВ), поэтому много времени необходимо было уделять интернациональному воспитанию. Вместе с вьетнамской молодежью приходилось принимать участие в работе Пленумов СКМ им. Хо Ши Мина, организовывать различные мероприятия, даже в свободное время обучать ребят русскому языку, прививать им наши нравственные ценности. За вклад в развитие дружбы между народами Елена Николаевна награждена Послом СРВ в СССР Почетной грамотой. Также за свой труд она неоднократно награждалась Почетными грамотами Краснодарского городского комитетов ВЛКСМ. Затем Елена Николаевна работала в ряде вузов г. Краснодара преподавателем русского языка как иностранного, занималась партийной работой. После вступления страны в рыночные отношения сменила род деятельности, окончив сначала краснодарскую школу международного бизнеса (1992), а потом – экономический факультет Краснодарского института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления (2004), и занималась экономической работой в управлениях строительства Краснодарского края.

Муж Елены Николаевны, дочери Николая Алексеевича Кузнецова, Щербак ов Виктор Андреевич (1951), с которым она венчалась 21 сентября 2014 года – в день Рождества Пресвятой Богородицы – в Свято-Покровском храме г. Краснодара, тоже военный служащий. Виктор Андреевич прошел путь от 20 курсанта-отличника Тамбовского военного авиационного училища до сотрудника Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных сил в г. Москве. Получив блестящее инженерное и

оперативно-стратегическое образование в двух престижных военных академиях: Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жукова и Академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, занимался организацией и проведением научных исследований и конструкторских разработок, участвовал в создании новых видов вооружения и военной техники, в разработке и реализации государственных программ, концепций и доктрин. Виктор Андреевич Щербаков имеет ученую степень кандидата технических наук, ученое звание старшего научного сотрудника, воинское звание полковника, звание ветерана военной службы. В его активе более ста научных трудов и публикаций, он является автором четырех изобретений. Награжден следующими медалями:

- «За отличие в воинской службе»;
- «За безупречную службу» и др.

После прохождения военной службы живет в г. Краснодаре и работает на различных должностях в области инноваций и новых технологий. В послужном списке Виктора Андреевича такие должностные обязанности, как:

- директор регионального информационно-инновационного центра;
- научный руководитель Российско-Французского проекта;
- директор инновационного центра Кубанского государственного технологического университета;
- начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Кубанского института информзащиты;
- внештатный эксперт ЮФО федеральной программы «Старт» по созданию малых предприятий в научно-технической сфере;
- ведущий научный сотрудник НИЦ Краснодарского высшего краснознаменного орденов Жукова и Октябрьской революции военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко.

В настоящее время Виктор Андреевич Щербаков является старшим научным сотрудником НИЦ Краснодарского высшего краснознаменного орденов Жукова и Октябрьской революции военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко. Увлекается спортом, любит путешествовать, много читает. Сегодня полковник Виктор Андреевич Щербаков вносит посильный вклад в повышение культурного и образовательного уровня молодого поколения, используя свои знания, богатый жизненный опыт и опираясь на кредо: «Знание – сила», «Осведомлен – значит вооружен», «Кто владеет информацией – тот владеет миром», «Кто владеет результатами анализа информации – тот владеет всем».

Ушел из жизни Николай Алексеевич Кузнецов 03 декабря 2008 года, похоронен на краснодарском военно-почетном кладбище.

Виктор Алексеевич Кузнецов (1925–1991), средний внук Николая Федоровича Васнецова (1867–1940). Его отец – Кузнецов Алексей Васильевич (1898–1949), начальник почты; мать – Васнецова (в замужестве Кузнецова) Мария Николаевна (1900–1983), учительница. В период Великой Отечественной войны был участником народного ополчения. После войны окончил бухгалтерский техникум. В 1952 году приехал в г. Краснодар из пос. Саракташ Чкаловской (Оренбургской) области. Долгие годы работал начальником снабжения Северо-Кавказского строительного-монтажного управления в составе Треста «Южстальконструкция». Его жена, Антонина (1926–2006). О ее родителях на сегодняшний день ничего неизвестно. Принимала участие в Великой отечественной войне, затем работала медицинской сестрой в Краснодарской краевой клинической больнице. 22 сентября 1952 года у них родилась дочь, Татьяна, а спустя 6 лет, 03 октября 1958 года, в их семье родился сын Михаил. Татьяна Викторовна Кузнецова пошла по стопам матери, работала медицинской сестрой в рентген-кабинете Краевой клинической больницы.

Михаил Викторович Кузнецов окончил Краснодарский станкостроительный техникум, работает токарем на различных предприятиях города Краснодара. Жена Михаила Викторовича, Валентина Серафимовна Чапланова (в замужестве Кузнецова) родилась 18 февраля 1959 года в г. Чебаркуль Челябинской области. Окончила Краснодарское торгово-кулинарное училище, работала продавцом в магазинах г. Краснодара. В настоящее время является секретарем нотариальной конторы. Внучка Виктора Алексеевича, Анна Михайловна Кузнецова, родилась 17 ноября 1982 года. В 2015 году окончила Краснодарский институт физкультуры, спорта и туризма. Анна Михайловна – предприниматель, открыла в новом микрорайоне г. Краснодара детский дошкольный центр «Мир знаний», который ставит своей целью подготовку детей к школе и организацию творческого досуга малышей. Учителя, работающие в центре, обучают дошколят рисованию, бисероплетению, лепке и английскому языку. Сын Анны Михайловны и правнук Виктора Алексеевича – Вадим Алексеевич Кузнецов (2001) – окончил среднюю школу № 35 г. Краснодара. В настоящее время является студентом первого курса филиала Кубанского государственного технологического университета Института компьютерных систем и информационной безопасности.

Умер Виктор Алексеевич Кузнецов в 1991 году, в Краснодаре. Похоронен на краснодарском городском кладбище.

Василий Алексеевич Кузнецов (1927–2007), младший внук Николая Федоровича Васнецова (1867–1940). Его отец – Кузнецов Алексей Васильевич (1898–1949), начальник почты; мать – Васнецова (в замужестве Кузнецова) Мария Николаевна (1900–1983), учительница. Во время Великой отечественной войны, когда ему было 13 лет, устроился работать на завод токарем. После войны поступил в авиационную школу в

г. Чирчик (Узбекистан), где готовили летчиков тяжелой авиации. По окончании обучения был направлен в г. Конопот (УССР), там и началась его многолетняя служба в авиации. Затем он был переведен в г. Нежин, где в 1953 году женился на Анне Михайловне Кузнецовой (1932 г.р.) (в девичестве Квартюк). Ее отец – Михаил Захарович Квартюк (1894 ?) – был председателем колхоза. Мать – Улита Авдеевна Квартюк (1901–1980гг.) – закончила земскую школу. Анна Михайловна Кузнецова является ветераном Великой отечественной войны. Закончила Всесоюзный Московский институт советской торговли. Работала в экономических подразделениях государственных предприятий, в том числе, в республиканских статистических управлениях, НИИ геодезии и картографии на всех местах службы мужа. В 1953 году Василий Алексеевич и Анна Михайловна стали родителями, в семье появилась дочь Людмила Васильевна Кузнецова (в замужестве Пивоварова). В 1956 году Василий Алексеевич отправился по новому месту службы – в Эстонию, г. Пярну, а затем в г. Кингисепп, на остров Саарема. В Пярну, в 1957 году, в семье родился сын, Олег Васильевич Кузнецов. В 1962 году Василий Алексеевич служил в Карелии, в городе Петрозаводске. В 1964 году он получил направление в Магаданскую область, бухту Провидения, пос. Урелики, где выполнял не только летные обязанности, но и обеспечивал безопасность всей авиационной техники. Даже в нелетные дни ему приходилось на авиатехнике искать и спасать потерявшихся в море людей. Неоднократно был награжден за спасение утопающих.

Будучи майором, в 1998 году Василий Алексеевич благодаря своим незаурядным организаторским способностям, возглавил инженерную службу авиационной части г. Тбилиси (Грузия), где и закончил воинскую службу. Вся деятельность в авиации была связана с напряженной работой, командировками, сменой места жительства, постоянным беспокойством об исправности самолетов и вертолетов, членах экипажей и их семей. Коллеги высоко ценили его за принципиальность, честность, ответственность, организаторские способности. Имеет государственные награды: медали «За спасение утопающих» и грамоты. С 1972 по 1979 годы Василий Алексеевич жил и трудился на Украине, в г. Одессе на предприятиях облисполкома. Скончался Василий Алексеевич Кузнецов в Москве, в 2007 году. Похоронен на Хованском кладбище. Дети Василия Алексеевича – Людмила Васильевна и Олег Васильевич – москвичи. Людмила Васильевна Кузнецова (Пивоварова) в 1976 году закончила биологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1997 году – психологический факультет МГУ. С 1985 года – кандидат биологических наук, доцент, с 2009 года – доктор педагогических наук, профессор. Вся трудовая деятельность была связана с научной и педагогической работой в России и за рубежом. В частности, Людмила Васильевна Кузнецова (Пивоварова) выступила в качестве руководителя международных проектов совместно с ЮНЕСКО.

В настоящее время работает ведущим научным сотрудником биологического факультета МГУ.

Результаты научно-исследовательской работы Людмилы Васильевны представлены в многочисленных престижных отечественных и зарубежных изданиях. Среди них монографии:

- «Интегративная биология: проблемы формирования биологической грамотности». Москва, 2008.
- «Reading: Assessment Comprehension and Teaching», серия «Education in a competitive and globalizing world series/ Biological literacy as an imperative of present time». United States, New-York, 2009.

Кроме того, ею опубликовано свыше 80 статей в российских и зарубежных изданиях. За инновационные научные разработки в области физиологии клеточной инженерии растений получено авторское свидетельство. Людмила Васильевна многие годы занимается научной и преподавательской деятельностью. Разрабатывает и внедряет образовательные и педагогические инновации в системе высшего, среднего, а также дополнительного образования. С 2002 года руководит новым образовательным направлением «Интегративная биология в развитии биологической грамотности учащихся», является автором инновационной концепции и модели обучения на интегративно-смысловой основе. Разрабатывает научную тему «Биосоциальные проблемы в образовании и экологической стратегии». Курирует программу повышения квалификации учителей биологии по проекту «Формирование биологической грамотности» в рамках государственной программы «Наша новая школа». Она является автором нескольких учебных программ и учебных курсов, которые реализуются при обучении студентов, аспирантов, учителей биологии.

Состоит членом Государственной аттестационной комиссии выпускников факультета педагогического образования МГУ, ряда научных сообществ. Проводит региональный научно-методический семинар «Инновации в педагогике и преподавании» для преподавателей вузов и школ Москвы и Московской области. Достижения Людмилы Васильевны представлены на всероссийских и международных научных и педагогических симпозиумах и конференциях, частью которых она была организатором и руководителем, в частности IV Ассамблея Всемирного форума «Интеллект, образование, развитие» (2008), International Conference BioEd 2008: «Biological Sciences? Ethication. The Challenges of Sustainable Development» (Франция, 2008), Первого Всероссийского съезда учителей биологии (Москва, 2011) и другие. За научную и педагогическую деятельность награждена серебряной медалью ВДНХ и грамотами Министерства образования России, ректората МГУ. 24 Замужем, имеет сына Андрея и дочь Людмилу.

Муж Людмилы Васильевны – Пивоваров Яков Николаевич (1951) – закончил факультет международных экономических отношений МГИМО, кандидат экономических наук. Имеет ряд научных публикаций по экономике зарубежных стран. Владеет тремя иностранными языками. Работал

в России и за рубежом: в Министерстве иностранных дел России, Союзе советских обществ дружбы, Посольстве России во Вьетнаме и др. Сын – Андрей Пивоваров (1977) – закончил факультет «Финансы и кредит» Московского экономико-статистического института в 1988 году, позднее получил второе образование на педагогическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, участвует в работе волонтерской организации. Свободно владеет иностранным языком. Работает в коммерческой организации. Дочь – Людмила ван де Санде (Пивоварова) (1987) – закончила экономический факультет МГУ им. Ломоносова. Магистр экономики. Замужем. Владеет четырьмя иностранными языками. Работает в области международных финансов в Нидерландах.

Олег Васильевич Кузнецов (1957) – полковник, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, председатель Фонда сохранения культурного наследия Васнецовых, общественный деятель и ученый. Имеет правительственные награды и почетные звания. Жена, Елена Владимировна Кузнецова (Кузьменко) (1960), поступила в Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, закончила биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, позднее получила психологическое образование. В настоящее время не работает. Дочь, Ксения Олеговна (1987), закончила Финансовую академию при Правительстве РФ по специализации «мировая экономика», имеет степень кандидата экономических наук, работала в государственных финансовых и в инвестиционно-банковских организациях, обучается на христианского психолога. Сын, Антон Олегович (1994), окончил международный финансовый факультет Финансового университета при Правительстве РФ, работал в государственных ведомствах и в российских банках в сфере проектного финансирования, инфраструктуры и сельского хозяйства.

Таким образом, полученные в ходе исследования данные о потомках рода Васнецовых, оставивших свой культурный след на Кубанской земле, а также их близких, свидетельствуют о том, что наряду с профессиями художников, учителей, финансистов, дипломатов, государственных служащих, сохраняется преданность военной профессии, что обуславливает преемственность поколений и сохранение семейных ценностей, заложенных основателем рода – священнослужителем-просветителем Николаем Федоровичем Васнецовым (1867–1940).

Литература:

1. *Мирный И.А.* Имя в истории, история в имени. Пятигорск : Изд-во Картиаформ, 2004. 160 с.
2. *Селиверстов А.В.* Все храмы города. Краснодар : Традиция, 2014. 336 с.

Заключение.

Выяснив, что представители рода Васнецовых, как и все духовенство, не только героически, оставаясь на своих местах, исполняли пастырский долг – молебны о победе русского воинства – одну из важных форм деятельности Русской Православной Церкви в годы войны, но и совершали свой ратный подвиг [32], можно сделать следующий вывод. Во все времена Церковь оказывала огромное влияние на дух воина и народа в целом, вера помогала людям пережить годы лишений, справиться со своими страхами и найти в себе силы, чтобы совершить подвиг во имя Отечества. Думается, тот факт, что, продолжая служение на военном поприще, потомки Васнецовых не стали священниками (хотя, как это было сказано ранее, Ксения Олеговна Кузнецова (1987), дочь правнука Николая Федоровича Васнецова, Олега Васильевича, наряду с экономической специальностью осваивает профессию христианского психолога), компенсируется наличием в фамилии Васнецовых таких учителей, как Мария Николаевна Васнецова (в замужестве Кузнецова), Елена Николаевна Кузнецова (в замужестве Щербакова), Людмила Васильевна Кузнецова (в замужестве Пивоварова).

Осуществляя свой ратный подвиг на ниве просвещения, учителя во многом формируют душу своих подопечных, принимая деятельное участие в становлении их личности. Соответственно, как священство и воинство представляют собой две половинки единого целого, из которого складывается образ защитника Отечества, призванного оберегать честь и достоинство своего народа, так и священство и учительство имеют во многом сходный опыт, тем более, что и Христос предстает в качестве Учителя. С этой точки зрения весьма интересным для будущих изысканий, связанных с родом Васнецовых, видится обобщение опыта династий учителей, имеющих отношение к потомкам великой фамилии, систематизация их научных достижений, исследование их авторских методик в преподавании конкретной учебной дисциплины, в том числе многолетний труд учителя русского языка б кафедры Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменного училища им. генерала армии С.М. Штеменко Елены Николаевны Кузнецовой (Щербаковой). Посредством русского языка и культуры речи Елена Николаевна приобщает курсантов к духу народа, совершенствуя коммуникативные навыки учащейся молодежи и способствуя формированию высокой культуры мышления.

Literature:

1. *Mirny I.A.* Name in history, history in the estate. Pyatigorsk : Publishing House of Karthaform, 2004. 160 p.
2. *Seliverstov A.V.* All temples of the city. Krasnodar : Tradition, 2014. 336 p.

3. URL : http://www.yahealthy.info/e/slavyanskij_blog/drevne-slavyanskaya-bukvica/perevod-slavyanskikh-slov/voin-pojasnenie-iraskrytie-obrazana-osnove-drevne-slavyanskoi-bukvicy (дата обращения 08.13.2020).
4. Орехова Е.С. Военная честь (опыт этимологического анализа) / Е.С. Орехова // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 3: Филология и искусствоведение. Майкоп : АГУ, 2020. С. 69–74.
5. Орехова Е.С. Понятие воинской чести в российской армии / Е.С. Орехова; Под общ. ред. проф. И.В. Кочубея; Проф. Н.В. Харсеевой // Ad rupturam. У разрыва. Сб. материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социогуманитарного знания: вчера, сегодня, завтра» (г. Краснодар, 4–6 марта 2020 г.). Краснодар : ИП Магарин О.Г., 2020. С. 62–65.
6. Язынина Т.Ю. Православные традиции офицерского состава Российской Армии: культурологический анализ : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Теория и история культуры. Краснодар, 2010. 194 с. URL : <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnyetraditsii-ofitser-skogo-sostava-rossiiskoi-armii-kulturologicheskii-analiz> (дата обращения 27.09.2020).
7. Пушкирев С.Г. Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности. New-York : Possev-USA, 1985. 123 с.
8. Полохов Д. Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры: дис. ... канд. богословия. М. : МДА, 2000. 181 с.
9. Высочайший манифест Александра I о вторжении Наполеона 06 июля 1812 г. ГАПО Ф 328 оп. 1. № 80.
10. Виноградов О.Н. Вятский род Васнецовых: исследование. Киров : Частн. издатель А.А. Михеев, 1998. 120 с.
11. Утигенова А.Р. Военное духовенство на фронтах Первой Мировой Войны // Наследие предков – молодым. 2014. URL : <https://list-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervomirovoj-vojni> (дата обращения 01.11.20).
12. Рыжов Л.Г. Институт военных священников: Опыт отечественной истории и современная практика / Л.Г. Рыжов // Религиозно-этические аспекты воспитания военнослужащих: Материалы международного семинара, состоявшегося в Международном независимом Эколого-политологическом университете 27 (МНЭПУ) в июне 1997 года. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 37–45.
13. Калков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX века. Справочные материалы. М. : «Летопись», 2008. 752 с.
3. URL : http://www.yahealthy.info/e/slavyanskij_blog/drevne-slavyanskaya-bukvica/perevod-slavyanskikh-slov/voin-pojasnenie-iraskrytie-obrazana-osnove-drevne-slavyanskoi-bukvicy (date of application 08.13.2020).
4. Orekhova E.S. Military Honor (experience of etymological analysis) / Bulletin of Adygea State University. issue 3. Philology and art history. Maykop : AGU, 2020. P. 69–74.
5. Orekhova E.S. The concept of military honor in the Russian army / E.S. Orekhova; under the General Editor. prof. I.V. Kochubey, prof. N.V. Kharseeva // Ad rupturam. At the break: sb. materials of the International Scientific and Practical Conference «Current Problems of Sociohumanity Knowledge: Yesterday, Today, Tomorrow» (Krasnodar, March 4–6, 2020). Krasnodar : IP Magarin O.G., 2020. P. 62–65.
6. Pagan T.Yu. Orthodox traditions of officers of the Russian Army: cultural analysis : dis candidate of cultural studies: 24.00.01. Theory and History of Culture / Pagan T.Yu. Krasnodar, 2010. 194 p. URL : <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnyetraditsii-ofitser-skogo-sostava-rossiiskoi-armii-kulturologicheskii-analiz> (date of application 27.09.2020).
7. Pushkarev S.G. The Role of the Orthodox Church in the History of Russian Culture and Statehood. New-York : Possev-USA, 1985. 123 p.
8. Polokhov D. Moral and patriotic education in the armed forces on the basis of the Orthodox Christian faith : dis. ... candidate of Theology. M. : MDA, 2000. 181 p.
9. The highest manifesto of Alexander I on the invasion of Napoleon on July 06, 1812. GAPO F 328 op. 1 № 80.
10. Vinogradov O.N. Vyatsky family Vasnetsov: research. Kirov: Private publisher A.A. Mikheev, 1998. 120 p.
11. Utigenova A.R. Military clergy on the fronts of the First World War / A.R. Utigenova // Legacy of ancestors – young. 2014. URL : <https://list-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervomirovoj-vojni> (date of application 01.11.20).
12. Ryzhov L.G. Institute of Military Priests: Experience of Russian History and Modern Practice / L.G. Ryzhov // Religious and Ethical Aspects of Military Education: Materials of an International Seminar Held at the International Independent Ecological and Political University 27 (MNEPU) in June 1997 / Ryzhov L.G. M. : MNEPU Publishing House, 1998. P. 37–45.
13. Kalikov K.G. A memorial book of the Russian military and naval clergy of the XIX – early XX centuries.

14. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : (с 01 марта 1881 года по 1913 год) : в 33-х т. – Санкт-Петербург ; Пг. : Гос. тип., 1885-1916. Т. 10 (1890 г.). Ч. 1: Законы (6505–7339).
15. Поляков Г. Военное духовенство России. М. : ТИИЦ, 2002. 536 с.
16. Шавельский Г. Служение священника на войне / Г. Шавельский, С. Коломнин // *Orientir*. № 5. 2010. С. 71–75.
17. Щербакова Е.Н. Культурологический анализ жизни и деятельности Николая Васнецова – представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников / Е.Н. Щербакова // *Миссия конфессий*. Т. 9. № 4(45). 2020. С. 451–453.
18. ГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 2072. Л. 18.
19. ГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 2072. Л. 34, 34 об.
20. Щербакова Е.Н. Культурологический анализ жизни и деятельности Николая Васнецова – представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников / Е.Н. Щербакова // *Миссия конфессий*. 2020. Т. 9. № 4(45). С. 451–453.
21. Щербакова Е.Н. Род Васнецовых, священников и воинов, сквозь призму проекта «Васнецовские символы вечности» / Е.Н. Щербакова // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2020. № 05. С. 30–33.
22. Щербакова Е.Н. Культурологический анализ жизни и деятельности Марии Васнецовой, представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников / Е.Н. Щербакова // *Миссия конфессий*. 2020. Т. 9. № 3. С. 295–298.
23. URL: ru.m.wikipedia.org (дата обращения 18.10.2020).
24. URL : proza.ru (дата обращения 22.12.2020).
25. URL : megabook.ru>article/Северо-Западный фронт (дата обращения 23.12.2020).
26. URL : divizia-rkka.ru/3-й Украинский фронт (дата обращения 18.10.2020).
27. URL : rkkawwii.ru>division/6vdbrf1 (дата обращения 11.05.2020).
28. URL : wiki2.org> ru/99-я гвардейская стрелковая дивизия (дата обращения 13.02.2020).
29. URL : [wiki2.org>ru/11-я танковая дивизия \(вермахт\)](http://wiki2.org>ru/11-я танковая дивизия (вермахт)) (дата обращения 15.02.2020).
30. URL : vk.com > topic-281469_26256900 (дата обращения 15.02.2020).
31. Волкова П.С. Васнецовы и музыка: к постановке проблемы / П.С. Волкова, Е.Н. Щербакова //
14. The complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection : (From March 01, 1881 to 1913) : in 33 vol. SPb.; Pg. : State type., 1885–1916. Vol. 10 (1890). Part 1: Laws (6505–7339).
15. Polyakov G. Military clergy of Russia. M. : TIITS, 2002. 536 p.
16. Shavel'sky G. The ministry of the priest in the war / G. Shavel'sky, S. Kolomnin // *Orientir*. 2010. № 5. P. 71–75.
17. Shcherbakova E.N. Cultural analysis of the life and work of Nikolai Vasnetsov-a representative of the ancient Vyatka family of the Vasnetsovs, priests, teachers, artists. / Shcherbakova E. N. // *Mission of confessions*. 2020. Vol. 9. № 4(45). P. 451–453.
18. GAKO. F. 215. Op. 1. D. 2072. L. 18.
19. GAKO. F. 215. Op. 1. D. 2072. L. 34, 34 vol.
20. Shcherbakova E.N. Kulturological analysis of the life and work of Nikolai Vasnetsov-a representative of the Ancient Vyatka family of the Vasnetsovs, priests, teachers. 2020. Art. 9. № 4(45). P. 451–453.
21. Shcherbakova E.N. Rod Vasnetsov, priests and warriors, through the prism of the project «Vasnetsov symbols of eternity» / E.N. Shcherbakova // *Modern science: topical problems of theory and practice*. Series: Knowledge. 2020. № 05. P. 30–33.
22. Shcherbakova E.N. Culturological analysis of the life and activities of Maria Vasnetsova, a representative of the ancient Vastnetsov clan, priests, teachers, artists / E.N. Shcherbakov // *Mission of denominations*. 2020. Vol. 9. № 3. P. 295–298.
23. URL : ru.m.wikipedia.org (date of application 18.10.2020).
24. URL : proza.ru (date of application 22.12.2020).
25. URL : megabook.ru>article/North-Western Front (date of application 23.12.2020).
26. URL : divizia-rkka.ru/3-й Ukrainian Front (date of application 18.10.2020).
27. URL : rkkawwii.ru>division/6vdbrf1 (date of application 11.05.2020).
28. URL : wiki2.org>ru/99thGuardsRifledivision (date of application 13.02.2020).
29. URL : [wiki2.org>ru/11thpanzerdivision_\(Wehrmacht\)](http://wiki2.org>ru/11thpanzerdivision_(Wehrmacht)) (date of application 15.02.2020).
30. URL : vk.com>topic-281469_26256900 (date of application 15.02.2020)
31. Volkova P.S. Vasnetsov and music: to the formulation of the problem / P.S. Volkova, E.N. Shcherbakova

Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8. № 4. С. 198–204.

32. *Щербакова Е.Н.* Род Васнецовых, священников и воинов, сквозь призму проекта «Васнецовские символы вечности» / Е.Н. Щербакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 05. С. 30–33. DOI 10.37882/2500-3682.2020.05.21.

va // Bulletin of Musical Science. Vol. 8. № 4. 2020. P. 198–204.

32. *Shcherbakova E.N.* Rod Vasnetsov, priests and warriors, through the prism of the project «Vasnetsovsky symbols of eternity» / E.N. Shcherbakova // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. 2020. № 05. P. 30–33.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
профессор Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Перова Марина Викторовна
кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
информационных технологий,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Никоненко Наталья Дмитриевна
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры
информационных технологий,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
sergej.stelmax@mail.ru

АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

■ ■ ■

Аннотация. Проблема антинаркотической деятельности федеральных и региональных органов государственной власти представляется актуальной, так как в нашей стране существует незаконные оборот и употребление наркотиков, совершаются преступления и правонарушения в этой области. В статье на основе федеральных нормативных правовых актов дано правовое и организационное обеспечение антинаркотической деятельности. Авторами статьи используется понятие «наркотики» в значе-

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Professor at the Institute of Law
and National Security,
Russian Academy of People's
Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Marina V. Perova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Information Technologies,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Natalia D. Nikonenko
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Information Technology,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmax
Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

ANTI-DRUG ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES: POLITICAL-LEGAL AND ORGANIZATIONAL SUPPORT

■ ■ ■

Annotation. The problem of anti-drug activities of the federal and regional authorities seems to be urgent, as in our country there are illegal and drug trafficking, crimes and offences are committed in this area. The article, based on federal regulations, provides legal and institutional support for anti-drug activities. The concept of «drugs» in the meaning of narcotic drugs and psychotropic substances, their procurators is used.

нии наркотические средства и психотропные вещества, их прокуроры.

Ключевые слова: антинаркотическая деятельность, антинаркотическая комиссия, антинаркотический комитет, наркотики, органы государственной власти, стратегия.

Государственные органы власти Российской Федерации осуществляют антинаркотическую деятельность, которая направлена:

- на противодействие незаконной торговле наркотиками;
- на установление контроля за их оборотом, выявление незаконного потребления;
- на сокращение численности больных наркоманией;
- на сокращение количества преступлений и правонарушений в сфере потребления наркотиков.

В нашей стране сложилась непростая наркотическая ситуация. Постоянно совершаются преступления организованных групп, преступных сообществ, организаций, людей в области незаконной торговли наркотиками, которая им приносит доходы в миллиарды рублей. Изымаются из незаконного оборота наркотики, пресекаются неоднократные попытки их контрабанды. Зарегистрировано большое количество людей с психическими расстройствами в связи с употреблением наркотиков, зависящих от лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства, получивших отравление наркотиками, умерших от их употребления. Многие люди употребляют наркотики как эпизодически, так и регулярно. Наркотики способствуют заболеванию ВИЧ-инфекцией посредством использования зараженных игл и шприцев инъекционным способом. Наркомания является не только серьезной угрозой здоровью людей, но и демографическому развитию страны, в целом.

Для эффективного осуществления антинаркотической деятельности важное значение имеет Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [1]. В Стратегии определены угрозы национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, противодействия их незаконной торговле, определены стратегические цели, задачи, основные направления и меры антинаркотической политики, механизмы и ожидаемые результаты реализации Стратегии. Стратегическими целями являются:

- сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления;
- снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков;
- формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению

Keywords: anti-drug activities, anti-drug commission, anti-drug committee, drugs, state authorities, strategy.

наркотиков и участию в их незаконной продаже и покупке.

Антинаркотическая политика государства реализуется по таким направлениям, как:

- совершенствование антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков;
- профилактика и раннее выявление незаконного потребления наркотиков;
- сокращение числа людей с диагнозом наркомания, с пагубными негативными последствиями от потребления наркотиков;
- сокращение количества преступлений и правонарушений в области незаконного оборота наркотиков;
- совершенствование международного сотрудничества в сфере оборота наркотиков.

Каждое направление осуществляется путем реализации различных мер. Реализация Стратегии осуществляется за счет средств бюджетов и внебюджетных источников. К 2025 году предполагается общая оценка наркотической ситуации как напряженная, 2030 году – как нейтральная.

Важное значение в антинаркотической деятельности государства имеет профилактика незаконного потребления наркотиков и наркомании. В законодательстве определены полномочия государственных органов в области профилактики [2]. К полномочиям федеральных органов власти относятся:

- разработка и реализация государственной политики;
- научно-методическое обеспечение;
- пропаганда здорового образа жизни и нетерпимого отношения к незаконному потреблению.

Среди других их полномочий необходимо назвать:

- выявление причин и условий незаконного потребления и принятие мер по устранению причин и условий;
- установление единой государственной статистической отчетности;
- разработку и реализацию долгосрочных федеральных целевых и ведомственных программ.

К полномочиям органов государственной власти в регионах относится организация профилактики незаконного потребления наркотиков, наркомании, разработка и реализация региональных программ.

Следует отметить значительную роль в антинаркотической деятельности Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, министерств внутренних дел, здравоохранения, федеральных служб: безопасности, внешней разведки, таможенной, по финансовому мониторингу, которые оказывают противодействие незаконному обороту наркотиков. Особое место в антинаркотической деятельности занимает Министерство внутренних дел РФ, которое:

- получает, обрабатывает, анализирует и использует информацию о положении дел в области незаконного потребления и оборота наркотиков, реабилитации, кроме медицинской, и ресоциализации людей, незаконно их потребляющих;
- осуществляет контроль за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3].

Министерство внутренних дел РФ также:

- координирует деятельность органов исполнительной власти и местного самоуправления по организации исполнения законодательства;
- осуществляет хранение, перевозку и уничтожение конфискованных и изъятых из незаконного оборота наркотиков;
- осуществляет контроль за соблюдением порядка их уничтожения.

В министерстве создано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков. Нужно отметить научно-исследовательскую работу, подведомственного Министерству здравоохранения, Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского». Данное научное учреждение проводит научные исследования проблем наркомании, наркологии, наркологической помощи взрослым, подросткам и детям, программ профилактики наркомании, предупреждения злоупотребления наркотиками в детском и подростковом возрасте, методов диагностики и лечения наркомании у детей и подростков. Национальный медицинский исследовательский центр занимается обоснованием и апробацией новых методов диагностики и терапии наркологических заболеваний, медицинской реабилитацией наркологических больных, изучением проблем патологии при развитии наркологических заболеваний.

Проблема антинаркотической деятельности актуальна как для нашей страны, так и для большинства других стран. В этой связи, следует отметить работу Министерства иностранных дел РФ, которое вместе с международными организациями и органами иностранных государств организуют комплексное изучение вопросов:

- осуществления контроля оборота наркотиков, сокращения предложения на рынке сбыта и спроса на них;
- разработки совместных мер по решению этих вопросов на международных и региональных площадках, в рамках учебных и научно-практических мероприятий – конференций, симпозиумов.

Значительное место в антинаркотической деятельности занимает Государственный антинаркотический комитет, возглавляемый Министром внутренних дел РФ. Комитет координирует деятельность органов исполнительной власти и местного самоуправления по противодействию незаконному обороту наркотиков, осуществляет мониторинг и оценку развития наркотической ситуации, подготовку предложений Президенту [4]. В его состав входят по должности министры, заместители председателей Совета Федерации и Государственной Думы, руководители федеральных служб и комитетов, заместитель Секретаря Совета Безопасности, помощник Президента - начальник Контрольного управления Президента, заместители министров обороны и финансов, начальник Главного управления по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел, представитель Министерства иностранных дел.

В регионах работают Антинаркотические комиссии, которые координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти, региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по противодействию незаконному обороту наркотиков, проводят мониторинг и оценку развития наркотической ситуации. Антинаркотические комиссии возглавляет высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации. Антинаркотические комиссии выполняют в регионах, в основном, аналогичные задачи, что и Государственный антинаркотический комитет. При этом в их деятельности имеются различия. В частности, свои доклады и предложения они предоставляют председателю Государственного антинаркотического комитета. Их задачами являются:

- участие в формировании и реализации на территории региона государственной политики;
- подготовка предложений по совершенствованию законодательства;
- рассмотрение предложений о дополнительных мерах социальной защиты людей, осуществляющих борьбу с незаконным оборотом наркотиков и привлекаемых к этой деятельности людей, по социальной реабилитации больных наркоманией.

В отличие от Государственного антинаркотического комитета, не предусмотрено участие региональных Антинаркотических комиссий в международном сотрудничестве в области противодействия незаконному обороту наркотиков. В

состав Антинаркотических комиссий по должности входят:

- Главный федеральный инспектор по субъекту Российской Федерации,
- представитель законодательного (представительного) регионального органа государственной власти,
- начальники территориальных органов министерства внутренних дел,
- федеральных служб: безопасности, войск национальной гвардии, исполнения наказаний, таможенной, по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, руководители региональных органов здравоохранения, образования.

По решению председателя Антинаркотической комиссии в ее состав могут включаться другие должностные лица органов исполнительной власти.

Придается большое значение деятельности Государственного антинаркотического комитета и Антинаркотической комиссии по контролю за реализацией Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. Государственный антинаркотический комитет:

- разрабатывает и утверждает межведомственный план мероприятий государственных органов по ее реализации на федеральном уровне;

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». URL : //http://www.garant.ru
2. Федеральный закон от 08 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». URL : //http://www.garant.ru
3. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». URL : //http://www.garant.ru
4. Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 года № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». URL : //http://www.garant.ru

- заслушивает на своих заседаниях должностных лиц этих органов по вопросам выполнения этого плана.

Антинаркотическая комиссия в регионе:

- разрабатывает перечень приоритетных направлений, план мероприятий по реализации Стратегии;
- заслушивает на своих заседаниях должностных лиц органов исполнительной власти региона, местного самоуправления по вопросам выполнения приоритетных направлений.

Высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации:

- обеспечивает реализацию Стратегии в регионе;
- несет ответственность за эффективность ее реализации;
- утверждает перечень приоритетных направлений мероприятий по ее реализации.

Таким образом, в стране созданы необходимые и организационные основы антинаркотической деятельности государственных органов. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо усилить деятельность органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций, гражданского общества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 № 733 «On the approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030». URL : //http://www.garant.ru
2. Federal law of 8 January 1998 № 3-FH «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances». URL : //http://www.garant.ru
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 № 699 «On the approval of the Regulation on the Ministry of the Interior of the Russian Federation and the Model Regulation on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the subject of the Russian Federation». URL : //http://www.garant.ru
4. Decree of the President of the Russian Federation of 18 October 2007 № 1374 «On additional measures to counter the illegal trafficking of drugs, psychotropic substances and their precursors». URL : //http://www.garant.ru

Васьков Максим Александрович
доктор социологических наук,
профессор кафедры образования
и педагогических наук,
Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный университет
vaskovmaxim@mail.ru

Ямалов Алис Валерьевич
магистр по направлению
«Конфликтология»
vaskovmaxim@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ РОСТА ВЛИЯНИЯ ИСЛАМА НА ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АБХАЗСКОГО ОБЩЕСТВА

■ ■ ■

Аннотация. Как отмечают авторы, состояние ислама в современном абхазском обществе характеризуется наличием значительных противоречий в качестве, как реальных, так и потенциальных источников возникновения политической нестабильности в государстве, а не только противоречий и конфликтов на религиозной почве. По их мнению, на усиление позиций ислама в Абхазии влияют такие внешние факторы, как турецкое политическое влияние на руководство страны, так и приток выходцев из Турции, принадлежащих к абхазской диаспоре, а также – трудовых мигрантов из регионов России и ближнего зарубежья, многие из которых исповедуют ислам. В связи с этим, они уделяют внимание тем аспектам внутренней и внешней политики руководства Абхазии, которые бы способствовали сохранению политической стабильности и межконфессиональной толерантности в абхазском обществе.

Ключевые слова: ислам, христианство, традиционные верования абхазов, Абхазия, абхазская диаспора в Турции, трудовая миграция, Духовное управление мусульман Абхазии.

■ ■ ■

Состояние ислама в современном абхазском обществе характеризуется наличием значительных противоречий и, как уже реальных, так и потенциальных источников возникновения конфликтов. При этом стороны конфликта склонны к взаимным обвинениям и стремятся найти идеологическое объяснение конфликтов, связывая их, с одной стороны, с попытками нарушить гражданский мир в республике, где большинство является христианами, а, с другой стороны, привести русофобский контекст, связывая как с «давлением» на мусульман с политикой в угоду России, так и с продолжением Кавказской войны 19 века. В частности, в качестве

Maxim A. Vaskov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Education
and Pedagogical Sciences,
Academy of Psychology and Pedagogy,
South Federal University
vaskovmaxim@mail.ru

Alis V. Yamalov
Master in Direction
«Conflictology»
vaskovmaxim@mail.ru

POLITICAL RISKS OF INCREASING THE INFLUENCE OF ISLAM ON THE TRADITIONAL BELIEFS OF MODERN ABKHAZIAN SOCIETY

■ ■ ■

Annotation. As the authors note, the state of Islam in modern Abkhazian society is characterized by significant contradictions as both real and potential sources of political instability in the state, and not only contradictions and conflicts on religious grounds. In their opinion, the strengthening of the position of Islam in Abkhazia is influenced by such external factors as the Turkish political influence on the leadership of the country, and the influx of people from Turkey belonging to the Abkhazian diaspora, as well as – migrant workers from the regions of Russia and neighboring countries, many of whom profess Islam. In this regard, they pay attention to those aspects of the internal and foreign policy of the leadership of Abkhazia, which would contribute to the preservation of political stability and interfaith tolerance in Abkhazian society.

Keywords: Islam, Christianity, traditional beliefs of Abkhazians, Abkhazia, Abkhazian diaspora in Turkey, labor migration, Spiritual Administration of Muslims of Abkhazia.

■ ■ ■

наглядного примера можно привести слова Исмаила ас-Суфи (Руслана Еныка), мусульманского суфийского идеолога и главы, так называемого, абхазского просветительского центра «Золотая середина Ислама». Он в своих публикациях в социальных сетях пишет, что в Абхазии имеют место преследования мусульман по религиозному признаку и, что это происходит, за очень редким исключением, по молчаливому согласию практически всего абхазского общества. Создание такой ситуации он связывает с последствием прихода Российской Империи на Кавказ и целенаправленной борьбой против ислама. Эти действия лишили, по его мнению, Абхазию

большинства мусульман, вследствие чего ислам утратил господствующие позиции. До укрепления России в данном регионе на позициях ислама было, по его мнению, порядка 90 % населения [1].

Можно сказать, что это достаточно традиционная и часто повторяющаяся точка зрения. При этом происходит попытка мобилизации сторонников ислама не только на этнической, но и на националистической основе и с обязательным в таком случае представлением России как врага одновременно и для независимого государства Абхазия, и для абхазского народа, в целом. В этом случае, абхазский народ понимается, в самом расширенном контексте, включая в себя не только тех, кто живёт непосредственно в Республике Абхазия, но и абхазскую диаспору в Турции и в арабских странах [2].

В современных политических условиях, власти Республики Абхазии предоставили специальное разрешение на строительство мечетей в главных центрах проживания мусульманского населения республики. Данное решение было оформлено в виде соответствующего распоряжения для выделения необходимых земельных участков под капитальное строительство для Духовного Управления Мусульман Абхазии. Мусульманская община начала сбор необходимых денежных средств нужных для строительства мечетей, но при этом предоставления масштабной финансовой помощи со стороны абхазской диаспоры в Турции и в арабских странах не произошло.

Хотя, несомненно, прогресс, с точки зрения мусульманской общины республики, достигнут достаточно значимый. После предоставления необходимых земельных участков у последователей ислама в Абхазии появилась возможность построить мечети, которые станут институциональными центрами не только для духовной жизни, но и центрами соответствующей пропаганды и попыток расширить своё влияние на более широкие слои населения.

Сейчас в качестве второго шага и, как считают мусульманские активисты, после того, как их голос в Абхазии, наконец, был услышан, высказываются мнение о том, что, связанный с властями бизнес и сами власти Абхазии из бюджетных или внебюджетных средств окажут финансовую помощь в строительстве мечети на выделенной ими же земле.

Изменение политики властей, пытаются представить как результат того, что происходит медленное, но планомерное возвращение потомков Мухаджаров, покинувших берега Абхазии во второй половине 19 в., в современную Абхазию из Турции, Сирийской Арабской Республики и Королевства Иордании. Цифры вернувшихся, пока не очень большие, но есть основание говорить об их достаточно большом влиянии на современное абхазское общество и, особенно, на молодёжь. Вызывает серьёзное опасение то обстоятельство, что рост влияния ислама в Абхазии связан с масштабной работой, которую

проводят специальные службы Турции, и такая ее политика связана с попыткой вернуть своё идеологическое и политическое влияние в этом регионе в ущерб геополитическим интересам России.

Ислам в Абхазии долгое время был одной из основных религиозных групп, но он был навязан Османской Империей вопреки существовавшим местным верованиям, а также, христианству во время ее военного могущества и расцвета. При этом исламизации, в большей степени, подвергались горские общества, тогда как правящие княжеские фамилии, за определённым исключением, были более ориентированы на христианские устои в силу своих связей с христианской Грузией, а затем – и с Российской Империей. Тем более, что, несмотря на толерантное отношение к мусульманам на императорской службе, большие возможности для служебного продвижения открывало именно принятие православия.

По данным проведенного российскими силовыми структурами неофициального, специализированного социологического опроса в начале 2019 года, в настоящее время с мусульманами позиционируют себя уже более 25 % жителей Абхазии, но при этом можно говорить о наличии лишь частичного интереса с их стороны к выполнению обрядовых форм. По данным руководства Духовного управления мусульман Абхазии, активными, практикующими мусульманами являются порядка 2000 человек, половина из которых локально проживает в двух районах Республики Абхазия – Гагрском и Гудаутском.

Как показывает специальная аналитика, проведенная на неофициальном уровне, поскольку вся государственная риторика исходит из декларируемых конституционных принципов равенства, свободы совести, вероисповедания и т.п., в Республике Абхазия в настоящее время большинство коренных жителей (более 60 %) исповедуют православное христианство. В этой обстановке все активнее начинают озвучиваться серьезные опасения по отношению распространения ислама в республике и увеличению происламистских настроений, при том, что до сих пор не выработано со стороны власти никаких защитных механизмов от распространения таких настроений среди населения идей именно «ваххабитского толка» ислама.

Учитывая то обстоятельство, что у тех, кто распространяет исламскую идеологию в Абхазии, идет апелляция не только к религиозному, но и к национальному чувству. В связи с этим, начинают также все чаще со стороны общественности звучат призывы пересмотреть и сделать более осторожной и разборчивой миграционную политику в государстве. В частности, начинает оспариваться необходимость и выражаются протесты против политики переселения на «родину предков» всех «поголовно исламизированных» абхазов из Турции и иных мусульманских стран с предоставлением им прав гражданства и приобретения собственности.

На современном этапе даже к тем же потомкам «махаджиров», которые вернулись в Абхазию, а сейчас это буквально несколько сотен человек, заметно изменение отношения и, в целом, как и трансформация отношения к вопросу о соотечественниках из-за рубежа, в целом. Согласно достаточно широко распространённому в Абхазии убеждению, репатрианты формируют достаточно противоречивую и проблемную социально-политическую и религиозную ситуацию в республике. В частности, существует реальная опасность того, что большое количество абхазов, вернувшихся на свою историческую родину, связано с зарубежными спецслужбами, и будут постепенно проводить их политику, пытаться трансформировать уже сложившуюся политическую систему жизни в Абхазии. Другую, ещё более грозную опасность представляют возможная связь репатриантов с «мировым террористическим подпольем», тем более, что в республику приезжают люди, которые ранее проживали в Турции или в Сирии, где идеология и сетевые структуры той же запрещённой на территории России организации ИГИЛ активно функционируют. Часто, такая информация не подвергается осмыслению и объяснению со стороны официальных властей, а, остается на уровне слухов, обретая при этом наиболее гипертрофированные и искажённые формы, становится фактором, формирующим общественное сознание в современной Абхазии.

На заре государственности Республики Абхазия, её политическое руководство и, в частности, первый Президент Республики В.Г. Ардзинба, оказавшись в очень сложной международной политической и экономической обстановке, связанной с отказом со стороны практически всех государств признать независимость Абхазии, предпринимало многочисленные попытки наладить хотя бы неформальные внешние связи. Общей задачей было установить регулярные контакты по любым направлениям, обеспечивавшим выход на возможность более официальных (мейнстримных) международных контактов [3, с. 25].

Для решения этой задачи, в первую очередь, были задействованы представители абхазской диаспоры, которые проживали на территории Турции, но с ними шел разговор о наличии абхазского самосознания и готовности помочь новому независимому государству Абхазия. При их посредничестве, но пока на неофициальном уровне, были заключены важные для Абхазии договоры в социально-гуманитарной, научно-образовательной и, что было особенно важно для Абхазии того времени, в торгово-экономической сфере.

Эксперт-политолог, представляющий Турцию, Мухиттин Толга Озсаглам отмечает сложный конструкт турецкой политики по отношению Абхазии, поскольку официально Турция не признаёт существования такого государства и поддерживает территориальную целостность Грузии, что вызывает неодобрение со стороны проживающих в Турции абхазов, численность которых, по статистическим подсчётам, составляют не

менее 800000 человек, и они, несмотря на проживание в Турции, отмечают свое самосознание как относящееся к абхазам.

Действительно, Турция всегда подчеркивает «территориальную целостность» Грузии. Однако, в то же время, ее представители контактировали с абхазскими чиновниками в Сухуми и в Турции. Во время этих переговоров турецкие чиновники никогда не говорили о признании Абхазии. Сергей Багапш посетил Турцию в 2011 году, но это не был официальный визит, его приглашала абхазская диаспора Турции. Представители диаспоры прилагают усилия для того, чтобы развивать торговые отношения с Абхазией, расширять связи республики с турецким частным бизнесом. Де-факто, торговые отношения между Турцией и Абхазией ведутся морским путем либо напрямую, либо через Сочи. Многие товары импортируются из Турции в Абхазию, и Турция, таким образом, играет значительную роль для развития абхазского рынка.

На наш взгляд, никаких противоречий в турецкой внешней политике относительно Абхазии нет. Турция сохраняет приверженность территориальной целостности Грузии, но создает торгово-экономические отношения с Абхазией, благодаря влиянию абхазской диаспоры в этой стране [4]. Подобные связи устанавливались также с отдельными субъектами Российской Федерации (республиками Поволжья и Северного Кавказа). Но если в отношениях с Россией Абхазия представлялась как регион древнего христианства, то в рамках культурных связей с национальными регионами России и Турцией на помощь приходила исламская составляющая.

Что касается статистических данных о численности мусульман в современной Абхазии, то они крайне противоречивы. Если на начало 1990-х гг. не наблюдался рост числа мусульман, были даже зафиксированы случаи перехода некоторых, считавшихся мусульманскими, абхазских семей в православие, то теперь, как отметил пару лет назад представитель Духовного управления мусульман Абхазии Т. Дзыба, существует тенденция к увеличению количества мусульман в Абхазии. Она обусловлена ростом числа выходцев из Северного Кавказа и Средней Азии, которые приехали в республику в качестве трудовых мигрантов. Говоря об этническом составе мусульман в Абхазии, следует отметить, что абхазы составляют приблизительно 25 % мусульман (вместе с репатриантами); среди них около 35 % – представители северокавказских республик, остальные – выходцы из Средней Азии, а также турки, татары. Однако по более взвешенным оценкам число людей, действительно соблюдающих шариат, не превышает нескольких сотен человек.

В 1999 г. по инициативе мусульман Абхазии и абхазской диаспоры Турции при поддержке президента Ардзинбы в Абхазии было создано Духовное управление мусульман Абхазии (далее, ДУМ). Но еще в 1993 г. в Гудауте была открыта первая мечеть, скорее, молельная комната, находившаяся в доме культуры. А уже после

окончания войны по просьбе мусульман – жителей Гудауты администрацией города под мечеть было выделено старое здание бывшего городского Совета.

На I съезде мусульман был избран председатель ДУМ, уроженец Турции А. Габлия. По имеющейся в открытых источниках информации, сыном муфтия является гражданин Турции М. Токчан, который участвовал в террористическом акте, связанном с угоном теплохода «Аврасия» в 1996 г. Конечно, стоит критически подойти к этому информационному вбросу со стороны грузинских СМИ. Но, тем не менее, нельзя отрицать того, что Турция имеет определенные инструменты влияния на своих гражданах-репатриантов, возвращающихся на свою историческую родину. Уместно отметить и сам факт существования разведывательной сети глубокого залегания, созданной британским дипломатом бароном Д. Урквартом среди махаджиров. А. Габлия явно испытал на себе это внешнее негативное влияние, поскольку весной 2011 г. он был госпитализирован с химическим отравлением, а вскоре умер, находясь на лечении в Турции. Его смерть увенчала собою череду убийств и покушений на жизнь деятелей ДУМ. Преемником Габлии стал С. Кварацхелия, избранный председателем ДУМ на IV съезде мусульман Абхазии.

Духовное управление мусульман Республики Абхазия в период её руководство А. Габлией активно укрепляло связи с абхазской диаспорой, проживающей на территории Турции, Сирии, Иордании и других мусульманских стран. Однако им развивались и связи с мусульманским духовенством и политическими деятелями в Кавказских регионах, входящих в состав Российской Федерации. Причём, особое внимание им уделялось мусульманским структурам, которые работали в регионах с этнически родственным абхазам населением.

В рамках активизации усилий со стороны Духовного управления мусульман Республики Абхазия по международному направлению особо прочные отношения у его руководства сложились с официальной структурой Турции – Управлением по делам религии. В отношении России также сотрудничество развивалось в рамках официальных, признанных и поддерживаемых государством структур. Представители российского исламского духовенства вместе со своими коллегами из мусульманских стран принимали участие в прошедшем в 2003 г. в городе Сухуме II-м съезде мусульман Абхазии. В частности, для участия в данном мероприятии был делегирован А. Рахматуллин от Центрального духовного управления мусульман России (далее, ЦДУМ).

Далее, начался период институционализации сотрудничества, и в 2005 году Духовное управление мусульман Республики Абхазии заключило соглашение о сотрудничестве совместно с Советом муфтиев России (далее, СМР). В рамках данного сотрудничества было создано официальное представительство Союза мусульман России в Республике Абхазия. В рамках закреп-

ления достигнутых договорённостей был организован визит в Абхазию руководителя Союза мусульман России Р.И. Гайнутдина.

Всё дальнейшее сотрудничество организаций, представляющих интересы мусульман Абхазии с российской стороны, осуществлялись только посредством взаимодействия с Союзом мусульман России. Это привело, учитывая крайне напряженные отношения между российскими мусульманскими организациями, к прекращению не просто сотрудничества, а вообще – прямых контактов с Центральным духовным управлением мусульман, которое возглавлял Т.С. Таджуддин. Такое состояние дел явилось неизбежным отражением объективно существующего раскола в мусульманской общине Российской Федерации, при котором заметны частые конфликты и информационное противостояние различных структур. В этой ситуации более заметный в информационном пространстве Союз мусульман России проводит активную и успешную работу, направленную на увеличение своего влияния не только среди российских мусульман, но и в приграничных государствах. В этой ситуации, Союз мусульман России часто начинает вытеснять более консервативное Центральное духовное управление мусульман, тем более, что данная организация является, в большей степени, бюрократической со всеми, связанными с этим, проблемами в принятии решений и в разработке гибкой информационной политики. Это способствует фактическому уходу Центрального духовного управления мусульман из актуального медийного пространства. При этом происходит и фактическое замещение Союзом мусульман России функций взаимодействия с региональными центрами ислама в России и международного сотрудничества, в частности, в интересующем нас аспекте взаимодействия с Абхазией.

Некоторые аналитики высказывают мнение о крайне спорном последствии действий Союза мусульман России, который, по их мнению, приводит к усилению разделения мусульман России по этическому, политическому и т.п. вопросам, что является дополнительным деструктивным фактором к обострению конфликта амбиций чиновников, представляющих религиозные организации, относящиеся к исламу. Самая сложная проблема, по мнению мусульманских духовных лиц и политиков, состоит в том, что подтачивается единство уммы, мусульманской общины России. В целом, такая ситуация сказывается и на международных отношениях, существующих в рамках исламской конфессии, что снижает возможности России влиять на процессы не только в исламском мире, в целом, но и, непосредственно, в зоне своих интересов в приграничных государствах. Отмечается, что по этой причине заметна неспособность этой структуры заинтересовать исламскую общину в Абхазии в сотрудничестве с Россией и как-то ослабить остроту антироссийских настроений в абхазской и, в целом, в адыго-черкесской эмигрантской общине [5, с. 271].

Исламская община Абхазии, в принципе, не стремится развивать широкое сотрудничество с

российскими исламскими организациями. Так, например, достаточно солидная организация Координационный центр мусульман Северного Кавказа, казалось бы, наиболее близкая к абхазам, вообще не привлекался абхазской стороной ни к какому сотрудничеству. Нет даже регулярного общения между ними на институциональном уровне. Объяснение такого положения дел может быть связано с тем, что абхазское исламское духовенство не хочет даже теоретически создать ситуацию, при которой оно попадёт под серьёзное влияние со стороны соседней, и поэтому потенциально имеющей больше возможностей повлиять на абхазское исламское духовенство и просто прихожан, этой кавказской организации. Здесь мы видим ту же логику, что действует и в отношении ограничения сотрудничества абхазского политикума и общества, в целом, по отношению ко всем другим странам, желание любой ценой сохранить свою независимость и самобытность. Учитывая вышеизложенное, можно говорить как о значительной победе российских исламских структур, которые, всё-таки, поддерживают контакты с духовенством Абхазии так и о том, что, начиная с 2009 года, представители абхазской исламской общины участвуют в хадже как составная часть паломников от России.

Если говорить о конфликтогенных аспектах возрождения и институционализации ислама в Абхазии, то здесь нужно отметить следующие направления.

1. Возможность конфликтов с христианами и традиционалистами (теми, кто придерживается языческих верований и традиций). Существующее напряжение между отдельными религиозными направлениями может накладываться и, к сожалению, накладывается на историческую память и историческую вражду, идущую от времён Кавказской войны 19-века.

2. Опасения, которые, при определённых обстоятельствах, могут перерасти в открытый конфликт – это борьба за влияние между исламским духовенством и представителями правящих кланов. Пока эта ситуация остаётся на уровне рассуждений о возможном, но такая опасность есть, и она осознаётся аналитиками. Главы кланов опираются на нормы обычного права и традиций, которые легализованы и институционализированы через правовые процедуры современного типа, например, через выборы, назначения на должности и т.п., но основа власти и признание ее авторитета связаны с традициями и обычаями, которые практически всегда входили в противоречие с нормами шариата.

Литература:

1. Усягин А.В. Роль Федеративного договора в преобразовании территориального управления / А.В. Усягин // Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы. Раздел VI. Состояние и

В завершение данной публикации можно сделать следующие выводы.

Проведенный анализ ислама как социального явления в социально-культурном пространстве современного абхазского общества приводит к ряду выводов.

1. Ислам является не основным структурирующим абхазское общество элементом, а лишь одним из них, причём, далеко не самым значимым. В абхазском обществе есть влияние достаточно мощной, с исторической традицией, во многом определяющей современное самосознание общества. Эта историческая традиция относится к временам Кавказской Войны 19 в. и связанного с её последствиями мухаджирства. До массовой эмиграции горцев в Турцию ислам был доминирующей религиозной конфессией, а христианство оставалось на втором месте и в неблагоприятных условиях. При этом ислам, в его кавказском варианте, абсолютно не исключает, и даже более того, взаимодействует с идеями, которые исходят из национального чувства и самосознания абхазов.

2. Влияние ислама в абхазском обществе связано с исторической памятью и связями, которые есть у граждан Абхазии с их соотечественниками, которые живут в Турции. Более того, существует тема общечеркесской идентичности, к которой относят себя и абхазы, независимо от более дробной родовой принадлежности и ряда диалектных языковых отличий.

3. Для понимания роли ислама в современном абхазском обществе, важное значение имеет фактор, связанный с внешними влияниями. В частности, на территории Турции проживает большая абхазская община, у которой сформирован свой собственный жизненный уклад и система отношений, которые они пытаются перенести в современную Абхазию.

Абхазы, которые живут в Турции, считают, что именно они сохранили традиционный уклад жизни и настоящую культуру абхазов, в то время как те, кто остались жить на территории, вошедшей в состав Российской империи, а затем Советского Союза государстве, лишились основ своей культуры и духовности. Это, безусловно, искажённая картина, поскольку известна ассимиляторская политика Турции, связанная с максимально более полным изживанием национальных культур и созданием единого целого, которое считается народом Турции. Только в таком контексте понимается лояльность абхазов турецкому государству. В то время как в составе государств, правопреемницей которых стала современная Россия, было больше возможностей для сохранения своей культуры и языка.

Literature:

1. *Usyagin A.V. The role of the Federal Treaty in the transformation of territorial administration / A.V. Usyagin // Territorial administration in Russia: theory, history, modernity, problems and prospects. Section VI. The state and problems of modern terri-*

проблемы современного территориального управления России. URL : http://www.terrus.ru/mono/r6/6.1.3.shtml#_ftn4

2. Ислам в Абхазии: политика против мечетей. Темпы роста количества мусульман пугают традиционное абхазское общество. URL : <https://ontv.su/articles/4440-islam-v-abhazii-politika-protiv-mechetei-tempy-rosta-kolichestva-musulman-puga-yut-tradicionnoe.html> (дата обращения 11.04.2019).

3. Мухиттин Озсаглам: Турция не оставляет Абхазию. URL : <https://caucasustimes.com/ru/muhittin-ozsaglam-turcija-ne-ostavljae/> (дата обращения 12.04.2019).

4. *Силантьев Р.А.* Новейшая история ислама в России. М. : Алгоритм, 2007.

5. *Тужба Э.Н.* Социально-психологические особенности кавказских этносов / Э.Н. Тужба // Общество и право. 2011. № 4. С. 311–313.

6. *Тужба Э.Н.* Адаптационные возможности населения Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2011. № 10.

7. *Тужба Э.Н.* Особенности социального самочувствия этнических групп и отношений в Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2012. № 2.

torial administration of Russia. URL : http://www.terrus.ru/mono/r6/6.1.3.shtml#_ftn4

2. Islam in Abkhazia: politics against mosques. The growth rate of the number of Muslims frightens the traditional Abkhazian society. URL : <https://ontv.su/articles/4440-islam-v-abhazii-politika-protiv-mechetei-tempy-rosta-kolichestva-musulman-puga-yut-tradicionnoe.html> (date of application 11.04.2019).

3. Muhittin Ozsaglam: Turkey does not leave Abkhazia. URL : <https://caucasustimes.com/ru/muhittin-ozsaglam-turcija-ne-ostavljae/> (date of application 12.04.2019).

4. *Silantyev R.A.* The latest history of Islam in Russia. M. : Algorithm, 2007.

5. *Tujba E.N.* Social and psychological features of Caucasian ethnic groups / E.N. Tujba // Society and law. 2011. № 4. P. 311–313.

6. *Tujba E.N.* Adaptive Opportunities of the Population of Abkhazia / E.N. Tujba // Sociological Research. 2011. № 10.

7. *Tujba E.N.* Features social well-being of ethnic groups and relations in Abkhazia / E.N. Tujba // Sociological studies. 2012. № 2.

Воронцов Сергей Алексеевич
доктор юридических наук,
профессор,
и.о. директора научно-учебного центра
противодействия коррупции,
Институт права
и национальной безопасности РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
профессор кафедры
процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Керимов Олег Юрьевич
магистр,
аспирант по направлению
«Политические науки и регионоведение»
Южно-Российский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ug-igrushka@rambler.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

■ ■ ■

Аннотация. Гражданское общество формируется в соответствии с коллективистскими и гражданскими качествами и устремлениями граждан, способностью людей объединяться в ассоциации для защиты своих прав и интересов, действуя при этом в публичной сфере. Теория политической науки декларирует, что роль государства в развитии такого демократического института, как гражданское общество, заключается в создании им необходимых правовых и политических условий. Миссия же гражданского общества состоит в контроле деятельности государства, что и является поддержкой демократических институтов. В статье излагаются не только теоретические подходы к исследованию причин и механизмов функционирования гражданского общества в современном социуме, но и акцентируется внимание на особенностях его зарождения в постсоветской России, в которой доминирует неформальный способ строительства политической системы со стороны гражданского общества формальным образом: при инициировании формирования его институтов со стороны государственной власти.

Ключевые слова: постсоветская Россия, государственная власть, гражданское общество, вертикаль власти, теория политической науки.

■ ■ ■

Sergey A. Vorontsov
Doctor of Law,
Professor,
Acting Director of the Research
and Training Center Countering Corruption,
Institute of Law and National Security
of the RANEPa under the President
of the Russian Federation,
Professor of the Department
Procedural Law,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.panera.ru

Oleg U. Kerimov
Master,
Postgraduate Student in Direction
«Political Sciences and Regional Studies»
South Russian branch
of the Russian Federation
Academy of National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ug-igrushka@rambler.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

■ ■ ■

Annotation. Civil society is formed in accordance with the collectivist and civil qualities and aspirations of citizens, the ability of people to unite in the association to protect their rights and interests, acting in the public sector. The theory of political science declares that the role of the state in the development of such a democratic institute, as civil society, is to create the necessary legal and political conditions. The mission of civil society is to control the activities of the state, which is support for democratic institutions. The article outlines not only theoretical approaches to the study of the reasons and mechanisms for the functioning of civil society in modern society, but also emphasizes the peculiarities of its origin in the post-Soviet Russia, in which the informal method of building a political system from civil society is dominated by the formal way: when initiating the formation of its institutions on the part of state power.

Keywords: post-Soviet Russia, state power, civil society, vertical of power, theory of political science.

■ ■ ■

Рассматривая гражданское общество как элемент политической системы России, необходимо определить его основные характеристики. Наиболее распространенным признаком наличия гражданского общества в стране является, гарантированные государством, правовые, политические и экономические права и свободы граждан.

Гражданское общество формируется в соответствии с коллективистскими и гражданскими качествами и устремлениями граждан, способностью людей объединяться в ассоциации для защиты своих прав и интересов, действуя при этом в публичной сфере.

Согласно Большому Юридическому словарю, гражданское общество развивается независимо, автономно от государства [1]. Согласно либеральным канонам, для появления и существования гражданского общества необходимы такие условия, как разные формы собственности, свобода предпринимательства, самоуправление, идеологическое многообразие и т.д. В ряде западных стран нарастает тенденция закрепления института гражданского общества на конституционном уровне.

Словарь «Политика» дает другое понимание гражданского общества, как объединения, не являющиеся ни государством, ни семьей, а занимающие некое промежуточное положение, объединение граждан на добровольной основе [2].

Теория политической науки декларирует, что роль государства в развитии такого демократического института, как гражданское общество, заключается в создании им необходимых правовых и политических условий. Миссия же гражданского общества состоит в контроле деятельности государства, что и является поддержкой демократических институтов.

Наиболее актуальна и демонстративна роль гражданского общества в России была в 80–90-е годы XX века. Строительство демократии и рынка в стране шло с помощью широкой поддержки стихийно сформировавшегося гражданского общества, еще неоформленного и неустоявшегося института. Запрос общества на разветвленную политическую систему сохраняется и в настоящее время.

В 2000-е годы политические процессы в России изменили свою направленность в сторону создания вертикали власти во главе с сильным лидером, что, безусловно, упростило политическую систему государства. Усиление центра власти привело к снижению роли гражданского общества и убедило российский истеблишмент, что политическая система России может формироваться по решениям «сверху» без участия гражданского общества. Такая политика привела к закрытости политической системы, и, как следствие, к расцвету коррупции, nepотизма, вседозволенности в действиях и публичных заявлениях чиновников. Уровень оторванности правящего класса от общества достиг такого масштаба, что

власти пришлось идти на такие меры, как создание Общероссийского народного фронта как канал отвода социального напряжения, растущего в обществе.

Отношение к вопросу необходимости гражданского общества в России самих россиян неоднозначно. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство российских граждан считает, что для того, чтобы в стране сформировалось действенное гражданское общество, люди в массе своей должны быть избавлены от нужды [3]. А Фонд общественного мнения (ФОМ) выяснил, что только половина опрошенных знает, что такое гражданское общество [4].

Направление государственной политики в отношении формирования гражданского общества получило дальнейшее развитие в официальном документе – принятой в 2015 году «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [5], в которой прописано взаимодействие государства и гражданского общества в целях повышения качества и уровня жизни россиян является одним из условий обеспечения государственной и общественной безопасности.

Необходимо отметить существующую точку зрения среди представителей общественных наук на гражданское общество как на систему институтов, независимую от государства и предназначенную для защиты неполитических интересов граждан (бытовых, социальных и пр.). Этот подход называется горизонтальным, считающим гражданским обществом объединения граждан, создающихся для защиты своих социальных интересов. Но любой интерес, в какой-то мере, должен в своей реализации, а тем более, в защите, коснуться взаимодействия институтов гражданского общества с органами власти, принимающими решения в области возникшей проблемы – будь это интересы «обманутых дольщиков», благоустройство территории проживания и пр. Поэтому без вертикального взаимодействия граждан с органами власти не обойтись. Тем более, когда власть сама инициирует формирование гражданского общества, как это произошло с созданием Общероссийского народного фронта.

Взаимодействие гражданского общества с государственными и муниципальными органами власти и является процессом, происходящим внутри политической системы государства. Трансляция интересов граждан через структуры гражданского общества и является реализацией диалога между обществом и властью.

Современная политическая система в России претерпевает изменения через усиление влияния на власть неформальных институтов, без которых не может функционировать ни одна политическая система современных обществ. Особенностью России является поддержка неформального способа строительства политической системы формальным образом: а именно, государственной властью. К числу неформальных институтов, становящихся в российском полити-

ческом поле, можно отнести политические, некоммерческие и общественные организации, политические коалиции, политическую и бизнес-элиту, институт политического лидерства и др. Все они касаются, в той или иной степени, политики, и, в той или иной степени, не формализованы нормами права.

Таким образом, можно отметить, что в данной публикации нами сформулирована важная теоретико-практическая проблема, состоящая в том, что в правовом, общественном и политическом дискурсе гражданское общество понимается как независимый от государства элемент обще-

Литература:

1. Большой юридический словарь М. : Инфра-М, 2003.
2. Политика. Толковый словарь. М. : ИНФРА-М; Издательство «Весь».
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения. База данных. URL : http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=282&q_id=22602&date=11.10.2003 (дата обращения 11.08.2019); URL : http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=216&q_id=17817&date=15.06.2006 (дата обращения 11.08.2019); URL : http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=557&q_id=40075&date=31.08.2008 (дата обращения 11.08.2019).
4. Еженедельный опрос «ФОМнибус» 12–13 сентября 2015 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL : <http://fom.ru/TSennosti/12375> (дата обращения 11.08.2019).
5. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/688504/#ixzz3zAhdoxfp>

ственной системы, предназначенный для реализации социальных, неполитических интересов граждан, что не полностью соответствует действительности, так как принятие политических, управленческих и правотворческих решений государственной властью, зачастую, происходит под воздействием на неё со стороны организованных групп граждан, составляющих структуру еще формирующихся в постсоветской России институтов гражданского общества. Особенностью России является поддержка неформального способа строительства политической системы со стороны гражданского общества формальным образом – государственной властью.

Literature:

1. Large Legal Dictionary M. : Infra-M, 2003.
2. Policy. Dictionary. M. : Infra-M; Publisher «All».
3. All-Russian Public Opinion Study Center. Database. URL : http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=282&q_id=22602&date=11.10.2003 (date of handling 08/11/2019); URL : http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=216&q_id=17817&date=15.06.2006 (date of handling 08/11/2019); URL : http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=557&q_id=40075&date=31.08.2008 (date of application 08/11/2019).
4. Weekly survey «Fomnibus» September 12–13, 2015, 53 of the subject of the Russian Federation, 104 settlements, 1500 respondents. URL : <http://fom.ru/tsennosti/12375> (date of application 08/11/2019).
5. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 «On the Strategy of National Security of the Russian Federation». URL : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/688504/#ixzz3zahdoxfp>

Ламинина Ольга Глебовна
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры информационной
аналитики и политических технологий,
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
Olga.Laminina@gmail.com

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. COVID-19 полностью поменял восприятие науки и ее возможностей. Мир, огромная часть которого, склонна к скептическому восприятию науки, сегодня начал понимать ее актуальность и важность. В 2020 году, впервые за последние три года, кардинально изменилась тенденция растущего скептицизма в отношении научной деятельности. В данной статье рассматриваются основные пути и направления формирования и развития научно-технической политики Российской Федерации, актуализируются обстоятельства ее реализации в условиях пандемии.

Ключевые слова: наука, техника, научно-техническая политика, COVID-19, коронавирус, пандемия, приоритетные направления.

Чтобы совершить технологический рывок и дать мощную поддержку науке на федеральном уровне, 25 декабря 2020 года Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ о проведении в 2021 году в России Года науки и технологий [1]. Глава государства отметил, что вызов эпидемии, с которым столкнулась цивилизация, четко показал колоссальную значимость сферы науки и технологий. Вклад, который может она внести в развитие страны, в обеспечении ее безопасности, по мнению главы государства, заслуживает особого государственного внимания [2].

COVID-19 полностью поменял восприятие науки и ее возможностей. Мир, огромная часть которого склонна к скептическому восприятию науки, сегодня начал понимать ее актуальность и важность. В 2020 году, впервые за последние три года, кардинально изменилась тенденция растущего скептицизма в отношении научной деятельности, а количество людей, говоривших о своем скептическом отношении к науке, сократилось с 35 % до 28 %, то есть, на 7 %. При этом возрождение доверия к науке требует от нее серьезных действий. Более половины опрошенных (54 %) согласны с тем, что пандемия повышает вероятность того, что они будут отстаивать позиции науки, в то время, как данные до пандемии показывают, что только 20 % были готовы

Olga G. Laminina
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Information
Analytics and Policy Technologies,
Moscow State Technical
N.E. Bauman University
Olga.Laminina@gmail.com

SCIENTIFIC AND TECHNICAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

Annotation. COVID-19 has completely changed the perception of science and its possibilities. The world, a huge part of which, prone to sceptical perception of science, today began to understand its relevance and importance. In 2020, for the first time in three years, the trend of growing scepticism about scientific activity has changed dramatically. This article examines the main ways and directions of the formation and development of the scientific and technical policy of the Russian Federation, actualizes the circumstances of its implementation in the context of a pandemic.

Keywords: science, technology, science and technology policy, COVID-19, pandemic, coronavirus, priority areas.

статье амбассадорами науки при обсуждении ее важности для современного мира. Почти две трети опрошенных (63 %) редко задумываются о том, какое влияние оказывает наука на их повседневную жизнь. И почти одна треть (32 %) по-прежнему считает, что их жизнь «не изменилась бы», если бы науки не существовало [3].

На сегодняшний день, наука и техника плотнее всего связаны с экономическими, социальными, организационными, правовыми и другими отношениями. Научные знания и уровень развития техники становятся ценнейшим национальным богатством. Выбор наиболее перспективных направлений в развитии науки и техники, крупномасштабное и эффективное внедрение их достижений, обеспечивающее ускоренный прогресс общественного производства, становятся важнейшей функциональной деятельностью современного государства. Конкретно эта деятельность выражается в обосновании, разработке и реализации научно-технической политики.

Научно-техническая политика – это генеральная линия государства, концентрированно выражающая его стратегические интересы и цели в прогрессе науки и техники, определяющая основные направления, принципы и механизмы применения новейших научных достижений во всех сферах общественной жизни. Единая политика в

области науки и техники воплощает тесную взаимосвязь общегосударственных, межотраслевых и межрегиональных интересов в научно-техническом прогрессе. Это является определенным заслоном ведомственным и местническим тенденциям в этой области. Ее цель – выработать такую систему экономических, финансовых, организационных и моральных мер, которая бы заинтересовала в обновлении техники и технологий руководителей производства, инженерно-технический персонал, рабочих, ученых и конструкторов, сделала бы их труд интересным, выгодным для государства, для трудовых коллективов и для каждой конкретной личности.

Единая научно-техническая политика функционально призвана обеспечивать целостную кооперацию, согласованность действий всех звеньев общественного механизма, определять достаточно жесткую границу временного интервала полезного использования созданных технических систем, смягчать те противоречия, которые возникают в ходе повышения интегрального социально-экономического эффекта.

Согласно Федеральному закону от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» основными целями государственной научно-технической политики являются развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки и техники в развитие экономики государства, реализацию важнейших социальных задач, обеспечение прогрессивных структурных преобразований в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности продукции, улучшение экологической обстановки и защиты информационных ресурсов государства, укрепление обороноспособности государства и безопасности личности, общества и государства, интеграция науки и образования [4].

Согласно Указу Президента Российской Федерации № 642 от 01.12.2016 г. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утверждены приоритеты и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации. Среди приоритетных направлений развития отечественной науки авторы Стратегии выделили цифровые производственные технологии, создание новых материалов, развитие систем, способных обрабатывать большие объемы данных, искусственный интеллект и машинное обучение, переход к экологически чистым и ресурсосберегающим источникам энергии, персонализированная медицина.

Стратегия будет реализовываться при финансовой поддержке федерального бюджета и за счет различных внебюджетных источников. Затраты на исследования и научные разработки постепенно будут увеличены до 2 % от ВВП страны, в том числе, и за счет пропорционального роста частных инвестиций. Объем частных вложений в науку к 2035 году должен быть не ниже государственных [5].

Национальные научно-технологические приоритеты реализуются также с помощью национальных научно-технических и инновационных программ, федеральных и отраслевых целевых программ, в том числе, ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на период 2014–2020 годы» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 426). 22 апреля 2020 года было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы». Была принята Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы». В рамках Федеральной целевой программы разработана сумма мероприятий, процедур и регламентов, через которые государство осуществляет научно-техническую политику, размещая государственные заказы на исследования и разработки в тех направлениях науки и технологии, которые признаны приоритетными.

На данный момент, приоритетной задачей является привлечение талантливой молодежи в сферу науки и технологий, повышение вовлеченности профессионального сообщества в реализацию Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, а также формирование у граждан нашей страны четкого представления о реализуемых сегодня государством и бизнесом инициативах в области науки и технологий [1].

В сегодняшней реальности коронавирусная инфекция стала определяющим фактором технологических изменений, которые, скорее всего, останутся с нами надолго. Режим изоляции привел к временному закрытию не жизненно важных предприятий, производств и офисов. Сотрудники, которые могли, перешли на дистанционный режим работы. Таким образом, страна перешла в режим «глобальной цифровой трансформации». Сегодня часть из этих людей возвращаются в офисы, но многие компании пытаются найти новые, более гибкие практики – для работы, соответствующей сегодняшним реалиям.

Пока многие взрослые работали из дома, дети и молодежь пытались оттуда же учиться. Министр науки и высшего образования Валерий Фальков в интервью portalу бизнес-школы «Сколково» прямо назвал пандемию отправной точкой в переходе к «новому очному образованию», в котором будет больше онлайн-форматов.

В связи с опасностью контактов с другими людьми, через которые передается вирус, произошел «бесконтактный бум» во всем и даже в обыденной жизни людей – от доставки продуктов до регистрации браков.

Технология применения роботов-курьеров, которым не грозит коронавирус, пока оказалась не-

достаточно зрелой. И в этой сфере для того, чтобы заменить человека необходимы скоординированные усилия ученых и инженеров. Зато, были разработаны проекты для применения в больницах роботов для доставки лекарств, питания и дезинфекции помещений. Появилось относительно новое направление в лечении пациентов – телемедицина. В России в последнее время значительно возрос интерес к телемедицине, где отсутствует прямой контакт больного с врачом [7].

Несмотря на сложнейшие условия, во время пандемии российскими учеными был совершен ряд важнейших изобретений, таких как: вакцина от туберкулеза, которая не только защищает от туберкулеза, но и лечит уже заболевшего человека; стабилизатор шасси автомобилей, дешевый способ использования солнечной энергии. Также, была создана технология, помогающая защититься от некоторых способов мошенничества, а именно отличить интеллектуального бота от живого человека. Были совершены важные открытия и в строительной отрасли. Таким изобретением стала технология производства материалов со специальными добавками, которые предотвращают горение изделия. Ученые создали антенну малой высоты, которая обладает широкой полосой рабочих частот и малой взаимосвязью между излучателями. В области медицины был создан прибор, благодаря которому, хирурги при проведении операций могут с помощью лазерного излучения автоматически зондировать биологическую ткань для обнаружения нервов и сосудов. Благодаря российским студентам, в 2020 году был изобретен персональный блокатор вирусов.

Важно отметить, что российские ученые представили финальные версии важнейших научно-технологических достижений, таких как:

- новый отечественный лайнер МС-21 с новым отечественным двигателем ПД-14;
- уникальная плавучая АЭС «Михаил Ломоносов»;

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2020 № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий».
2. URL : <https://www.minobrnauki.gov.ru/god-nauki/> (дата обращения 03.05.2021).
3. Газета «Энергетика и промышленность России» № 21 (401) ноябрь 2020 года.
4. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О науке и государственной научно-технической политике».
5. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

- российский самолет Ил-114–300;
- первый супертанкер класса «Афрамекс»;
- тяжелая ракета «Ангара-А5», позволяющая России иметь собственную лунную и марсианскую программу и т.д.

И, несомненно, необходимо сказать, что в условиях COVID 19 одним из самых громких достижений было создание российской вакцины против коронавируса «Спутник V» в Центре им. Гамалеи, а также еще нескольких других вакцин.

В период пандемии стало очевидно, что развитие науки, инноваций и цифровых технологий – не просто «абстрактно» декларируемый политический приоритет в странах – многолетних технологических лидерах. Миллионы людей по всему миру, ранее свикшиеся с достижениями науки и технологий и уже не замечавшие их преимуществ, сегодня персонально ощущают их значимость для каждого человека.

Для России задача укрепления глобальных конкурентных позиций за счет ускоренного развития науки и технологий, создания условий для инновационной деятельности является принципиальной. Ее успешное решение позволит обеспечить диверсификацию структуры экономики, снизить ресурсную зависимость, повысить темпы экономического роста и уровень жизни населения, обеспечить технологическую безопасность [6].

«Укрепление научного потенциала России – это долгосрочная и системная работа. Идет развитие исследовательской инфраструктуры, создаются научные центры, разработана система поддержки молодых талантов и привлечение к научным проектам наших соотечественников. Время показало, что такие шаги были правильными и своевременными», – подчеркнул Владимир Путин на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ [2].

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 812 of 25.12.2020 «On Holding the Year of Science and Technology in the Russian Federation».
2. URL : <https://www.minobrnauki.gov.ru/god-nauki/> (date of application 03.05.2021).
3. The newspaper «Energy and Industry of Russia» № 21 (401) november 2020.
4. Federal Law № 127-FZ of 23.08.1996 (as amended on 08.12.2020) «On Science and State Scientific and Technical Policy».
5. Decree of the President of the Russian Federation № 642 of 01.12.2016 (as amended on 15.03.2021) «On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation».

6. URL : <https://issek.hse.ru/news/401692624.html>
(дата обращения 03.05.2021).

7. URL : <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/07/30/835117-virusnie-izmeneniya> (дата обращения 03.05.2021).

8. *Пусько В.С.* Роль технических наук в становлении общества знания / В.С. Пусько // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2.

6. URL : <https://issek.hse.ru/news/401692624.html>
(date of application 03.05.2021).

7. URL : <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/07/30/835117-virusnie-izmeneniya> (date of application 03.05.2021).

8. *Pusko V.S.* The Role of Technical Sciences in the Formation of a Knowledge Society / V.S. Busko // Humanist of the South of Russia. 2017. № 2.

Понеделков Александр Васильевич
 Заслуженный деятель науки РФ,
 доктор политических наук,
 профессор,
 заведующий лабораторией
 проблем повышения
 эффективности государственного
 и муниципального управления,
 Южно-Российский институт управления –
 филиал РАНХиГС при Президенте РФ
 ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Максимов Максим Вячеславович
 магистрант факультета политологии,
 Южно-Российский институт управления –
 филиал Российской академии народного
 хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации
 maximovmax94@mail.ru

ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА ПРЯМОЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. После вступления России в постсоветский период своего развития начался активный процесс формирования системы государственного управления по всей властной вертикале с параллельным устройством в ходе этого процесса институтов политической власти. В данной статье авторами уделяется внимание теме организации деятельности органов местного самоуправления таким образом, чтобы они являлись эффективной формой осуществления права граждан на прямое волеизъявление. В завершение публикации делается вывод о том, что современное состояние непосредственной демократии в России на уровне местного самоуправления обладает большим потенциалом для реализации общечеловеческих ценностей – прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: местное самоуправление, демократия, прямое волеизъявление, государственное управление, местный референдум, депутат, муниципальные выборы.

■ ■ ■

Согласно системообразующему закону Российской Федерации № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Гл. 5 [1], в России предусмотрены следующие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления:

– местный референдум;

Aleksandr V. Ponedelkov
 Honored Scientist of the Russian Federation,
 Doctor of Political Science,
 Professor,
 Head of Laboratory Raising Problems
 Efficiency of the State
 and Municipal Administration,
 South Russian Institute of Management –
 branch of RANEPa under the President
 of the Russian Federation
 ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Maksim V. Maximov
 Master of Political Science,
 South Russian Institute of Management –
 branch of the Russian Academy
 of Folk Economy and Public Service
 President of the Russian Federation
 maximovmax94@mail.ru

FORMS OF EXERCISE OF THE RIGHT OF CITIZENS TO EXPRESS WILL IN THE SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT

■ ■ ■

Annotation. After Russia entered the post-Soviet period of its development, an active process began to form a system of public administration throughout the power vertical with a parallel structure of institutions of political power during this process. In this article, the authors pay attention to the topic of organizing the activities of local self-government bodies in such a way that they are an effective form of exercising the right of citizens to express their will directly. At the end of the publication, it is concluded that the current state of direct democracy in Russia at the level of local self-government has great potential for the realization of universal human values – human and civil rights and freedoms.

Keywords: local self-government, democracy, direct will, public administration, local referendum, deputy, municipal elections.

- ■ ■
- муниципальные выборы;
 - голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
 - сход граждан;
 - правотворческая инициатива граждан;

- территориальное общественное самоуправление;
- собрание граждан;
- конференция граждан (собрание делегатов);
- опрос граждан;
- обращения граждан в органы местного самоуправления;
- другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении [1].

В соответствии с целью нашего исследования, мы считаем необходимым рассмотреть некоторые основные формы местного самоуправления.

Местный референдум. В Конституции РФ референдум называется высшим непосредственным выражением воли народа, наряду с выборами, соответственно, в системе местного самоуправления референдум имеет такое же значение. Политическая роль референдума состоит в возникновении у граждан чувства сопричастности в управлении страной в масштабах «малой родины», что способствует росту политической сознательности, политической культуры и участия. Правовую основу для осуществления местных референдумов составляют:

- Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации» [2];
- Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3];
- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1], а также, уставы и законы субъектов федерации, нормативные акты органов местного самоуправления.

Местный референдум проводится по вопросам местного значения, касающимся интересов населения в области его жизнедеятельности. Вопросы, которые можно выносить на местный референдум, иногда оговорены в законах субъектов федерации, иногда нет. Так, в Законе Ростовской области от 12 мая 2016 года № 525-ЗС «О выборах и референдумах в Ростовской области» (с изменениями на 06 мая 2019 года) [15] в ст. 6 говорится лишь о том, что требования и ограничения относительно вопросов, выносимых на областные и местные референдумы, устанавливаются Федеральным законом № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4].

Формой проведения местного референдума является прямое голосование членов местного сообщества.

Таким образом, местный референдум можно определить как институт непосредственной демократии, осуществляющий право граждан путем голосования членов местного сообщества, обладающих активным избирательным правом. Результаты референдума носят императивный, обязательный для исполнения характер. Ученые спорят о числе стадий референдума [5, с. 198; 6, с. 93], но организационно референдум нуждается в таких этапах, как инициатива о его проведении, обсуждение, проведение референдума, включающее его организацию, голосование, подведение итогов, реализация решений референдума.

Институт местного референдума не является распространенной практикой в России. Причинами такого положения могут быть и финансовые трудности, и отсутствие у местных чиновников потребности советоваться с местным сообществом.

Муниципальные выборы. Институт муниципальных выборов является самым распространенным по причине необходимости формирования органов местного самоуправления: составления депутатского корпуса и выборных должностных лиц. Выборы являются способом легитимизации местной власти, ее преемственности и обеспечения стабильности развития общества на местном уровне. Избирательный период дает возможность манифестации контрольной гражданской функции, публичного высказывания граждан критики деятельности своих представителей. Выборы также помогают в определении направлений деятельности депутатов и выборных должностных лиц, вручения наказов избирателей.

Муниципальные выборы можно определить как институт непосредственной демократии, нормативно и функционально закрепленный в политической системе России, регулирующий отношения между избираемыми лицами и избирателями.

Российское законодательство оформляет приходу муниципальных выборов с помощью следующих нормативных актов:

- Конституции Российской Федерации [7];
- Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1];
- Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3];
- Федерального закона «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» от 26.11.1996 № 138-ФЗ [8], а также, принятые субъектами Российской Федерации, законы.

Базовыми принципами института непосредственной демократии в форме муниципальных выборов являются всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании.

При проведении муниципальных выборов применяются два типа избирательных систем: мажоритарная и пропорциональная: первая означает голосование избирателей за кандидатов, вторая – за политические партии. Возможно смешанное применение этих систем. Вид избирательной системы определяется субъектом федерации (ст. 23 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]). Так, в Ростовской области, согласно Закона Ростовской области от 12 мая 2016 года № 525-ЗС «О выборах и референдумах в Ростовской области» [4] при выборах депутатов Законодательного собрания области применяется смешанная избирательная система (ст. 3, ч. 5), а при выборах депутатов представительных органов муниципальных образований – мажоритарная и смешанная системы, определяемые уставами образований (ст. 3, ч. 6).

Собрания, сходы, конференции граждан. Правовое обеспечение данного института непосредственной демократии составляют:

- Конституция Российской Федерации [7];
- Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» [13];
- Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [14],

а также нормативные акты субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Участники собраний и публичных манифестаций имеют право на положительные, мирные действия, право требования действий обязанных лиц и право на обращение к государственной защите. Право на положительные действия означает право участников собраний и сходов вести себя политически активно, совершать любые действия в рамках закона. Право требования – право требовать от органа власти и должностного лица совершения действий (или воздержания от действий), определенных Конституцией РФ и законами государства. Право притязания – право обращаться за защитой своих прав в правоохранительные и судебные органы.

Разновидностью собраний по месту жительства граждан являются сходы. Различие между данными тождественными понятиями заключается в территориальной составляющей: собрания более характерны для городской местности, сходы – для сельской местности. Собрания, сходы и конференции (собрания делегатов) как институт непосредственной демократии регулируются правовыми нормами муниципального образования.

Собрания (сходы) граждан дают им возможность высказаться по различным вопросам, выразить свою волю. Собрания являются выражением суверенитета российского народа и формой непосредственной демократии на местном уровне. Если сельское поселение не обладает большой численностью населения, то сход может быть одновременно и представительным органом, и институтом непосредственной демократии.

Голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. В советском законодательстве сохранилась такая форма волеизъявления граждан, но в Конституции РФ данный институт непосредственной демократии не упомянут. Тем не менее, некоторые субъекты федерации предусмотрели право избирателей на досрочный отзыв выборных лиц в случаях, если они не справляются со своими обязанностями. Правовой основой досрочного отзыва выборных лиц стали уставы субъектов, конституции республик, отдельные законы о статусе депутатов местных органов власти. Но не все субъекты ввели в региональное законодательство данную форму волеизъявления граждан.

Так, в Ростовской области действует Закон от 08 июня 1994 года № 1-ЗС «О статусе депутата Законодательного Собрания Ростовской области», в котором предусмотрено (ст. 10) досрочное прекращение полномочий депутата, но в статье не содержится пункта об отзыве депутата по инициативе избирателей [11].

Для отзыва депутата могут существовать разные основания: и неучастие в работе представительного органа местного самоуправления, и невыполнение предвыборных обещаний, содержащихся в программе депутата, и противозаконная деятельность, и отказ от приема избирателей, встреч с ними и пр. Отзыв депутата и выборного должностного лица избирателями может быть вызван самыми разнообразными причинами. При этом причиной отзыва не может служить его политическая деятельность, что предусмотрено принципом многопартийности и идеологического плюрализма.

Процедура отзыва депутатов и выборных должностных лиц местного самоуправления требует своего совершенствования ввиду своей актуальности, обусловленной высокой востребованностью в практике местного самоуправления.

Обращения граждан в органы местного самоуправления, Правотворческая инициатива граждан. Право граждан на обращение в органы власти закреплено в Конституции РФ (ст. 33), и получило свое развитие в федеральных законах № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] и № 59-ФЗ от 02.05.2006 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [9].

Продолжение закрепления права граждан на обращение в органы местного самоуправления происходит и на уровне субъектов федерации. Например, в Ростовской области принят закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» [11].

Право граждан на обращение является формой участия граждан в управлении местным сообществом. Обращения граждан в органы местного самоуправления носят политический, конституционный характер, относятся к личным субъективным правам граждан, являются формой выражения института непосредственной и представительной демократии, элементом диалога между властью и обществом.

Граждане обладают конституционным правом направлять как личные, так и коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления [1]. Обращения граждан регулируются рядом правовых норм, в общей сложности представляющих собой достаточно обширную правовую базу. Так, например, обращение трактуется Федеральным законом № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации» [9] как направленные в соответствующий орган власти или должностному лицу в любой форме (письменной, устной, электронной) предложение, заявление или жалоба.

Каждый дееспособный гражданин может обратиться в любой орган государственной или муниципальной власти по какому-либо значимому для него поводу в любое время – это его неограниченное и неотчуждаемое право как гражданина РФ. Государственные и муниципальные органы обязаны принимать граждан и общественных организаций, регистрировать и рассматривать их обращения, а также своевременно давать на них ответы.

Недостатком данной сферы является неполная открытость процесса: ни обращения, ни принимаемые по ним решения, не публикуются в от-

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 14.09.2019).
2. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/ (дата обращения 15.09.2019).
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/856d6ff1c0e771f2bf66458bbd312b6fb7639585/ (дата обращения 15.09.2019).

крытом доступе, а остаются в рамках ведомств, что не способствует созданию положительного имиджа власти и информированности общества. Существенные недостатки наблюдаются в правозащитной сфере: волокита, бюрократизм, несогласованность в работе между ведомствами приводят к тому, что очень большое число обращений остаются нерассмотренными или нерешенными, с нарушениями сроков рассмотрения.

Одной из форм коммуникации граждан с властью являются петиции, но термин не нашел нормативного закрепления, а облачен в формулировку «общественная инициатива» [12], что близко к правотворческой инициативе граждан.

Правотворческая инициатива также является формой непосредственной демократии, при которой осуществляется право граждан на внесение в представительный орган местного самоуправления проекта нормативного акта по вопросам местного значения. Инициатива, как правило, вносится группой граждан, относящихся к местному сообществу. Поэтапно сначала создается инициативная группа, как правило, в трудовых коллективах или на сходах граждан по месту жительства и т.д. Далее ведется агитация, собирается необходимое количество подписей, в зависимости от уровня органа местного самоуправления: для села или поселка достаточно 30 подписей, района, города – 100.

Таким образом, в завершение нашего исследования можно сделать вывод о том, что современное состояние непосредственной демократии в России на уровне местного самоуправления обладает большим потенциалом для реализации общечеловеческих ценностей – прав и свобод человека и гражданина. Местное сообщество, пользуясь механизмами непосредственной демократии, образует социальное пространство, позволяющее гражданам, проживающим на территории муниципального образования.

Literature:

1. Federal law of 06.10.2003 № 131-FZ (ed. From 02.08.2019) «On the general principles of organizing local governments in the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_44571/ (date of application 09/14/2019).
2. Federal Constitutional Law of 28.06.2004 № 5-FCZ (ed. From 18.06.2017) «On the referendum of the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_48221/ (date of application 09/15/2019).
3. Federal Law of 12.06.2002 № 67-FZ (ed. Dated 29.05.2019) «On the basic guarantees of electoral rights and the rights to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_37119/856d6ff1c0e771f2bf66458bbd312b6fb7639585/ (date of application 09/15/2019).

4. Закон Ростовской области от 12 мая 2016 года № 525-ЗС «О выборах и референдумах в Ростовской области» (с изменениями на 06 мая 2019 года). URL : <http://docs.cntd.ru/document/439048377> (дата обращения 15.09.2019).
 5. Киров В.Ц. Государственная власть в гражданском обществе: конституционно-правовые аспекты : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. М., 1992.
 6. Дмитриев Ю.А. Референдум в системе народовластия / Ю.А. Дмитриев, В.В. Комарова. М. : Изд. фирма «Манускрипт», 1995.
 7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/ (дата обращения 16.09.2019).
 8. Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» от 26.11.1996 № 138-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12527/ (дата обращения 16.09.2019).
 9. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL : https://legalacts.ru/doc/59_FZ-o-porjadke-ras-smotrenija-obrawenij-grazhdan-rossijskoj-federacii/ (дата обращения 25.09.2019).
 10. Закон Ростовской области от 18 сентября 2006 года № 540-ЗС «Об обращениях граждан» (с изменениями на 06 мая 2019 года). URL : <http://docs.cntd.ru/document/802075871> (дата обращения 25.09.2019).
 11. Закон Ростовской области от 08 июня 1994 года № 1-ЗС «О статусе депутата Законодательного Собрания Ростовской области» (с изменениями на 2 августа 2018 года). URL : <http://docs.cntd.ru/document/800000670> (дата обращения 25.09.2019).
 12. Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». URL : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/460360/#ixzz5zZGh4tbF> (дата обращения 25.09.2019).
 13. Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I «О Декларации прав и свобод человека и гражданина».
 14. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а также норма-
4. The Law of the Rostov Region of May 12, 2016 № 525- ZS «On Elections and Referendums in the Rostov Region» (as amended for May 06, 2019). URL : <http://docs.cntd.ru/document/439048377> (date of application 09/15/2019)
 5. Kirov V.Ts. State power in civil society: constitutional and legal aspects : dis cand. law sciences: 12.00.02. M., 1992.
 6. Dmitriev Yu.A. Referendum in the system of democracy / Yu.A. Dmitriev, V.V. Komarova. M. : Ed. Firm «Manuscript», 1995.
 7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a national vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, from December 30, 2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FCZ, from 07/21/2014 № 11-FKZ). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/ (date of application 09/19/2019).
 8. Federal Law «On Ensuring the Constitutional Rights of Citizens of the Russian Federation to elect and be elected to local governments» from 11/26/1996 № 138-FZ (last revision). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_12527/ (date of application 09/16/2019).
 9. Federal Law of 02.05.2006 № 59-FZ (ed. Dated December 27, 2018) «On the procedure for the consideration of the appeals of citizens of the Russian Federation». URL : https://legalacts.ru/doc/59_fz-o-porjadke-rasmotrenija-obrawenij-grazhdan-rossijskoj-federacii/ (date of application 09/25/2019)
 10. The Law of the Rostov Region of September 18, 2006 № 540- ZS «On Appeals of Citizens» (as amended on May 06, 2019). URL : <http://docs.cntd.ru/document/802075871> (date of application 25.09.2019).
 11. Law of the Rostov Region dated June 8, 1994 № 1-3C «On the status of deputy of the Legislative Assembly of the Rostov Region» (as amended on August 02, 2018). URL : <http://docs.cntd.ru/document/800000670> (date of application 09/25/2019).
 12. Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2013 № 183 «On the consideration of public initiatives aimed at citizens of the Russian Federation using the Internet resource Russian Public Initiative». URL : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/460360/#ixzz5zZGh4tbF> (date of application 25.09.2019).
 13. Resolution of the Armed Forces of the RSFSR of November 22, 1991 № 1920-I «On the Declaration of Human and Civil Rights and Freedoms».
 14. Federal Law of June 19, 2004 № 54-FZ «On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets», as well as normative acts of the constitu-

тивные акты субъектов РФ и органов местного самоуправления.

15. Закон Ростовской области от 12 мая 2016 года № 525-ЗС «О выборах и референдумах в Ростовской области» (с изменениями на 06 мая 2019 года).

ent entities of the Russian Federation and local governments.

15. Law of the Rostov Region dated May 12, 2016 № 525-ZS «On Elections and Referendums in the Rostov Region» (as amended on May 6, 2019).

Рябошапка Олеся Николаевна
аспирантка,
Южно-Российский институт управления –
филиал РАНХиГС
chapurko@mail.ru

ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В ВОПРОСАХ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЗНАЧИМЫХ СФЕР

■ ■ ■

Аннотация. Изменения, происходящие в политической жизни современной Российской Федерации, свидетельствуют о том, что высшие руководители страны осознают необходимость изменений в процессе принятия решений связанных с разработкой нормативной базы государства. Так, в начале процесса этих перемен наблюдалась постепенная трансформация общественного сознания с перспективами, доселе казавшимися не реальными. Авторами данной статьи проводится системный анализ политико-социальных аспектов функционирования правящей элиты в направлении расширения прав граждан в регулировании общественно-значимых сфер функционирования общества.

Ключевые слова: российское общество, права граждан, российские элиты, законодательная система, политические новации, протестная активность, политический краусорсинг граждан, правительственные кибервойска.

■ ■ ■

Современные новаторские усилия, предпринятые в последние годы правительством Российской Федерации, свидетельствуют о том, что высшие руководители страны осознают необходимость изменений в процессе принятия решений, связанных с разработкой нормативной базы государства.

Так, в начале внедрения рассматриваемой политической новации наблюдалось постепенная трансформация общественного сознания с перспективами, доселе казавшимися не очень реальными. В свою очередь, власти за счет нововведения надеялись снизить протестную активность. Однако на практике отсутствие в стране сильных независимых политических институтов стало преградой для внедрения политических новаций.

С точки зрения правящей элиты, участие граждан в процессах нормотворчества это – не более чем новая стратегическая рамка, а не вопрос легитимности в общественном сознании. Де-факто, бюрократия продолжает являться доминирующим актором, формирующим повестку дня

Olesya N. Ryabosapko
Graduate Student,
South Russian Institute of Management –
branch of RANHIGS
chapurko@mail.ru

POLITICAL AND SOCIAL ASPECTS OF THE RULING ELITE IN THE ISSUES OF EXPANDING THE RIGHTS OF CITIZENS IN THE REGULATION OF PUBLIC SPHERES

■ ■ ■

Annotation. The changes taking place in the political life of the modern Russian Federation show that the country's top leaders are aware of the need for changes in the decision-making process related to the development of the regulatory framework of the state. Thus, at the beginning of the process of these changes there was a gradual transformation of public consciousness with prospects that until now seemed not real. The authors of this article conduct a systematic analysis of the political and social aspects of the functioning of the ruling elite in the direction of expanding the rights of citizens in the regulation of socially significant areas of the functioning of society.

Keywords: Russian society, citizens' rights, Russian elites, legislative system, political innovations, protest activity, political crowdsourcing of citizens, government cyberwarfare.

■ ■ ■

общественных обсуждений. В частности, результаты практического внедрения в законодательную систему общественных обсуждений, никто кроме представителей власти не может контролировать и даже прогнозировать, не говоря уже об адекватном политическом выражении намерений развивать рассматриваемый феномен.

В «обществе риска» и перманентного усложнения связей между законотворчеством и выработкой политики подготовки нормативных актов должно учитываться множество интересов, поскольку от этого фактора зависит поддержание минимального уровня социальной сплоченности.

В политологии неоднократно доказывалось, если социальные агенты и их интересы не могут быть адекватно представлены существующими институтами и процедурами, то они могут найти другие формы выражения своих интересов, которые могут не соответствовать существующим структурам и нормам. В этом контексте, не случаен, проявляющийся во многих странах, феномен падения доверия к государственным институтам – властным и оппозиционным.

Низкое качество законотворческой деятельности способствует увеличению разнообразных рисков и гражданам, и бизнесу, да и государству, особенно, «в эпоху перехода от сырьевой к инновационной экономике, основанной на использовании знаний» [1] и управлении рисками в разных сферах деятельности. Такой переход подразумевает активные процессы нормотворчества, связанные, в частности, с проблематикой «цифровой экономики».

Рассматриваемая сфера – инновационная с высоким уровнем неопределенности и ограниченным кругом профессиональных экспертов. Соответственно, становятся востребованными авторы, которые не боятся озвучивать сложные вещи в достаточно жесткой форме на основе обширных профессиональных познаний.

Соответственно, становится актуальной инновационная мобилизация общества через стимулирование участия коллективного интеллекта в проработке проектов нормативных актов. Такой инструмент предоставляет возможности по решению проблем в рамках социального диалога и расширению общественного участия, о чем свидетельствует зарубежный опыт.

В России имеет место гражданская пассивность и гражданское общество безынициативно, поэтому бюрократия принимает решения и навязывает их обществу без учета общественного мнения и какой-либо обратной реакции со стороны общественности. Более того, бюрократия активно тормозит развитие гражданских инициатив и формирование институтов гражданского общества, – считает председатель совета директоров «Экспертного института социальных исследований, ЭИСИ» А.Ю. Шутов [2]. Результатом этого становится сдвиг в существующем нравственно-политическом ландшафте страны, который характеризуется отрицательными эмоциями, включая как возрастающую неопределенность в практической реализации гражданами своих политических прав, так и рост скептицизма в вопросах потенциальной возможности влиять на принятие общественно-значимых решений.

Политолог Н. Миронов замечает, что, выходящие на улицы с протестными акциями россияне, мотивируют свой протест тем, что другие способы донести свою точку зрения не работают, поскольку за столом переговоров для гражданского общества нет места. Практика протестных движений показывает, что только прямой протест оказывается значимым актом для власти и поводом для конструктивных переговоров [3].

Каналы «выплеска общественного пара» в дефиците, говорится в докладе «Общественные волнения в регионах России и пути их урегулирования». Многие протестные темы, связанные с экологией, реновацией, здравоохранением, «дополняются мощной энергией от накопленного в обществе напряжения». Но потом они не получают выхода в политической и общественной жизни. Кроме того, «интересантов», которые способны качественно работать с местной про-

тестной повесткой, не наблюдается ни в провластных, ни в оппозиционных средах, считает глава Фонда Михаил Виноградов. Вследствие этого, повышается «хаотичность протестной активности», ограничивается «набор рычагов для урегулирования волнений» [4]. Говоря иными словами, речь идет об одной из глубинных проблем демократического транзита в современной России.

Политические системы западных стран в 1970-х – 1980-х годах проходили подобные социальные потрясения, и тамошняя бюрократия сочла целесообразным вести политику, ориентированную на расширение общественного участия, в том числе, и в сфере нормотворчества.

В России полноценная реализация проекта по расширению прав граждан могла бы привести к качественным сдвигам во всей совокупности отношений общества и власти [5], и, главное, избежать прямой конфронтации между элитой и населением.

Директор Аналитического центра Юрия Левады Лев Гудков объясняет происходящее усилением напряженности в обществе, напряжением между гражданской элитой и властью. Элита не принимает сверх-централизацию управления и цензуру от представителей власти с дурной репутацией. Нарастание недовольства и протестной активности фиксируется именно в среде интеллектуальной и культурной элиты [6].

Принимая во внимание накопленный зарубежный опыт по внедрению инноваций и расширению участия гражданского общества в нормативно-правовом процессе, следует отметить, что залогом успеха инноваций является соучастие граждан в разработке инновационного курса и законодательных инициатив. Ситуация, когда гражданское общество выступает полноценным актором политического процесса и на ранних этапах подключается к нормотворческой деятельности гарантирует, в дальнейшем, отсутствие сопротивления инновациям, лояльность и легитимность [7–10].

Поскольку, реализация участия гражданского общества в нормативно-правовом процессе происходит при посредничестве СМИ и электронных технологий существуют значительные риски искажения информации, ангажированности СМИ, фальсификации материалов и т.д. Вместе с тем, необходимо отметить, что электронная медиасреда, при всей ее фрагментированности, нестабильности и невысоком уровне человеческого капитала предоставляет широкие возможности для делиберативной демократии [11–13].

Согласимся, что правящие элиты России переоценили риски собственной безопасности и обернули схемы, регулирующие киберпреступность, в свою пользу, направили против мнения независимой общественности и гражданских инициатив в электронной среде. Это привело к нарушению цифровой экосистемы, в которой гражданское общество выступает жерт-

вой, а не равноценным актором нормативно-правового процесса [14]. К примеру, как считает политолог М. Виноградов, в прессе интерес к теме работы мэрии с консультантами избыточно разогрет. Причиной являются недостаточные разъяснения, обоснования для общественности необходимости сотрудничества мэрии с консультантами, отсутствие публичного дискурса по данной проблеме [15]. Упомянутое является одним из ключевых условий улучшения политической коммуникации в обществе и повышения доверия к действиям власти.

Немаловажно, что приглашение социума к участию в публичной политике должно быть обеспечено и подкреплено репутационно. В настоящее время правительства государств и властные элиты нуждаются в политическом краудсорсинге с целью привлечения коллективного интеллекта для решения актуальных политических проблем [16, с. 53]. При этом вовлечение в политический краудсорсинг граждан должно носить характер политического влияния, а не прямого администрирования с привлечением административного ресурса.

Не существует универсального способа политического управления и действия, одинаково эффективного для решения старых и новых политических проблем. Поэтому современная политическая практика должна включать новый способ политического видения, необходимый для реформы политического пространства [17].

Очевидно, что со стороны правящей элиты возможны манипуляции общественным мнением в собственных интересах. Так называемые правительственные кибервойска активно действуют на просторах интернета и способны активно влиять на общественное мнение в сети и манипулировать им.

По мнению специалистов Оксфордского университета, посредством целевого комментирования, создания специального контента, вброса фэйковых новостей, троллинга происходит масштабная манипуляция общественным мнением. Проблемой является рост числа автоматических ботов и распространение алгоритмически контролируемой коммуникации на площадках общественных обсуждений. Оппозиционные и критические посты в электронной среде не только нередко блокируются правительственными службами, но и имеют место физические преследования авторов постов.

При этом в России явно недооценивается политический факт стремления транснациональных корпораций влиять на формирование общественного мнения, а через него и лоббировать свои интересы в законотворческой деятельности. Против нашей страны много лет ведется целенаправленная, хорошо проплаченная информационная и идеологическая война, частью которой является и незаконное влияние на формирование законодательства.

Для понимания приведенного тезиса приведем один из опубликованных в прессе политических

фактов. Так, в период 2005–2017 годов американская высокотехнологичная корпорация Google прямым или косвенным образом участвовала в финансировании 329 научных работ, которые охватывали вопросы, связанные с антимонопольным законодательством, правилами сетевого нейтралитета, конфиденциальностью данных пользователей, авторскими правами и патентами. В половине случаев (54 %) ученые получали финансирование напрямую от Google, в остальных случаях – через организации и университеты, получающие гранты от корпорации. В большинстве случаев (66 %) ученые не раскрывали источник финансирования. Более чем в четверти случаев (26 %) авторы исследований не раскрывали источник финансирования, даже если оно шло напрямую от Google.

Число финансируемых Google научных исследований увеличивалось в периоды, когда бизнес компании находился под угрозой. Например, в 2011 году корпорация начала активно поддерживать исследования по вопросам применения антимонопольного законодательства. Авторы расследования связывают это с тем, что в том же году правительство США инициировало расследование о нарушениях поисковой системой Google закона о защите конкуренции при продвижении собственной продукции, тем самым нанося ущерб конкурентам.

В 2013 году с закрытием расследования финансирование таких проектов резко сократилось, а в 2012 году корпорация начала усиленно предоставлять гранты на исследования в области авторских прав. Такая активность стала попыткой корпорации помешать принятию антипиратского законопроекта в Конгрессе. И в 2015 году был зафиксирован новый всплеск активности в финансировании «антимонопольных исследований» – тогда Европейская комиссия предъявила официальные обвинения в нарушении антимонопольного закона. Кроме того, сотрудники Google неоднократно использовали выводы авторов научных публикаций, которые сами же и спонсировали, в качестве аргумента при споре с властями. Необходимо учитывать, что в рассматриваемой сфере исследователям приходится довольствоваться общедоступными фрагментированными сведениями, которые, тем не менее, свидетельствуют о серьезности рассматриваемых процессов латентного влияния на законотворческую деятельность и доступ к релевантным сведениям, значимым для принятия гражданами решений.

Утверждалось, что использование новых технологий может расширять возможности для местных групп, если оно предоставляет им средства для сбора своих собственных данных, для обеспечения соблюдения правил и оспаривания претензий других лиц, которые, возможно, пожелают ввести их в заблуждение.

Выводы.

1. Как показывает проведенный исследовательский анализ, необходима перезагрузка существующей в России модели общественного участия в разработке нормативных актов, в рамках

которой должен быть произведен анализ выявленных дисфункций и отражены мнения экспертного сообщества. Представители отечественной политической элиты в системном сбое практик вовлечения граждан в проекты участия в разработке нормативных актов не увидели проблему, которая требовала бы каких-то отдельных решений. Политическая же деятельность во многом зависит от поддержки населением соответствующих идей и мотиваций в достижении однозначно сформулированных целей.

2. Реформирование должно осуществляться на условиях взаимного уважения и признания взаимных интересов бюрократии и активной части социума. Только в таком случае граждане смогут стать «агентами перемен».

Литература:

1. Россия 2020. Главные задачи развития страны. Выступление В.В. Путина 08 февраля 2008 г. М. : Издательство «Европа», 2008.

2. *Ладилова Е.* Кремлевские эксперты ищут лекарство от социальной апатии / Е. Ладилова // Известия, 2017, 12 июля.

3. *Миронов Н.* Российская демократия переходит в уличный режим / Н. Миронов // Московский комсомолец, 2017. № 27430. 30 июня.

4. *Миллер Л.* Чиновники реагируют на протесты отсрочкой. Эксперты исследовали недовольство граждан в регионах России / Л. Миллер // Коммерсантъ, 2017, 02 августа.

5. *Перегудов С.П.* Концепция «мониторинговой демократии»: в поисках альтернативных моделей политического развития / С.П. Перегудов // Полис. 2012. № 6. С. 55–67.

6. *Садовская Ю.* Эдита Пьеха отреклась от «Справедливой России» Представители художественной элиты разочарованы в политике / Ю. Садовская // Независимая газета. 2011. 10 февраля.

7. *Fullan M.G.* The New Meaning of Educational Change / M.G. Fullan, S. Stiegelbauer. London : Cassell, 1991.

8. *Fullan M.G.* The New Meaning of Educational Change. Third Edition. New-York : Teachers College Press, 2001.

9. *Cavaye A.L.M.* User participation in system development revisited / A.L.M. Cavaye // Information & Management. 1995. № 28. P. 311–323.

10. *Lin W.* The relationship between user participation and system success: a simultaneous contingency approach / W. Lin, B. Shao // Information and Management. 2000. Vol. 37. № 6. P. 283–295.

11. *Dahlgren P.* The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Delibera-

Однако, как показывает практика, вместо целенаправленной работы с такими потенциальными агентами, у правящей элиты, имеющей отношение к внедрению политических новаций, относительно широко распространены попытки манипулирования общественным мнением, в том числе, и в сфере участия граждан в процессах нормотворчества, что однозначно должно быть признано недопустимым.

3. Ни гражданам, ни инициаторам обсуждений проектов нормативных актов неизвестны потенциальные риски, связанные с практиками участия в электронной поддержке тех или иных законодательных инициатив. Риски же эти будут зависеть от совокупности факторов, которые авторам еще предстоит рассматривать в последующих исследовательских работах.

Literature:

1. Russia 2020. The main tasks of the country's development. Speech by Vladimir Putin February 08, 2008. M. : «Europe» Publishing House, 2008.

2. *Ladylova E.* Kremlin experts are looking for a cure for social apathy / E. Ladylova // Izvestia, 2017, July 12.

3. *Mironov N.* Russian democracy goes into the street regime / N. Mironov // Moscow Komsomolets, 2017. № 27430. June 30.

4. *Miller L.* Officials react to the protests with a reprieve. Experts investigated the discontent of citizens in the regions of Russia / L. Miller // Kommersant, 2017, August 02.

5. *Perehudov S.P.* Concept of «monitoring democracy»: in search of alternative models of political development / Perehudov S.P. // Polis. 2012. № 6. P. 55–67.

6. *Sadovskaya Y.* Edita Piech disavowed «Just Russia» Representatives of the artistic elite are disappointed in politics / Y.Sadovskaya // Independent newspaper, 2011, February 10.

7. *Fullan M.G.* The New Meaning of Educational Change / M.G. Fullan, S. Stiegelbauer. London : Cassell, 1991.

8. *Fullan M.G.* The New Meaning of Educational Change. Third Edition. New-York : Teachers College Press, 2001.

9. *Cavaye A.L.M.* User participation in system development revisited / A.L.M. Cavaye // Information & Management. 1995. № 28. P. 311–323.

10. *Lin W.* The relationship between user participation and system success: a simultaneous contingency approach / W. Lin, B. Shao // Information and Management. 2000. Vol. 37. № 6. P. 283–295.

11. *Dahlgren P.* The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Delibera-

tion / P. Dahlgren // Political Communication. 2005. № 2. P. 147–162.

12. *Butsch R.* Media and Public Spheres. Basington, UK: Palgrave-Macmillan, 2009.

13. *Халилов Т.А.* Тенденции развития межсекторного взаимодействия в Краснодарском крае / Т.А. Халилов // Сборник итоговых материалов III Всероссийского конгресса цыган. М. : Издатель В.Е. Шурыгин, 2009. С. 21–23.

14. *Бондаренко С.В.* Безопасность «электронного государства»: проблема и вариант решения / С.В. Бондаренко // Защита информации. INSIDE. 2012. № 6. С. 22–30.

15. Цит. по: *Мухаметшина Е.* Мэрия посоветуется с народом / Е. Мухаметшина // Ведомости, 2017. № 4367 от 20.07.2017.

16. *Цыбаков Д.Л.* Милитаризация политики и национальная безопасность России : монография. Орел : Изд-во ОРАГС, 2008.

17. *Чернышев А.Г.* Политические реформы в России: маневры между жесткой и гибкой парадигмами в сторону умной власти / А.Г. Чернышев // Государственное и муниципальное управление. 2006. № 1–2.

tion / P. Dahlgren // Political Communication. 2005. № 2. P. 147–162.

12. *Butsch R.* Media and Public Spheres. Basington, UK: Palgrave-Macmillan, 2009.

13. *Khalilov T.A.* Trends in the development of cross-sectoral interaction in the Krasnodar region / T.A. Khalilov // Collection of final materials of the III All-Russian Congress of Gypsies. M. : Publisher V.E. Shurygin, 2009. P. 21–23.

14. *Bondarenko S.V.* Security «electronic state»: problem and solution option / S.V. Bondarenko // Protection of information. INSIDE. 2012. № 6. P. 22–30.

15. Citation. by: *Mukhametshina E.* City Hall will consult with the people / E. Mukhametshina // Vedomosti, 2017. № 4367 from 20.07.2017.

16. *Tsybakov D.L.* Militarization of politics and national security of Russia : monograph. Oryol : ORAGS, 2008.

17. *Chernyshev A.G.* Political reforms in Russia: maneuvers between rigid and flexible paradigms towards smart power / A.G. Chernyshev // State and municipal government. 2006. № 1–2.

Чапурко Татьяна Михайловна
доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД РФ
chapurko@mail.ru

Исаков Артур Леонидович
кандидат философских наук,
доцент кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
popov-52@mail.ru

Роговенко Михаил Александрович
магистр по направлению
«Конфликтология»,
Южный федеральный университет
popov-52@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПЕРЕХОДА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ ИЗ РЕАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СЕТЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ

■ ■ ■

Аннотация. Сегодня в условиях современной модернизации в России интернет-пространство становится инновационной территорией, в рамках которой происходит организация, взаимодействие и структурирование институтов гражданского общества. Авторами данной публикации гражданской активность рассматривается в рамках институционального и функционального подходов. Она выступает как особая форма социально-политической активности общества, институционально заложенная в основе норм социальных взаимодействий человека и государства, а также как форма публичной деятельности гражданина, связанная с его универсальными правами и свободами.

Ключевые слова: модернизация, институты гражданского общества, социально-политическая активность общества, сетевые институты, политическое пространство общества, социальная реальность, социально-политический порядок.

■ ■ ■

Прежде чем приступить к функционально-структурному анализу процессов перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые институты, остановимся на важных аспектах собственно функционирования сетевой коммуникации.

Tatiana M. Chapurko
Doctor of Political Science,
Professor,
Professor of the Department
Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
chapurko@mail.ru

Artur L. Isakov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
popov-52@mail.ru

Mikhail A. Rogovenko
Master of Sciences in Conflictology,
Southern Federal University
popov-52@mail.ru

FUNCTIONAL-STRUCTURAL ANALYSIS OF THE PROCESSES OF TRANSITION OF CIVIC ACTIVITY FROM REAL SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS TO NETWORK INSTITUTIONS

■ ■ ■

Annotation. Today, in the context of modern modernization in Russia, the Internet space is becoming an innovative territory within which the organization, interaction and structuring of civil society institutions takes place. The authors of this publication consider civic activity within the framework of institutional and functional approaches. It acts as a special form of social and political activity of society, institutionalized at the heart of the norms of social interaction between man and the state, as well as a form of public activity of the citizen, connected with his universal rights and freedoms.

Keywords: modernization, civil society institutions, social and political activity of society, network institutions, political space of society, social reality, socio-political order.

■ ■ ■

Сетевые коммуникации сегодня уже не просто теоретический проект, а эмпирическая реальность институционального пространства [1]. Как подчеркивают отечественные исследователи Д.А. Губанов, Д.А. Новиков Д.А. и А.Г. Чхартишвили, взаимодействие субъектов сетевой ком-

муникации отражает новое качество информационных субъект-объектных отношений в социально-политическом пространстве, обусловленное специфическими функциями социальных сетей. Социальные сети как новый вид института имеют полифункциональную природу, реализуя функции общения, получения информации, обмена мнениями и установками, гражданской поддержки, интеракции, а в последнее время все чаще обладают функцией информационного управления, а также – ареной социально-политического противоборства и конфликтогенной коммуникации [2, с. 3–4].

В сетевом пространстве происходит конструирование некоей социальной реальности нового институционального порядка, включающей в свою сферу не только формально существующие гражданские группы, но и интеракцию социальных норм и ценностей, воспроизводство организационной структуры социально-политических интернет-сообществ.

Сетевые институты играют роль своеобразной надстройки над объективными социально-политическими реалиями и выступают как качественно иная форма организации коммуникации между различными социально-экономическими институтами, создавая иное, параллельное пространство гражданской активности.

Базовым процессом в переходе гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые институты является сетевая коммуникация. Обращаясь к сетевой коммуникации, конкретный индивидум руководствуется различными мотивами. Однако независимо от мотивации, он становится участником сетевой коммуникации, реализуя необходимые для коммуникации функции. Отмечается и мультифункциональность сетевой коммуникации [1; 3–4], которая заключается не только в наличии большого числа функций, постоянно наращиваемых (в связи с чем, классификация функций является актуальной проблемой), а и в том, что многие из них могут реализовываться одновременно, т.к. пользователь какой-либо социальной сети имеет совокупность мотивов и потребностей. А.М. Лещенко обращает внимание на необходимость при учете мотивации участников сетевой коммуникации выделить основные функции:

- во-первых, коммуникативную (профессиональные контакты, сотрудничество, обмен информацией и т.д.), образовательную, манипулятивную, замещающую, функцию аффилиации [1]. При этом функции сети могут быть классифицированы следующим образом:
- консолидация участников и формирование сообществ;
- обсуждение важных общественных явлений и инициатив, выработка позиций;
- разработка и обсуждение концепций развития; рейтингование и голосование решений;
- налаживание управления, модерация и репутации участников; защита от отрицательных ин-

формационных воздействий (информационные войны) [5].

Выбор функционально-структурного анализа в качестве метода и инструмента исследования процессов перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые объясняется его важными преимуществами в контексте стоящей задачи исследования. В частности, в его основе лежит принцип системного исследования социальных явлений и процессов как структурно расчлененной целостности, в которой каждый элемент структуры имеет определенное функциональное назначение. При этом привлекательным аспектом для социальных аналитиков в методе функционально-структурного анализа является возможность детализации (декомпозиции) любых исследуемых процессов, реализованная в виде так называемых «иерархических структур». Например, в оппозиции микроуровень – макроуровень. В процессе анализа исследователь начинает с наиболее общего описания функционирования (макроуровень), которое затем детализируется (переход на микроуровень), приобретая иерархическую структуру с возрастающим числом уровней. Иерархия предлагается в виде механизма достижения цели исследования. Достижение цели исследования останавливает иерархическую стратификацию. Отметим также принципиальную вариативность точки зрения на исследуемую социальную проблему или конфликтную ситуацию. Метод предлагает аналитику выстраивать модель в соответствии с конкретной точкой зрения (или точкой зрения конкретного «актера»). Всмотриваясь в проблему с конкретной точки зрения, вживаясь в конкретную роль, соответствующую «точке зрения», или привлекая эксперта, обладающего своей точкой зрения, аналитик получает возможность исследовать ситуацию на основе разнообразных ее описаний.

В качестве основы взята, ставшая уже стандартом, методология функционального моделирования IDEF0 (Integration Definition for Function Modeling) [6–8]. Модели IDEF0 представляют систему в виде множества иерархических (вложенных) функций. IDEF0 сочетает в себе небольшую по объему графическую нотацию (она содержит только два обозначения: блоки и стрелки) со строгими и четко определенными семантиками, в совокупности предназначенными для построения качественной и понятной модели системы. Процесс моделирования представляет собой последовательное продвижение от общего описания процесса (на уровне концептов) к более детализированному на каждом следующем уровне, и так – до уровня проблемного функционального блока [9].

Исследование выполнено с помощью функционально-структурного моделирования в программной среде Ramus Education [10]. Объектом данного исследования является гражданская активность в институциональном пространстве Российского общества. Предметом – конфликт перехода гражданской активности из реальных

социально-политических институтов в сетевые. Целью исследования: поиск путей повышения гражданской активности с использованием конфликта перехода из реальных социально-политических институтов в сетевые.

В качестве базовой модели для анализа будем ориентироваться на одноконтурную когнитивную модель.

На рисунке 1 представлена контекстная диаграмма функционально-структурной модели процессов перехода гражданской активности из

реальных социально-политических институтов в сетевые.

Контекст определяется имеющимся исходным уровнем гражданской активности. Реализация перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые имеет цель получения заданного уровня гражданской активности. Управление процессами организовывается на основе законодательством России (де-юре) и правилами сетевой коммуникации (де-факто). В качестве ресурсов используются сетевые ресурсы, реальные социально-политические институты и сетевые институты.

Рисунок 1 – Контекстная диаграмма функционально-структурной модели процессов перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые

На рисунке 2 изображена диаграмма декомпозиции функционально-структурной модели процессов перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые. На нем процесс имеет четыре подпроцесса, каждый из которых целевым образом обеспечивает переход гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые. Первый подпроцесс реализуется в блоке A1 «Реализация гражданской активности в реальных институтах», используя, соответственно, ресурсы реальных социально-политических институтов. Целевая направленность процесса предполагает неудовлетворенность исходным уровнем гражданской активности и осуществляет формирование на выходе блока A1 стремления к поиску новой более благоприятной среды развития гражданской активности.

Далее, обратим внимание на один важный момент.

Выше мы уже отмечали, что обращаясь к сетевой коммуникации, конкретный индивидуум руководствуется различными мотивами. Однако независимо от мотивации, он становится участником сетевой коммуникации, реализуя необходимые для коммуникации функции. Так, в блоке A2 «Развитие активности в сети» конкретный индивидуум, исходя из самых разных мотивов и используя сетевые ресурсы в соответствии с правилами сетевой коммуникации, достигает необходимого и достаточного уровня активности в сети. И когда он ее достиг (событие «Есть» на выходе), эта активность является уже исходной для выполнения функции в блоке A3.

Блок A3 «Включение конфликта фрикционного перехода» является основным в процессе. В нем используется потенциал конфликта для реализации подпроцесса перехода. Важность реализации этой подфункции подчеркивается организацией мощного управления (четыре! фактора).

Первое управление осуществляется в соответствии с правилами сетевой коммуникации, второе – учитывает стремление к поиску новой более благоприятной среды развития гражданской активности, третье – принимает инициирующий сигнал о запуске конфликта фрикционного перехода с помощью «слабого» сетевого акта, и, наконец, четвертое – используется для усиления

активности фрикционного перехода по результатам уже наблюдаемой гражданской активности в сети. Сигнал на выходе блока A3 является управлением для заключительного блока A4 «Реализация гражданской активности в сети». В последнем собственно и преобразуется исходный уровень гражданской активности в заданный уровень.

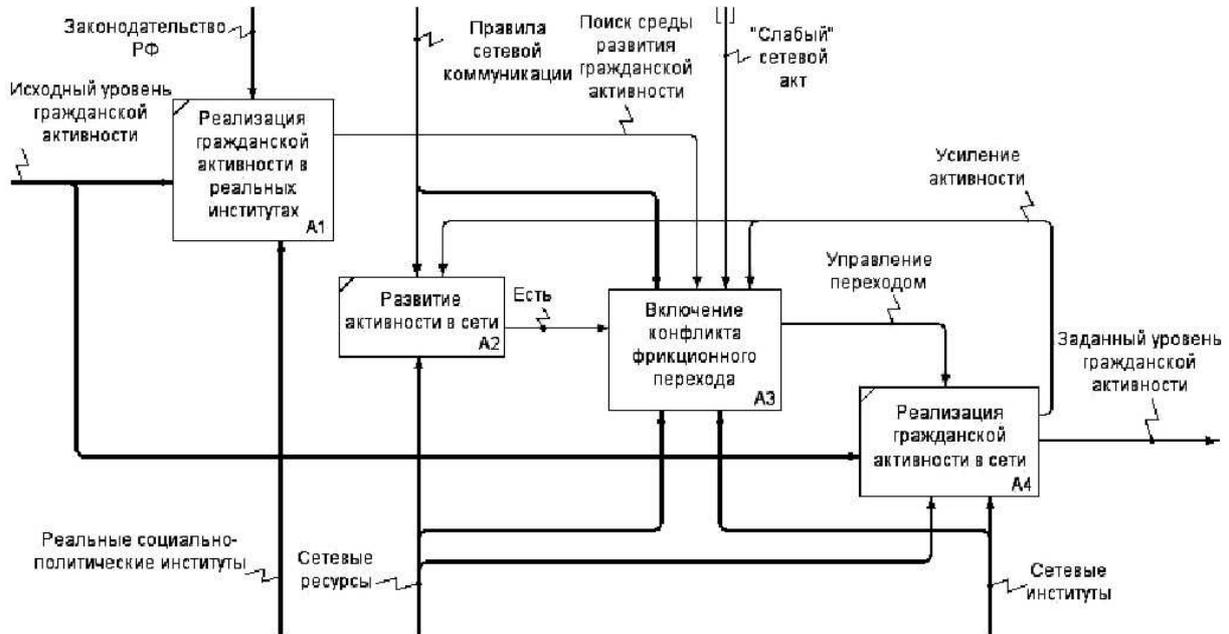

Рисунок 2 – Диаграмма декомпозиции функционально-структурной модели процессов перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые

Центральный момент в реализации функции связан с формированием положительного контура, описанного в когнитивной модели, рассмотренной в разделе 3.1. В контур включены блоки A3 и A4 с помощью обратной связи с выхода A4

на управление A3 и прямой связи с выхода A3 на управление A4. На рисунке 3 представлена диаграмма декомпозиции блока «Включение конфликта фрикционного перехода».

Рисунок 3 – Диаграмма декомпозиции блока «Включение конфликта фрикционного перехода»

Диаграмма демонстрирует декомпозицию функции на подфункции «Включение сетевой фрикционности» и, собственно, «Фрикционный переход». Такая «дуальность» и составляет суть конфликта фрикционного перехода: от активности в сети к гражданской активности в сетевых институтах. Разрешение конфликта и порождает сигнал управления на реализацию перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые.

Когнитивный и функционально-структурный анализ конфликта фрикционного перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые показывает, каким образом, «слабый» сетевой акт (как сила микроуровня взаимодействия индивидуумов) инициирует формирование «слабой» связи, а именно, фрикционной, обеспечивающей устойчивый рост перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые (уже на макроуровне).

Итак, в результате данного исследования нами был проведен когнитивный и функционально-структурный анализ конфликта фрикционного перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые, а также построена когнитивная модель, иллюстрирующая собой визуальное графовое отображение субъектом его представления о системе связей (отношений, влияний, взаимодействий) между концептами (объектами, сущностями, понятиями, факторами), составляемая с определенной целью. Модель демонстрирует, каким образом, «слабый» сетевой акт (как сила микроуровня взаимодействия индивидуумов) инициирует формирование «слабой» связи, а именно, фрикционной, обеспечивающей устойчивый рост перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые (т.е. на макроуровне).

Когнитивный и функционально-структурный анализ конфликта фрикционного перехода гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые показывает, каким образом, «слабый» сетевой акт (как сила микроуровня взаимодействия индивидуумов) инициирует формирование «слабой» связи, а именно, фрикционной, обеспечивающей устойчивый рост перехода гражданской активности из

Литература:

1. *Лещенко А.М.* Мультифункциональность сетевых коммуникаций в современном обществе / А.М. Лещенко // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1.
2. *Губанов Д.А.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противостояния / Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили. М., 2010. С. 3–4.
3. *Лещенко А.М.* Мультифункциональность сетевых коммуникаций в современном обществе / А.М. Лещенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведе-

реальных социально-политических институтов в сетевые (уже на макроуровне).

Сегодня в условиях современной модернизации в России интернет-пространство становится инновационной территорией, в рамках которой происходит организация, взаимодействие и структурирование институтов гражданского общества.

Гражданская активность рассматривается в рамках институционального и функционального подходов. Она выступает как особая форма социально-политической активности общества, институционально заложенная в основе норм социальных взаимодействий человека и государства, а также как форма публичной деятельности гражданина, связанная с его универсальными правами и свободами.

Существуют многочисленные формы гражданской активности. Основные формы гражданской активности в институциональном пространстве российского общества являются: волонтерская деятельность, гражданские онлайн-приложения, краудфандинговые и краудсорсинговые площадки, гражданское действие, гражданская журналистика и аналитика.

В целом, усиливающаяся тенденция к сетевому принципу мобилизации общества в контексте гражданской активности очевидна. В гражданских кампаниях, акциях и частных инициативах этот механизм позволяет выходить на новый уровень. Сетевая форма организации гражданской активности – это децентрализованные системы, которые строятся на договорной основе организации деятельности и формирования партнерских отношений между участниками. В настоящее время происходит распространение сетевых практик на многие виды гражданской активности. Объединенные общей целью или идеей участники сети действуют сообща, эффективно формируя совместные решения по интересующим проблематикам. Такая сетевая деятельность активных граждан (как отдельных, так и гражданских объединений) и общественных объединений (включая всякого рода межорганизационное взаимодействие) становится важным элементом и неотъемлемым условием эффективного функционирования современного гражданского общества.

Literature:

1. *Leshchenko A.M.* Multifunctionality of network communications in modern society / A.M. Leshchenko // Bulletin of Adygea State University. 2011. № 1.
2. *Gubanov D.A.* Social networks: models of information influence, management and confrontation / D.A. Gubanov, D.A. Novikov, A.G. Chkhartishvili. M., 2010. P. 3–4.
3. *Leshchenko A.M.* Multifunctionality of network communications in modern society / A.M. Leshchenko // Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History,

ние: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011.

4. Ачи З. Парадокс быстрорастущих компаний / З. Ачи [и др.] // Вестник McKinsey. 2002. № 3. С. 39–55.

5. Сазонов В.М. Социально-сетевые технологии. Системный анализ и прогноз. М., 2010. URL : <http://v-school.ru/BOOK/cct.doc>

6. Ross D. Structured Analysis for Requirements Definitions» / D. Ross, K. Schoman IEEE Transactions on Software Engineering. 1977. Vol. SE-3. № 1.

7. ICAM Architecture Part II-Volume IV – Function Modeling Manual (IDEF0), AFWAL-TR-81-4023, Materials Laboratory, Air Force Wright Aeronautical Laboratories, Air Force Systems Command, Wright-Patterson Air Force Base, Ohio 45433, June 1981.

8. National Institute of Standards and Technology. Integration Definition For Function Modeling (IDEF0). Washington: Draft Federal Information, 1993. 116 p.

9. Черемных С.В. Моделирование и анализ систем. IDEF – технологии / С.В. Черемных, И.О. Семенов, В.С. Ручкин. М. : Финансы и статистика, 2003. 203 с.

10. Дубейковский В.И. Эффективное моделирование AllFusion Process Mockler (Bpwin). М. : Диалог-МИФИ, 2009. 384 с.

Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies, 2011.

4. Achi Z. The paradox of fast-growing companies / Z. Achi [et al.] // Bulletin McKinsey. 2002. № 3. P. 39–55.

5. Sazonov V.M. Social-network technologies. System analysis and forecast. M., 2010. URL : <http://v-school.ru/BOOK/cct.doc>

6. Ross D. Structured Analysis for Requirements Definitions» / D. Ross, K. Schoman IEEE Transactions on Software Engineering. 1977. Vol. SE-3. № 1.

7. ICAM Architecture Part II-Volume IV – Function Modeling Manual (IDEF0), AFWAL-TR-81-4023, Materials Laboratory, Air Force Wright Aeronautical Laboratories, Air Force Systems Command, Wright-Patterson Air Force Base, Ohio 45433, June 1981.

8. National Institute of Standards and Technology. Integration Definition For Function Modeling (IDEF0). Washington: Draft Federal Information, 1993. 116 p.

9. Cheremnykh S.V. Modeling and analysis of systems. IDEF is technology / S.V. Cheremnykh, I.O. Semenov, V.S. Ruchkin. M. : Finance and statistics, 2003. 203 p.

10. Dubeykovsky V.I. Effective modeling AllFusion Process Mockler (Bpwin). M. : Dialogue-MEPhI, 2009. 384 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

Корректор – Попов М.Ю.
Оригинал-макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.03.2021
Подписано в печать 25.03.2021
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 69

e-mail: id.yug2016@gmail.com